Одесский альманах

№71

IV / 2017

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↓ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (71), 2017
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 4 (71), 2017
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

© АО «ПЛАСКЕ», 2017
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2017

От редакции

Привет из Одессы!

В названии альбома, недавно увидевшего свет, нет восклицательного знака, но он, несомненно, должен быть – материалы альбома рассказывают о нашем городе с того времени, когда он появился на почтовых открытках (конец XIX века), и по сей день.

Превосходно изданный, он привлекает и уникальными открытками, многие из которых давно стали редкостью – мечтой филокартистов, и тем, что в авторский коллектив вошли коллекционеры, краеведы, историки, не только обладающие знанием предмета, но и разработавшие концепцию своего детища, отличающую этот альбом от других подобного жанра.

Как правило, издания такого рода бывают двух типов. Одни подчеркивают привлекательность городов, регионов и показывают на своих страницах то, что может содействовать, как нынче говорят, их туристической привлекательности. Другие же – специализированные – рассчитаны на интерес определенных кругов, на тех, кто увлекается историей архитектуры, культуры, искусства, обычаев и нравов, спорта фольклора…

Наш альбом (в его создании принимали участие и авторы альманаха), кроме того, согласитесь, издание *одесское*, сперва – наше с вами. А потом уже славу и прочее обретают непосредственные исполнители, те, кто нашел свой метод изложения максимы Михаила Жванецкого:

Что-то есть в этой почве, что-то есть в этих прямых улицах, бегущих к морю, в этом голубом море, в этой зелени акаций и платанов, в этих теплых вечерах…

Что-то есть в этих людях, которые так ярко говорят, заимствуя из разных языков самое главное.

Так вот, продолжим: вот все, кто придумал, собрал, систематизировал огромный материал, написал тексты, кто работал над дизайном, над отбором фотографий и их авторов, кто добился высокого качества печати и прочной структуры увесистого издания, – все они на свой лад делом отозвались на афористичный, лиричный, но и точно выверенный, как диагноз (в хорошем смысле!), монолог Жванецого, которым открывается альбом. Президент Всемирного клуба одесситов и стал первым обладателем «Привета из Одессы».

Его получили в подарок библиотеки города (для детей и взрослых), музеи.

Важно и то, что издание – совместный проект Одессы и Харькова (издательство «Дом рекламы»). Сотрудничество продолжится.

Так чем же все-таки необычна концепция этого труда, чем это издание отличается от других, формально относящихся к «альбомам открыток»?

Важно то, что огромный материал, собранный в основном Михаилом Пойзнером и Олегом Губарем (открытки и уникальные фотоматериалы), осмыслен и размещен в тематических разделах, названия которых говорят сами за себя:

«Есть город золотой…» 1794-1914

«На разломе» 1914-1941

«…Ты знала много горя» 1941-1944

«Машина времени» – памятные места города на изображениях разных лет

Город и его жители – наши предки и современники – показаны в дни радости и скорби, созидания и разрухи…

В авторском вступлении к книге говорится: «…Восстановите все, что вы знаете об Одессе, реанимируйте ассоциации, вчувствуйтесь – и город озарится внутренним светом. оживет, доверчиво распахнется».

Те из нас, кто уже листает эти страницы, уже испытал эти чувства, а многим это еще предстоит.

«Привет из Одессы!» – рефрен уходящего года.

Вот лишь несколько событий, которыми мы делимся с вами.

Алексей Ботвинов сыграл в Берлинской филармонии «Гольдберг-вариации». Это – его трехсотое исполнение труднейшего произведения

Баха. Пока еще никто из музыкантов не побил этот рекорд. На этот концерт в столицу Германии специально приехали поклонники великого композитора и одесского маэстро.

Когда верстался этот номер нашего альманаха, состоялась презентация книги Георгия Голубенко «Одесский декамерон» с иллюстрациями Михаила Ревы. Так одесситы отметили юбилей писателя, которому в ноябре исполнилось бы 70 лет. Гарик, так называли его друзья, выпустил несколько сборников, где главным героем была Одесса. Ему принадлежит лаконичное образное определение: «Одесса – улыбка бога».

Символично, что традиционный сборник произведений поэтов и прозаиков, объединившихся в литературный клуб «Зеленая лампа» во Всемирном клубе одесситов, в этом году был назван «Пока бог улыбается…».

В Одессе на Военном спуске в помещении бывшего старинного склада греческой трагедией открылся новый, «подземный», театр. Во Дворце студентов в новом помещении продолжилась биография «Театра на Чайной».

Исполнилось 80 лет Одесскому национальному филармоническому оркестру (художественный руководитель Хобарт Эрл). В этот вечер с ним играл молодой, но уже известный скрипач, наш земляк Алексей Семененко.

К 120-летию нашего музыкального училища в филармонии был дан «Духовный концерт» великого Дюка Эллингтона – блистательный проект Николая Голощапова.

В альбоме «Привет из Одессы», с которого мы начали эти заметки, есть открытки с изображениями первого Городского театра, в котором бывал Александр Пушкин, увы, сгоревшего спустя годы, и нового, открывшегося 130 лет назад. Юбилейный сезон здесь отмечен знаковыми премьерами опер великих композиторов – «Тангейзера» Вагнера и «Набукко» Верди.

Просим считать эти заметки приветом из Одессы, адресованным всем, кто сейчас открывает этот номер альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Внимание: конкурс!

Всего – 192 слова

Редколлегия альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» с декабря 2017 по декабрь 2018 года проводит свой конкурс короткого рассказа.

Похожие конкурсы в мире существуют. Есть конкурсы на рассказ, состоящий из одной фразы, как бы длинна она ни была. Есть конкурс имени О. Генри в США, который много лет проводит наш земляк Вадим Ярмолинец, – на рассказы, состоящие из 55 слов.

Есть конкурс…

– А почему бы нам, – сказал редактор нашего альманаха Феликс Кохрихт, – не взять за основу число, известное всем одесситам, бренд города, как Оперный театр, памятник Дюку и Потемкинская лестница? Ее 192 ступени.

Называем автора идеи, чтобы впоследствии он мог оформить авторское свидетельство. Шутка.

Так вот, в конкурсе, который мы объявляем, рассказ должен состоять из 192 слов, не считая заголовка.

Темы рассказов – наш город, любовь, море, степь, сухое вино, виски и… далее по Википедии. Можно шутливо, можно лирически. Должно быть талантливо. И это главное требование.

Жюри конкурса – Феликс Кохрихт, Олег Губарь, Евгений Голубовский.

Учреждаем три премии.

Первая – 10 000 гривен.

Вторая – 5 000 гривен.

Третья – 2 500 гривен.

Это значит, что одно слово может стоить 52 гривны. Хемингуэй столько не получал.

Конкурс объявляется в декабрьском альманахе, прием коротких рассказов до 1 июля. В сентябрьском номере альманаха в 2018 году поместим шорт-лист, а в декабрьском назовем победителей.

Каждый автор в течение полугода может прислать не больше трех рассказов. Некоторые рассказы еще до выставления баллов, не думая о конкурсных местах, возможно, опубликуем в марте, июне, сентябре, получив ваши тексты.

Адрес для присылки коротких рассказов на конкурс специально создан Всемирным клубом одесситов:

vkokonkurs@gmail.com

Конкурс проводится под патронатом АО «ПЛАСКЕ» и Всемирного клуба одесситов.

Е. Г.

А в разделе «Проза» уже есть самый первый рассказ, пришедший сразу же после того, как я изложил идею конкурса в студии «Зеленая лампа».

Как сказал Юрий Гагарин: «Поехали!».

Автор эмблемы конкурса Виктор Джевага

Михаил Жванецкий

И о политиках...

Вот уже четыре года в каждом альманахе мы публикуем на открытии номера эссе Михаила Михайловича Жванецкого, которые он дарит альманаху. Чаще всего о рельефе нашей жизни, вызывающей изумление всего человечества. Но не только. С какой радостью мы прочитали, а затем опубликовали рассказы о братьях наших меньших – котах и собаках! С каким интересом мы читали его предисловие к бессмертному Швейку! А уроки мудрости, от отца – сыну…

И вот новый для нас аспект творчества. В этом номере наряду с психологическим, чеховским рассказом «Рита» (в разделе прозы) мы знакомим читателей с воспоминаниями и размышлениями о политических деятелях, тех, чьи голоса в 1991 году и определили независимость бывших советских республик. Это эссе о Б.Н. Ельцине и предисловие к первому тому трудов Е.Т. Гайдара.

Обернемся и посмотрим назад, чтобы трезвее видеть, что впереди.

Евгений Голубовский

О Борисе Ельцине

Борис Николаевич Ельцин первый и последний руководитель государства, кто для свободы в России пожертвовал собой.

Он в этой стране был президентом, который терпел, а не наслаждался.

Да, он мог и выпить, как я могу, как все мы можем.

Как любой, попавший в эту беду, в эти жернова.

Когда только интуиция помогает тебе разобраться в своём окружении и принимать решения самому, поверх советчиков.

Каким растрёпанным, измученным он выходил к парламенту. У него же парламент состоял из советских людей. Можно представить себе этот парламент. Это были первые советские люди, которые должны были выражать своё мнение.

А у них его не было, кроме агрессивности.

Борис Николаевич Ельцин что такое свобода показывал на себе.

Измученность и страдание человека, который стал первым свободным в абсолютно несвободной стране.

Кто-нибудь видел страдание на лице Сталина?

От Сталина страдала страна.

А Борис Николаевич страдал от страны.

И последний шаг к свободе последнего свободного президента – это схема операции на сердце. В газетах появился президент в разрезе. Можете себе представить, чтобы это было до него или после него?

Последний урок свободного президента в этой несвободной стране.

Это после всех «Кукол», после всех сатириков и пародий. Вот такой затихающий звук трубы.

Я уже молчу о говорящей жене. Первой и последней говорящей жене президента этой страны.

О говорящей дочери. Мы впервые не только увидели, но услышали семью нашего президента.

Остальные молчали и молчат до сих пор, держась за сумочки.

Он удивительно смеялся. Вот, например, ему довелось как-то награждать меня. Я сказал, что впервые вижу, как не председатель похоронной комиссии предыдущего президента, а избранный президент, новый, меня награждает.

Он беззвучно хохотал, прикручивая орден к пиджаку.

Это о чём говорит? Это обо всём говорит.

Как и то, что он вставал раньше всех и брился в темноте, чтобы не будить свой лётный экипаж.

Это о чём говорит? Это обо всём говорит.

Мы встретились под лестницей в Доме кино.

Я сказал: «Борис Николаевич, вот мы с вами познакомились. Я сейчас хочу привести – там, наверху в зале, сидит вот эта вся демократическая общественность, там писатели есть, артисты… Можно я приведу их и познакомлю с вами?

А вы ждите».

Он сказал: «Я буду здесь ждать».

И ждал меня под лестницей.

Он стоял под лестницей и ждал.

Это опять-таки о чём говорит? Это обо всём говорит.

Это он первый сказал: «Мне пора уходить. И я ухожу».

И он ушёл.

Думаю, второго такого не будет.

Стыдно за себя.

Ты пользуешься результатами этой великой жизни.

Этого великого дара предвидеть и предчувствовать.

Стыдно видеть на тротуарах нестоптанные ботинки.

На мостовой прекрасные машины.

В магазинах и ресторанах слышать: «Заходите! Будем рады!».

И еда, еда…

Её так много, что развивается безвкусица в театре и на экране. Одежды так много, что обсуждается каждый поясок или оттенки баклажанного цвета дамского пальто.

По телевидению несчётные потоки завтраков и обедов, вызывающие раздражение отсутствием серьёзных проблем.

Конкурсы сыров, медов, диет.

Рецепты похудания и здоровой жизни.

Обсуждения, как обставить дом, квартиру.

Как уменьшить скопления машин…

Господи! Вот вам наши проблемы, наши банкеты, наши речи и юмор, пустой, как стол после банкета.

Казалось бы, где страдания? Где мудрость?

Где массовые стройки с обедом: хлеб и бутылка молока?

Где фильмы о весёлых поездах на целину? С луковицами, загримированными под яблоки. Чтоб актёры не ели, но могли откусить.

Где умные головы, выбивающие в командировках дефицит?

Где такой массовый романтический уход из жизни в 58 лет?

Это всё есть в этой книге, но уже нет в нашей жизни.

Последний голод.

Последняя нищета премьера.

Нам теперь остаётся только проклинать глупую развлекуху телевидения, книжные фантазии, подрывы благополучных благополучными, попытки внести кровавое разнообразие в долгие каникулы.

Кому теперь стыдно пригласить иностранца в Москву?

Кто стесняется своих сорока долларов в Париже?

Пропало наслаждение заграничной литературной жизнью в запертой голодной стране.

Под этой обложкой человек, который своей короткой жизнью продлил жизнь людей в этой стране, наполнил аптеки.

Освободил нас от доставания самого насущного.

Эти проблемы ушли из квартир и перешли в кабинеты.

Проблемы перестали быть унизительными.

Появилась борьба с коррупцией, которой мы гордимся.

Борьба с хранением денег в чужих банках.

Отслеживание нетрадиционной любви и тяжёлая схватка с геями.

Мало ли что возникает у сытых людей.

Даже войны.

Под этой обложкой человек, который впервые в СССР не обманул, дал каждому то, что тому смертельно недоставало – человеческое существование.

Он сделал наш язык переводимым, книги понятными, нас – гражданами мира.

Заплатил очень дорого.

Заплатил атмосферой ненависти, непонимания вокруг себя.

Вот всё, что он получил при жизни и получает до сих пор.

Сегодня идёт очень результативная борьба за возвращение прошлого.

За возвращение женщин в литейные цеха.

Хороших новостей в программу «Время».

И в оборону, оборону, оборону…

Видимо, низы сошлись с верхами.

Когда есть главное, хочется чего-то ещё…

Конечно интересно, как будет выглядеть советская власть в новой России!

Настолько трудно себе её представить снова в этой стране, как представить висячий замок на компьютере.

Гениальный человек дал миру планшет.

Наш гениальный человек дал нам всё остальное.

Разница между ними только в том, что наш рисковал и до сих пор рискует своей жизнью.

Может, потому, что многим стыдно за себя.

Да, наши уехавшие выглядят счастливыми.

Но наши оставшиеся перестали быть несчастными!

Всё!

Я ему рассказал о нас.

А сейчас он расскажет нам о себе.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

16 Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе

42 Олег Сивирин
Кисёлова гора и Лузановка

75 Елена Букреева
«Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве»

87 Валерия Кухаренко
О том, что было…

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Недвижимость Форгегера и Катлея

О ней сказать уместно, поскольку Форгегер уже упоминался и ранее, а недвижимость его находилась поблизости и была весьма приметной. Коммерции советник *Антон* (*Антониус*) *Форгегер* и его деловой партнер, компаньон, одесский 1-й гильдии купец *Иван* (*Джон*) *Катлей*, учредители коммерческого дома «Форгегер и Катлей» – крупные экспортеры и импортеры широкого профиля через одесский порт.[486] С весны 1805-го они стали активно скупать в Одессе недвижимость, которую затем позитивно преобразовывали. Они также получали под застройку и пустопорожние места.

1 мая 1805-го в журнале заседаний ОСК отмечена покупка этой фирмой дома и места у одесского мещанина Петра Зотова, сообщена и предыстория застройки. Данный участок соответствует середине нечетной стороны квартала по улице Успенской, меж Ришельевской и Итальянской – части современной постройки, № 69/67 на стыке с № 65.[487] В июле 1806-го компаньоны прилично застроили место на углу улиц Итальянской (Пушкинская, № 31) и Еврейской, № 15.[488] В июле 1812-го Форгегер получил места по четной стороне Почтовой улицы (Жуковского, № 12), на углу Польской, № 18.[489] Не позднее мая 1813-го он владел магазином по четной стороне Канатной улицы.[490]

1 декабря 1814-го Форгегер доводит до сведения ОСК, что продолжает строить дом и магазин на углу Итальянской (Пушкинской, № 23) и Почтовой (Жуковского, № 13) улиц.[491] В мае 1822-го

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-70.

Руины дома Форгегера и Катлея на углу улиц Пушкинской и Жуковского. 2017 г.

эти давно готовые постройки были обмерены.[492] Двухэтажный дом, о котором тут идет речь, подвергся пожару в 2007-м. Я сам наблюдал это происшествие, поскольку как раз находился в расположенном накрест через улицу Облгосархиве. С тех пор здание лежит в руинах, частично подвергшись разборке. Обследование кладок свидетельствует о давности и функциональном назначении постройки: в нижнем этаже располагались лавки с характерными сводчатыми окнами и входами, в верхнем – жилые покои. На внутренней боковой грани здания видны заделанные окна, прежде выходившие во двор, – в ту пору, когда дом на смежном участке по Итальянской улице занимал лишь около половины фасада, то есть когда застройка тут еще не была сплошной.

Граф Леон Рошешуар пишет: «Нередко встречались мы с гостеприимными семьями английского торговца, господина Катлея, женатого на прекрасной венке, и немецкого банкира (Форгегера. – **О. Г.**), вдовца и отца двух очень милых девушек».[493] «Прекрасную венку» звали Терезией. В интервале меж 1823 и 1825-м она овдовела, после чего вышла замуж за представителя

известного семейства Гогель. 4 января 1826-го запросила свидетельство на доставшийся от покойного супруга хутор, владельческие документы на который он получил 31 июля 1821 года.[494]

XIII квартал

Помимо Греческой он ограничен улицами Итальянской (Пушкинской), Полицейской (Бунина) и Ришельевской. Как видно из первого генплана, интенсивная застройка этого квартала началась как раз по Греческой улице. Угловое место № 108 по ее нечетной стороне (ныне пятно застройки домом № 19) и нечетной стороне Ришельевской было уступлено тому же И.П. Дестуни другим авторитетным в юной Одессе ионическим греком, уроженцем города Левкада, тоже одним из первых одесских бургомистров (1796), маклеров, юристов, *Федором Зафириевичем Флогаити* (1755-1823). 12 октября 1794-го он получил от де Рибаса места № 107 и 108, по смежности с «№ 106 купца Федораки, а позади – № 104, купца Кленова». Флогаити начал застройку с № 107 (ул. Греческая, № 17), «потом усмотрел тягостно в назначенный срок застроить другое место, в 1795-м годе уступил» Дестуни «угольное под № 108 место, на которой, получа оное, т. к. тогда в Одессе Комитет устроен еще не был, и каждой по новости города строил, как кто мог, застроил» он «показанное угольное место, которое строение потом, изломав, как не по плану был выстроен, и потом выстроил на оное по данной» ему «от Комитета плану дом». Проанализировав ситуацию, Комитет выдал Дестуни владельческие документы 29 июля 1815 года.[495]

Факт плановой перестройки в 1815-м и высокая оценочная стоимость свидетельствуют о том, что дом Дестуни был солидный, двухэтажный. Это можно сказать и о доме Флогаити. Почему? Потому что он тоже реконструировал первичную постройку, для чего 20 декабря 1806-го взял ссуду в Строительном комитете.[496] К слову, и Дестуни тогда получил ссуду на тот же предмет,[497] и оценочная стоимость архаической постройки уже составляла 8.000 рублей[498]. А существующий на тот момент дом Флогаити получил оценку 8.500 рублей.[499] Похоже, он вообще застроился первым в этом квартале, поскольку владел им «по открытому листу, выдан-

ному от вице-адмирала и кавалера де Рибаса».[500] Открытый лист – это не квиток на отвод под застройку, а полноценные владельческие документы, что означает: дом был построен не позднее 1796-го. Из архивных документов 1832 года следует: данной недвижимостью владеют супруга покойного Флогаити Зиновия Юрьевна и сын Василий Федорович, причем оценочная стоимость составляет уже 15.250 рублей.[501]

Резюмируем изложенное: в пушкинское время по обе стороны этого квартала располагались сплошь приличные дома состоятельных греческих купцов, игравших видную роль и в общественных делах.

Дома Сикара и соседние: XII квартал

Продвигаясь вниз по Греческой улице, мы выходим к этому кварталу, ограниченному также Итальянской, Полицейской и Польской. На протяжении первых десятилетий Одессы – это средоточие недвижимости, включая амбары, крупных хлебных экспортеров не греческого происхождения: поляков, югославян, австрийцев, итальянцев, французов. По мере того, как хлебные магазины переносились из центра на периферию, эти, первичные, переоборудовались в доходные дома.

Шарль и Лаура Сикар – более или менее известны специалистам, а отчасти и дилетантам, но лишь благодаря тому, что входили в круг одесских знакомых Пушкина. Принято считать, что поэт некоторое время обитал в «*Hôtel du Nord*»,

по Итальянской улице, находившемся в собственном доме Сикара. Если это так, то пребывание Пушкина здесь было кратковременным: весной 1823 года и (или) в 1822-м, когда он гипотетически мог навещать Одессу. Один из мемуаристов, который не был современником описываемых событий, говорит о посещении Пушкиным дома Сикаров по Садовой улице, но этого не могло быть по той простой причине, что дом построен много лет спустя после окончательного отъезда Александра Сергеевича.

Французский негоциант Шарль (Карл Яковлевич) Сикар (1773-1830) перебрался в Одессу из Марселя вскоре после того, как герцог Ришелье обосновался здесь в качестве главного администратора, пользовался его покровительством, а после отъезда Дюка во Францию их связывала оживленная дружеская переписка. Согласно архивным документам, Сикар вступил в российское подданство из иностранных негоциантов и принял присягу 8 февраля 1807 года.[502]

К 7-10 августа 1805 года относится первое прошение Сикара об отводе ему мест под застройку – на углу улиц Еврейской и Итальянской, каковые места и были ему отданы Одесским строительным комитетом с санкции герцога Ришелье.[503] Однако дом здесь он так и не построил, а лишь оградительную стену, и 24 марта 1810 года участок перешел к другому лицу. 6 января 1812 года он отказался от постройки, точнее – достройки, и в другом месте, отведенном 11 августа 1811 года по нечетной стороне Итальянской улицы, в квартале меж Дерибасовской и Греческой (Пушкинская, № 7). Любопытно, что изначально его отвели первому директору одесского карантина статскому советнику Николаю Егоровичу Карпову: того перевели из Одессы, и потому он не сумел в срок окончить начатую постройку.[504] Вероятно, планы Сикара в тот момент изменились, и он просто-напросто не мог изъять из оборота необходимые средства. Не позднее лета 1818 года он купил два места и дом по четной стороне Полицейской улицы угол Польской, которые достраивал вместе с братом Людовиком.

Сикар – автор первой, причем блистательной *одессафильской* брошюры «Письма об Одессе», изданной в Санкт-Петербурге

на французском языке (1812), частично публиковавшейся ранее анонимно, а позднее (1818) вышедшей и в русскоязычном варианте. То была не какая-нибудь дешевая и пошлая пиар-акция, наподобие нынешних рекламных атак СМИ. Это скорее исповедь смелого и умелого человека, связавшего свою судьбу с юной Одессой, убедительно демонстрирующей миру коммерческую и социальную привлекательность, выдающиеся перспективы. В то же время здесь опосредованно видится участие де Ришелье – по крайней мере, вдохновляющее.

LETTRES
SUR ODESSA.
PAR SICARD, AINÉ,
Négociant établi dans cette ville.

Je vois creuser des ports, bâtir des arsenaux;
. . . . . .
Les marais sont couverts de moissons amassantes,
Les désorts sont peuplés de villes florissantes.
(*Epître sur les voyages, par J. Delille.*)

ST.-PÉTERSBOURG,
DE L'IMPRIMERIE DE PLUCHART ET COMP.
1812.

Как справедливо заметил один достойный исследователь, Сикар, без преувеличения, мыслил категориями, к которым политики и экономисты пришли лишь много лет спустя. В то время, когда вся Европа кипела и саморазрушалась в военных конфликтах, когда и Одесса фактически была прифронтовым городом, дальновидные, взвешенные шаги местной администрации обеспечивали «спокойствие, достаток и благополучие» во всех отношениях пестрого населения. Состоятельность личности – вот главный критерий благополучия по Сикару: насильно никого не осчастливишь. Как хорошо это согласуется с тезисом самого Ришелье: не будем слишком регулировать! Поразительна прямота, с которой автор раскрывает всевозможные коммерческие секреты, нисколько не страшась конкуренции, открыто делится с читателями наработанным опытом, вдаваясь в мельчайшие детали.

В те годы судьба Карла Яковлевича складывалась вполне благополучно. Он осуществлял весьма солидные международные

коммерческие операции, обороты его торгового дома превышали 10 миллионов рублей ежегодно, был комиссаром в чумную эпидемию 1812-1813 гг., в 1814 году женился на Лауре де Тиис (1797-1864), владел разнообразной недвижимостью, пользовался выдающимся авторитетом в гражданском обществе, в 1823-м входил в состав Комиссии для устройства новой черты порто-франко.

В 1820 году коммерции советник и кавалер Сикар был доверенным лицом графа М.С. Воронцова после покупки последним дома в Одессе и закреплении соответствующего обширного участка на нынешнем Приморском бульваре. Французский негоциант выполнял по доверенности очень ответственные поручения польских шляхтичей, в частности, курировал строительство их домов и магазинов в историческом центре.[505] «Кавалер» означает, что Сикар награжден российскими орденами Святого Владимира 4-й степени и Святой Анны 3-й, что, между прочим, открывало путь во дворянство.

Согласно архивным документам, «мемориальное место» по нынешней улице Пушкинской, № 13, ему отведено 2 августа 1817 года – с тем чтобы застроить его в полтора года. Однако реально план и фасад этого здания утверждены в Строительном комитете лишь 17 июня 1820-го, а строительство, да и то, скорее всего, без внутренней отделки, как это тогда повсеместно практиковалось, окончилось 3 мая 1821-го,[506] владельческие документы, как я уже говорил, выданы летом.[507] Внутреннее обустройство, очевидно, продолжалось летом, когда Сикар еще и территориально разбирался с соседом, протоиереем греческого храма Кириллом.[508] Все это определенно может означать, что Пушкин никак не мог останавливаться в этом доме в 1820-1821 годах.

Вопрос в другом. И.П. Липранди говорит, что Пушкин очень любил бывать у Сикара, на устраиваемых им для избранного круга лиц обедах, где, в частности, познакомился с австрийским консулом фон Томом: «Из всех домов, посещаемых Пушкиным в Одессе, особенно любил он обедать у негоцианта Сикара, некогда французского консула, одного из старейших жителей Одессы и автора брошюры на французском языке о торговле в Одессе. Пять-шесть обедов в год, им даваемых, не иначе как званых и немноголюдных (не более как двадцати четырех чело-

Дом Сикара по ул. Итальянской (Пушкинской)

век, без женщин) действительно были замечательны отсутствием всякого этикета, при высшей сервировке стола. Пушкин был всегда приглашаем, и здесь я его находил, как говорится, совершенно в своей тарелке, дающим иногда волю болтовне, которая любезно принималась собеседниками. Так, однажды кто-то за столом рассказывал подробности бывшей охоты, и в одном случае был упомянут некто Том, относительно встречи с волком, от которого он отделался проявлением присутствия духа. Пушкин, которого всякий подобный случай особенно занимал, спросил: «Который Том – 1-й, 2-й или 3-й?». Один из присутствовавших, почтенной наружности пожилой человек, очень любезно ответил: «Это был 3-й Том». Ответ этот вызвал общий смех, к которому присоединился и Пушкин. Том был австрийский консул в Одессе и старожил города, человек, уважаемый всеми и гостеприимный. У него было два сына, почти одинаковых лет с Пушкиным, с которыми он иногда встречался у Отона, в театральном фойе, и в общем разговоре обменивался словами; но отца их он никогда не видел до вышеприведенного

ответа. Узнав после стола об имени отвечавшего, Пушкин подошел к нему с извинением, и впоследствии он не раз был приглашаем стариком на дачу, кажется, около Дольника».

В каком же доме происходили эти журфиксы? Разумеется, не в отеле. Отпадает и смежный участок по Польской со стороны гостиничного двора, также принадлежавший Сикару: здесь находились магазины (амбары) и служебные помещения. Возможно, сказанные приемы проходили в одном из домов, формально принадлежавших Лауре Сикар, которые находились на нечетной стороне Канатной улицы напротив Еврейской. Владельческие бумаги получены Лаурой соответственно 15 декабря 1820-го и 15 мая 1822 года.[509]

Во всех отношениях удачливый человек, Шарль Сикар ушел из жизни при весьма драматических и даже несколько загадочных обстоятельствах. В феврале 1830 года он отправился на судне в Стамбул по делам и погиб во время кораблекрушения. Некоторые исследователи считают, что гибель им предумышленно имитирована. Основанием к тому служит соображение о финансовом крахе Сикара в конце 1820-х и понятном стремлении по возможности оградить семью от взятых на себя обязательств. Сюда же как бы вписывается другой факт: в ходе этой аварии никто не пострадал, а наш герой пропал без вести.

Впрочем, все эти построения лишь умозрительны. Стала ли ему могилой морская пучина, а может, скромный погост какого-нибудь средиземноморского городка, неведомо. Так или иначе, Шарль Сикар – один из тех энергичных, самоотверженных деловых людей и в то же время величайших гуманистов, благодаря которым Одесса состоялась.

Еще один момент. Согласно акцизным ведомостям, в начале 1823-го гостиницу содержал сам домовладелец Сикар, а одесский купец Яков Мишель выказывал желание содержать при ней кофейню и стол.[510] В итоге, оформив соответствующие документы, этот предприниматель взял под свое управление весь отель.[511]

История ранней застройки всего квартала довольно сумбурна: участки, неоконченные и (или) ветхие постройки, заготовленные материалы многократно переходили из рук, что не редкость в то нелегкое время. В частности, тут задействованы: доктор *Джо-*

ванни Капелло[512], отставной корнет *Иосиф Шемиот*[513], семейство *Пеццер* (*Pezzer Natale, Luigi*), негоциантов, биржевиков, банкиров из Дубровника, Рагузы: о них мы будем говорить в разделе, посвященном дому Бларамберга. Фигурантами были: французский предприниматель *Батисто Рубо*, «Крымского виноградного училища учитель» *Фон-дер-Шкруф*, *барон Огер*, *брат Сикара Людовик*, шляхтич *И.К. Загурский*, итальянский хлебный экспортер *Карл Россини* и другие.[514]

Довольно значимые постройки в пределах мест № 91-92 (ныне тут гостиница «Бристоль») осуществлены меж 1802-м и 1807-м годами итальянским купцом *Луиджи Марангони*[515], а меж 1812-м и 1818-м они перешли к негоцианту Карлу Россини. До этого времени участки пустовали. Места были застроены по всему периметру, а въездные ворота располагались со стороны Полицейской улицы, ближе к углу Итальянской. Тут и фасадные доходные дома, и хлебные магазины, и службы. Ему же, Россини, принадлежал большой комплекс построек с очень высокой оценочной стоимостью, находившийся напротив, на углу Итальянской и Полицейской улиц[516], по современной нумерации это Пушкинская, № 14, и Бунина, № 16; здания тут, понятно, уже другие. Россини владел еще и хутором площадью 15 десятин, граничащим с так называемым *Дюковским садом*, то есть хутором герцога Ришелье. К слову, Дюк получил под садоводство бывший хутор знаменитого первостроителя Одессы *де Волана*,[517] каковой факт едва ли кому известен.

В 1818-м Сикары приобрели недвижимость Четвертинского, примыкавшую к местам Россини со стороны Польской улицы,[518] то есть им принадлежала половина квартала по улице Полицейской: современная нумерация – Польская, № 12, Бунина, № 12. Учитывая то обстоятельство, что они владели еще и местами, соответствующими нынешним адресам Пушкинская, № 13, и Польская, № 10, есть все основания условно называть XII квартал в пушкинское время кварталом Сикаров.

Приличные постройки довольно рано появились в этом квартале и по Греческой улице. Скажем, место № 97 (по современной нумерации – Греческая, № 9) застроено не позднее 1802-го, а затем достраивалось. О значимости строений свидетельствует тот факт, что 26 ноября 1806-го их владелец, одесский 1-й гильдии

Сохранившиеся дворовые флигели пушкинского времени

купец *Марк Андрич*, о котором мы еще будем говорить, получил немалую ссуду на построение торговых помещений под залог уже существующей тут недвижимости.[519] Затем место со строениями перешло к упоминавшемуся «митрополиту и кавалеру» Кириллу, которому 5 июня 1822-го Строительный комитет утвердил план и фасад на построение здесь нового дома либо капитальную реконструкцию прежнего.[520]

Подводя итоги, скажем: в пушкинское время XII квартал представлял собой весьма любопытный, необычный для жителя северной столицы функционально, социально и этнически пестрый конгломерат. Доходные дома, лавки и даже хлебные магазины по фасаду, неладно скроенный, но крепко сшитый быт: арендаторы жилых помещений вынуждены были мириться с постоянным въездом и выездом во дворы груженных зерном фур, пыльной работой так называемых *лопатников*, то есть рабочих, перемещающих зерно с места на место для просушки. Иначе и быть не могло в городе, процветавшем за счет хлебного экспорта.

Дом Понятовского

Здесь же уместно вскользь упомянуть недвижимость *полковника Иосифа* (*Осипа*) *Игнатьевича Понятовского* (около 1766 – 1844; идентифицировать личность мне помог генеалог С.Г. Решетов), занимавшую территорию нынешнего Музея западного и восточного искусства по улицам Пушкинской, № 9, Греческой, № 16,[521] которая позднее отошла к Абазе, а затем к Рафаловичу. В пушкинское время тут уже были довольно солидные строения, причем первичная застройка началась рано, угловое место на генплане отмечено застроенным уже в 1802-м. Она поэтапно расширялась. В хранящемся в Российском государственном архиве древних актов реестре частным домам Одессы, оконченным постройкою в 1820-м году, значится и 2-этажный дом «князя Понятовского с погребом под оным» в VII квартале, № 45 и 46. В 1820-1830-х здесь арендовали помещения известнейшие в городе мраморщики: сперва Пьетро Дженари, а затем Лоренцо Монтебруно.[522] Согласно ретроспективным генпланам, это и есть нынешние «музейные места».

По ведомости 1848 года оценка этой недвижимости покойного Понятовского, перешедшая, понятно, к его наследникам, составляла 16.408 рублей серебром.[523] Тут находились как жилые дома, так и хлебные магазины. В 1822-м Понятовский приобрел один из хуторов Кобле – тот, что был на Водяной балке.[524] Этот хутор у него впоследствии взял в аренду небезызвестный Жан Даваллон, издатель первой одесской газеты.[525]

Ланжероновский спуск (II квартал)

Обходя дома Рено слева, Пушкин оказывался на Ланжероновской улице, заканчивающейся довольно крутым спуском к Таможенной площади. Все строения по правую руку на этом квартале мы уже рассмотрели. А за Итальянской первым справа был дом помещика поручика *Бугаевского* – Пушкинская, № 1, по нынешней нумерации, а по первичной – II квартал военного форштата, место № 12. Теперь тут другое строение, однако очень может

быть, что в нижней его части не сохранились какие-то элементы первичной застройки. Без специальных исследований очень трудно делать внятное заключение. Мысль о сохранности архаических элементов навевают следующие обстоятельства.

19 июля 1823 года в заседании Строительного комитета было оглашено заключение архитектора Боффо, проведшего соответствующее освидетельствование: дом «построен по симметрии и не противно архитектуре»[526]. В 1820-х, до мая 1828-го, в этом здании помещался *благородный мужской пансион Генриха Веплера*.[527] Это ли не опосредованное свидетельство качества постройки? Она выглядит довольно значительной и на всех городских планах 1802-1828 гг., угольной формы, протяженность длиннее по улице Итальянской. Возможно, домовладелец – тот самый Бугаевский, который в чине прапорщика отличился в сражении 14 августа 1812 года под Красным.

Из снятого с натуры рисунка Ж.В. Гаюи (1819-1820 гг.) отчетливо видны все постройки в этом квартале по нечетной стороне. Дом Бугаевского рельефно выделяется на фоне окружающих построек своими габаритами, монументальностью. Соседние строения на местах № 9, 10, 11 тоже двухэтажные, однако высота их значительно меньше, и выглядят они архаичнее.

Других больших по площади строений в этом квартале на ранней стадии застройки не было по причине косогора строительной площадки, опасности инженерно-геологических неприятностей. Тем не менее в 1810-х застройщики стали проявлять немалый интерес к этой площадке, но правой, более удобной ее части, со стороны Дерибасовской. Прелюбопытна история отвода двух чрезвычайно выгодных мест, № 5 и № 6, во II квартале Военного форштата, на пересечении Дерибасовской и Польской улиц, графу Венансону. По современной нумерации – это застройка по улице Дерибасовской, № 2 и № 4.

Полковник и кавалер *граф Осип* (*Иосиф*) *Петрович Венансон* (1777 – после 1828) подал прошение в ОСК 12 июля 1811 г. Комитет навел справки и установил, что в 1795 г. инженерная команда отвела их небезызвестному коллежскому советнику *А.И. Алтести* (фавориту Платона Зубова). Места эти позднее получила не менее известная в региональной истории фигура – графиня *Александра*

Васильевна Браницкая, мать Е.К. Воронцовой. Оные участки были обнесены забором. На одно из этих мест выходила часть землянки с соседнего места, где находился купленный графиней у предыдущего владельца дом и сад. Она предполагала строить солидный плановый дом с соответствующими службами. Через живущего в упомянутой землянке смотрителя, отставного прапорщика, находящейся в неблизком поместье Браницкой объявили, чтоб она застраивала места, иначе их отнимут. И хотя можно привести массу примеров, когда лиц подобного калибра не слишком торопили с исполнением, в данном случае места поспешно отобрали. 11 января 1812 г. их отдали графу Венансону, заплатившему лишь 450 рублей за старые стройматериалы.

Портрет графини А.В. Браницкой с детьми

В чем же тут, как нынче говорят, фишка? А в том, что Венансон служил начальником штаба в дивизии герцога де Ришелье. Небезынтересно, что в том же году Венансон отправился на театр военных действий и, разумеется, так и не сумел застроить отведенные ему места. При освидетельствовании в конце 1814-го здесь нашли очередную «незавершенку»: часть выведенных стен, забор и заготовленный штучный камень. На сей раз – ситуация поистине анекдотическая! – та же графиня Браницкая уплатила оценочные деньги за материал и вернула себе прежние места.[528] Ф.Ф. Вигель приводит следующее высказывание Браницкой: «Меня все бранят за то, что я не строю дворца. Я люблю садить (то есть разводить сады. – **О. Г.**), а не строиться; одно потруднее другого и требует гораздо более времени. После меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморные палаты, будет ему из чего».

Портрет А.В. Браницкой

По одной из версий, граф Венансон не сумел застроиться по причине крайне неблагоприятно сложившихся, скажем так, пикантных обстоятельств. В 1811 году он в числе прочих сопровождал метрессу императора Александра Павловича М.А. Нарышкину в ее вояже по Тавриде. «Этот бедный малый, – сообщает граф Рошешуар, – очень красивый мужчина, показал себя чрезмерно услужливым по отношению к знатной даме. Она ли позже подшутила над ним в разговоре со своим августейшим любовником, или чей-либо злой язык донес об этом императору, но как бы то ни было, граф де Венансон воевал блистательно во время кампаний 1812-го, 1813-го и 1814 годов, не получив ни звания, ни награды; он оставил службу в России, возвратился в Сардинию (в 1816-м. – **О. Г.**), на родину, и очень быстро получил звание генерал-лейтенанта».[529]

Рошешуар несколько сгущает краски. О.П. Венансон за отличие в упомянутых кампаниях был произведен в генерал-майоры 28 октября 1814 года, имел российские награды: ордена Св. Анны 2-й степени с алмазами, Святого Владимира 3-й и 4-й степеней, Святого Иоанна Иерусалимского, золотую шпагу и др.[530] Прохладное отношение императора к сардинскому дворянину связано с обстоятельствами известной в российской истории дуэли генерал-майора Бахметьева и штабс-капитана Кушелева, на которой Венансон был секундантом второго.[531] Другими словами, граф удалился из России, поскольку его подвиги не были оценены по достоинству, и он понимал бесперспективность дальнейшей службы. Так или иначе, а этот сюжет наглядно иллюстрирует причины, по которым некоторые офицеры не сумели построиться в Одессе.

Меж тем Венансон планировал застроить свои места очень и очень солидным зданием: об этом говорит высокая оценочная стоимость заготовленного им материала. Доверенное лицо графа, Шарль Сикар, в июне 1817 года получил хранящиеся в ОСК 5.988 рублей, уплаченных поверенным графини Браницкой капитаном Шершеневичем для передачи законному владельцу[532] Это было бы сооружение вроде построенных вскоре грандиозных по тем временам домов Фундуклея и Кошелева, о чем мы уже говорили.

Но обстоятельства сложились так, что вместо Венансона эту задачу с еще большим успехом выполнила Браницкая. В 1823-1824 гг. это была недвижимость с самой высокой оценочной стоимостью в Одессе – 140.000 рублей. Лишь дом с магазинами графа Мошинского на 10.000 рублей выше по стоимости. Для сравнения заметим, что прекрасный дом графа Ржевуского на углу Ришельевской и Греческой улиц оценен в 100.000 рублей.[533] И еще характерный момент: огромный двухэтажный дом Браницкой в этом время дохода вовсе не приносил. Почему? Ответ определенно такой: одна из богатейших в империи дам не нуждалась в подобных барышах и резервировала здание для себя, семьи, челяди. Ведь это как раз тот самый период, когда ее дочь с супругом обосновались в Одессе, а далее, как принято говорить, по тексту.

Безусловно, тут устраивались приемы и прочие светские мероприятия. Присутствовал ли на них Пушкин, неизвестно, однако, принимая во внимание его общение с польскими шляхтичами в этот период, такое допущение вполне приемлемо.

Дом Россета (Черновой)

Здесь появляется повод обсудить несколько очень любопытных вопросов, в продолжение многих лет так и не решенных исследователями, и в первую голову – пушкинистами. Это, прежде всего, локализация местоположения городского дома отца *А.О. Смирновой-Россет*, а также судьба хутора и недвижимости в целом. Занимаясь этой проблематикой несколько десятилетий, я, по счастью, нашел четкие и однозначные ответы.

Путаницу вносят «показания» самой Сашеньки, воспоминания которой относились к ранней поре детства и грешат анахронизмами. Так, она говорит о маленьком доме на Дерибасовской улице, скорее всего, отождествляя родительский кров с одноэтажным домом близкой к ним госпожи Попандопуло, который действительно находился в ту пору на углу нынешних улиц Дерибасовской и Гаванной. Таковое предположение покажется более убедительным, если учесть замечание Смирновой о житье неаполитанской королевы Марии-Каролины во время ее одесского пребывания (1813 г.) в «карантинном доме», чего, конечно, не могло быть ни по соображениям этикета, ни по чисто техническим причинам. Но царственная особа вполне могла обитать в доме карантинного начальника О.И. Россета, и тогда его семейство должно было на немалый срок переместиться в другое обиталище, скажем, в дом генеральши А.А. Попандопуло.[534] Мы имеем еще запись в журнале заседаний Строительного комитета от 27 ноября 1813-го о распилке гнилых мачт на отопление «двух домов, занимаемых ее величеством королевою».[535] Эта информация хорошо подверстывается к предыдущей, учитывая, кроме всего прочего, и тот факт, что занимающаяся нас недвижимость Россета складывалась из нескольких флигелей.

Архивные разыскания подтверждают такую точку зрения, ибо собственный дом Россета, как выясняется, находился именно вблизи Карантина. Впрочем, упоминание этой недвижимости как раз в год рождения Сашеньки (1809) снова вносит сумятицу в локализацию: запись в журнале Одесского строительного комитета от 12 марта упоминает находящийся в залоге по контрактам (подрядам, очевидно, заключенным Поджио) «дом коллежского советника и кавалера Россети, состоящий на Военном форштате под № 557-м», оцененный в довольно значительную по тем временам сумму 15.550 рублей.[536] Квартал не указан, однако номер означает место, как раз примыкающее к дому Попандопуло по Дерибасовской! Тем не менее, дома на этом участке не было и быть не могло, поскольку это место, как и три смежных, по Дерибасовской и Ланжероновской, относилось к Коммерческой гимназии, а далее к Благородному институту (Ришельевскому лицею). Тут

был гимназический, затем институтский и лицейский сад, каковые четко и однозначно показаны на синхронных городских планах.[537]

А.О. Смирнова-Россет

У меня нет точного объяснения таковой нумерации, а лишь предположение об отводе сказанного места под застройку Россету в том же году, что и тогда еще полковнику Попандопуло (1802). В конце этого года Россет и появился в Одессе. Затем, когда примыкающий справа «дом главного начальника» (де Рибаса) передали гимназии, карантинному начальнику отвели другое, весьма удобное место, а это, еще не застроенное, передали учебному заведению, однако прежний номер ошибочно сохранился за новыми строениями. Как бы то ни было, дома Россета тут быть никак не могло.

Смирнова-Россет сообщает о том, что отец ее скончался от чумы, однако сие вызывает большие сомнения, ибо Осип Иванович ушел из жизни в конце 1813 года, через много месяцев после ликвидации катастрофической эпидемии. Россет еще принимал участие в заседании Строительного комитета 20 ноября, далее отсутствовал (заседания проходили как минимум дважды в неделю, и присутствие карантинного начальника было обязательным), а умер 10 или 11 декабря.[538] Следовательно, Россет болел около трех недель, что не вяжется со скоротечностью бубонной чумы. Вероятно, пронзительные детские воспоминания накладывались друг на друга, тем более для ребенка, находившегося в самой гуще событий, отсюда соответствующие ассоциации. Вообще, трудно себе представить единичный случай заражения чумой в конце 1813 года, да еще пережившего катастрофу опытнейшего карантинного инспектора.

С начала весны 1812 года Строительный комитет арендовал дом О.И. Россета для жительства разыгрывавшей в Городском театре простенькие водевили труппы русских актеров. Из журнала комитетских заседаний от 28 сентября 1814 года видно, что к этому времени накопился долг перед домовладельцем за два года и семь месяцев, из расчета 600 рублей в год, итого 1.550 рублей.[539]

Теперь перейдем непосредственно к разгадке местоположения этого дома, каковое связывает несколько любопытнейших сюжетов ранней истории Одессы. Начну с цитаты из первого серьезного исследователя истории плановой застройки города В.А. Чарнецкого: «Как видно из «Автобиографии», семья Смирновой-Россет, владея домом на Дерибасовской, проживала в казенной квартире в карантине, и только после кончины отца переселилась к себе. Вполне естественно, что, проживая в карантине, Россет где-то там же разместил и типографию, которая, конечно, обслуживала и карантин. Потому-то в реестре 1811 г. она и числится за карантинной конторой. Оставшись без хозяина, да еще и на казенной площади, типография оказалась в тягость семье. А потому была спешно продана, хотя Россеты прожили в Одессе еще более трех лет».[540]

Покупка городом приватной типографии покойного Россета – отдельная история. Здесь же бросается в глаза вот что. При всем уважении к авторитетному краеведу и логичности его построений, с ними никак нельзя согласиться. Дело не в том, что Смирнова-Россет нигде не называет обиталище своего семейства в карантине казенной квартирой, а в том, что, будучи одесским домовладельцем, карантинный инспектор вообще едва ли мог иметь таковую квартиру. А «квартира» понадобилась бы изрядная. Не говоря уже о том, чтобы «где-то там», на дефицитнейшей казенной площади, помещать приносящую доход частную типографию. Такое даже в голову не могло прийти столь добросовестному чиновнику и человеку чести, каким был Россет.

Следовательно, он имел собственный приличный дом неподалеку от Карантина. Обнаруженная архивная информация убедительно демонстрирует, что так оно и было на самом деле. В литературе иногда упоминается находившийся на Приморском бульваре, в районе нынешней Думы (старой биржи), дом (ком-

плекс построек) надворной советницы Черновой,[541] в котором как раз квартировали актеры Городского театра. Поэтому я и заподозрил: а не это ли искомый объект, и не продала ли его Надежда Ивановна Россет после брака с небескорыстным Арнольди?

Именно так. 17 августа 1818 года в Строительный комитет было подано прошение помещицы полковницы (на самом деле – очевидно, подполковницы. – **О. Г.**) *Александры Черновой*. Она пишет, что приобрела с публичного торгу места «на Военном форштате в I квартале по смежности одесской портовой таможни», на которых желает произвести «постройку по плану», однако не имеет представления о точных мерах. Просит, чтобы городовой архитектор указал границы участка.[542] Здесь мы еще не видим имени прежнего владельца, которое появляется немного позже. 20 сентября 1820 года Чернова вновь повторяет свое прошение об указании ей архитектором границ местам. При этом она прямо сообщает *о приобретении в 1817 году с публичного торгу дома покойного коллежского советника Россети*. Время идет, границы никак не указывают, и она не может строиться. Прошение получено в Комитете 28 сентября, резолюции нет,[543] однако мы располагаем подробным синхронным планом строений, означающим, что меры определены и узаконены.

На этом плане отмечено не только местоположение всех флигелей бывшего дома Россета в масштабе, но и контуры казарм некогда располагавшегося здесь «военного городка», театра и Театральной площади, прилегающих кварталов, таможенного здания (бывший дом Мещерского). Места Черновой занимают площадь не только нынешней Думы, но и Археологического музея.[544]

4 июля 1821 года коллежский советник Николай Даревский (директор Променной банковской конторы) по доверенности Черновой просил разрешения перекрыть крышу дома, доставшегося по купле от госпожи Россет. 29 июля Строительный комитет не нашел препятствий к этому, поскольку перекрываемые строения находятся «внутри двора», то есть никак не изменится облик фасада.[545] Исправления были произведены, и уже с осени 1821 года дом Черновой был снова нанят для жительства актеров, в данном случае солистов итальянской оперы, состоявших в труппе Гульельмо Буонаволио. При этом назначена довольно высокая

арендная плата, 3.300 рублей в год.[546] Впрочем, Чернова успела получить лишь две трети этой суммы, ибо «доход с того дому» был арестован «по предписаниям начальства».[547]

Почему возникли некие финансовые нестыковки? Чернова приобрела дом с публичного торгу, а не прямо из рук Надежды Ивановны Россет (Арнольди). Кроме того, известно, что эта недвижимость служила залогом по подрядам. Из этого можно заключить: дом назначили в продажу на погашение долгов подрядчика, и лишь часть суммы досталась владельцам. Но из дальнейшего хода дел видно, что Чернова сполна не рассчиталась с Россет-Арнольди. Судя по всему, они по-соседски и по-приятельски (как землевладельцы) заключили словесное соглашение, однако покупщица оказалась несостоятельной. Вокруг этого дома вообще наблюдается серия неких спекуляций, что видно, например, из определения его оценочной стоимости и арендной платы за наем. Так, при оценке для назначения налога с недвижимости в городскую казну проставлена сумма 25.000 рублей, а при синхронной продаже в Херсонском губернском правлении по претензии генерал-майорши Арнольди – лишь 8.150 рублей. Что-то маловато, учитывая упоминавшуюся гораздо ранее оценку – 15.500. На этих обстоятельствах стоит остановиться поподробнее.

13 августа 1824 года в Строительном комитете заслушивалось письмо градоначальника графа А.Д. Гурьева: «…по высочайше конфирмованному плану театральной площади и строительному около нее кварталу, назначенный на оном бульвар, оканчиваемый уже отдельно, должен быть продолжен до строений, в коих помещается теперь здешняя таможня, но сему препятствует дом надворной советницы (а это VII класс, равноценный подполковнику. – **О. Г.**) Черновой, состоящий на берегу моря. Сколько к исполнению высочайшей воли о устранении сего квартала согласно плану, столько и для открытия вида на море и окончания бульвара, помянутый дом должен быть сломан, и владелица вознаграждена за убытки».

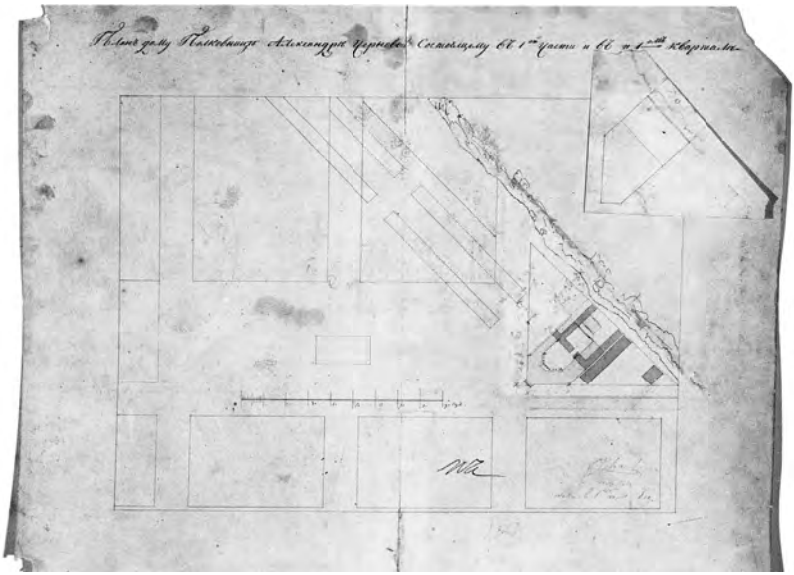
Чернова объявила, что менее 25.000 рублей не возьмет. Однако этот самый дом по претензии генерал-майорши Арнольди описан и оценен в 8.150 руб., и в Херсонском губернском правлении назначен в продажу с публичного торгу. Поэтому Гурьев решил, что

выгоднее принять в торге участие, и просил Воронцова о дозволении. Воронцов одобрил резолюцией: «сделать Черновой вознаграждение такою ценою, какая будет последнею при аукционной продаже означенного дома». Для участия в торгах 4, 8 и 10 июля 1824-го был командирован надворный советник Францен (Николай Алексеевич, состоял при Гурьеве по особым поручениям). Он торговался наравне с прочими лицами, и 11 июля дом остался за ним при цене 9.625 рублей.

Однако тут возникло следующее осложнение. Комплекс принадлежавших Черновой строений приносил весьма солидный по тем временам доход – только за квартирование артистов 3.300 рублей в год. Не исключено, сдавались в аренду и другие помещения. По существующим же правилам, при таком раскладе назначенная на аукционной распродаже цена должна была быть соразмерна получаемой от недвижимости прибыли. «Поелику же сложность годовых доходов далеко превышает сию сумму, то от присутствия Херсонского губернского правления объявлено ему, что оно само собою утвердить ему (Францену. – **О. Г.**) продажи дому за 9.625 р. не может», о чем правление и уведомляет Гурьева. При этом чиновник еще и издержал на прогоны 86 руб. 40 коп., каковые ему положено вернуть.[548]

Из всех этих выкладок, между прочим, явствует, что во все время одесского пребывания Пушкина большая часть итальянской оперной труппы проживала в доме Черновой, бывшем Россет, фактически находившемся на тогдашней Театральной площади, в каком-нибудь квартале от дома Рено, где поэт обитал в так называемой Клубной гостинице.

Продолжаю тему возможности махинаций вокруг «нашего дома» материалами архивного дела 1826 года под заголовком «Для сведения о том, чтобы дом полковницы Черновой, нанимаемый ныне для театральной труппы, так как оный назначен в продажу с публичного торгу, впредь не нанимать». Резюме четко обозначено в указании Строительному комитету новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова от 1 февраля: «Комитетом сим нанимаем был дом полковницы Черновой для театральной труппы; дом, назначенный по высочайше утвержденному плану города Одессы в сломку и находящийся в ветхом



План дома Черновой

положении. По высокой цене, за которую нанимаем был тот дом, я имею некоторое сомнение, не скрывалось ли тут какое злоупотребление, но как бы то ни было, желаю, чтобы на будущее время помянутый дом не был нанимаем Комитетом ни для каких надобностей, Между тем как дом сей продается с публичного торга в здешнем Коммерческом суде, а по сделанному мною распоряжению должен участвовать в покупке оного для города, и Комитет чрез своего чиновника; то я предлагаю отрядить для сего инспектора Якубовского с подробным наставлением действиям его, какие он обязан будет иметь при торгах на помянутый дом…».[549]

Коллежский советник Осип Андреевич Якубовский служил инспектором по канцелярии Комитета.[550] Что касается подозрений Воронцова в злоупотреблении, их нельзя совершенно исключать, однако и нечем подтвердить. 3.300 рублей в год действительно кажутся несколько завышенной арендной платой, однако лишь невооруженным глазом. Судите сами, когда наш герой (и анти-

герой) «полковник артиллерии Арнольди квартировал без двух дней месяц» у полковника Аркудинского, была назначена арендная плата из расчета 500 рублей в месяц. Это было через два года после продажи бывшего дома Россет, в августе-сентябре 1819 года.[551] *Дома Аркудинского* находились на Преображенской: один на месте Художественного училища имени Грекова, другой – на месте дома Дурьяна, на углу Херсонской. Известно, сколь дорого обходился наем домов для учреждений, чиновников, учебных и богоугодных заведений. Поэтому, учитывая, что в доме Черновой, несмотря на не особую презентабельность, имелось пять флигелей, высокая арендная плата вполне реальна. Хотя нельзя исключать и сговор хозяйки с импресарио и комитетским чиновником.

Эпопея завершилась лишь в 1828-м. 12 и 16 мая в «Одесском вестнике» опубликовано следующее официально сообщение: «От Одесской городской думы объявляется, что в оной будет продаваться дом городской, заключающий в себе пять флигелей, купленный у надворной советницы Черновой, состоящий в конце бульвара вблизи уездных присутственных мест, на сломку с очисткою места. Желающие купить сей дом на вышеизъявленном положении благоволят явиться в Думу к торгам 15-го, 16-го и 17-го чисел текущего месяца, назначенным с 9-го часа до 2-го пополудни. Мая 10-го дня 1828 года».[552] За какую сумму город сторговался с Черновой, пока неясно, но оная наверняка превышала прежнюю аукционную. После ликвидации флигелей Черновой появилась возможность продолжить реализацию устройства Приморского бульвара, и в том же году началась история постройки здесь Старой биржи.[553]

Примечания

[486] ГАОО, ф. 2, оп. 11, д. 1, л. 38-48.

[487] Там же, оп. 5, д. 257, л. 172-173.

[488] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 113-116; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 207-208.

[489] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 148; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 481-482.

[490] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 193.

[491] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 603.

[492] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 373.

[493] Воспоминания графа Леона Рошешуара, адъютанта герцога Ришелье, об Одессе и Новороссии. – Одесса: Optimum, 2009, с. 108.

[494] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 3 – 3 об.

[495] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 269, л. 95-96; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 260, 261, 262-263.

[496] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 6.

[497] Там же, № 7.

[498] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 303.

[499] Там же, л. 300.

[500] Там же, д. 279, л. 124.

[501] Там же, ф. 4, оп. 8, д. 84, л. 195-196.

[502] Там же, ф. 4, оп. 3А, д. 1719, л. 6.

[503] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 241-244; Там же, оп. 1, д. 80, л. 266-270.

[504] Там же, оп. 2, д. 36, л. 24, 27.

[505] Там же, д. 165, л. 274.

[506] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 370.

[507] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 411, 413, 414.

[508] Там же, л. 514, 517, 519, 522, 523.

[509] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 362 об. – 363.

[510] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4, 24-25, 158-161.

[511] Там же, д. 132, л. 11.

[512] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.

[513] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 110-115.

[514] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 4-13, 253-256; Там же, д. 127, л. 395.

[515] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 169.

[516] Там же, л. 139 об.

[517] Там же, д. 273, л. 360 об. – 361.

[518] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 395.

[519] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 242; Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 163-173, № 4.

[520] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 3 об., № 44.

[521] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 222.

[522] НК на 1837-й год. – С. 162.

[523] Список домам и прочим строениям, состоящим в I-IV частях города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 4.

[524] ГАОО, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 2 об.

[525] Там же, ф. 59, оп. 2, д. 90. – 30 л.

[526] Там же, д. 284, л. 105.

[527] Одесский вестник. – 1828, 5 и 16 мая, № 36 и 39.

[528] Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 41, 42.

[529] Воспоминания графа Леона Рошешуара, адъютанта герцога Ришелье, об Одессе и Новороссии. – Одесса: Optimum, 2009, с. 122-123.

[530] Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. Т. VII, с. 334-334.

[531] Владислав Петров. Русская дуэль // Дружба народов, 1998, № 5.

[532] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 466.

[533] Там же, ф. 4, оп. 1А, л. 8-14.

[534] Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 420, 523.

[535] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 369.

[536] Там же, д. 259, л. 180-181.

[537] ОГИКМ, инвентарный № К-602. – Plan de la ville d'Odessa. 1814.

[538] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266.

[539] Там же, д. 267 л. 222-223.

[540] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 108.

[541] Там же, с. 35.

[542] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 304.

[543] Там же, д. 165, л. 359-360.

[544] ОГИКМ, инвентарный № К-436.

[545] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 630-631.

[546] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 270.

[547] Там же, д. 282, л. 421-422.

[548] Там же, д. 286, л. 328, 329, 330, 331, 332.

[549] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 420, л. 2.

[550] Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1826 год. – Ч. 2, с. 206.

[551] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 255.

[552] Одесский вестник. – 1828, 12 и 16 мая, № 38 и 39.

[553] ГАОО, ф. 59, оп. 1А, д. 46. – В пяти томах.

Олег Сивирин

Кисёлова гора и Лузановка*

Из документального цикла «Лузановка и окрестности»

Когда стремительно проезжаешь сегодня по Николаевской дороге от «Молодой гвардии» до Сортировочной, за окном маршрутки, слившись в сплошные линии красок, промелькнут ставшие уже привычными для нас летние виды. Слева это зеленые кроны насаждений парковой зоны с едва уловимой вдали полоской синего моря, сливающегося на горизонте с прозрачно-синим небосклоном. Справа в пространстве преобладают всевозможные оттенки серого цвета: здесь намертво застыл типичный урбанизированный ландшафт в виде каменно-бетонных фигур многоэтажных домов и магазинов. Под протяжный скрип тормозов, прерывающих наше движение на короткие паузы, сознание машинально проговорит навечно заученные названия остановок, умножая этим лишь ощущение обыденности на пройденном бесчисленное количество раз пути. И кажется, ничто здесь, во внешнем облике местных пейзажей, уже не способно нас по-настоящему взволновать и удивить, зажечь наш безучастно уставленный в окно маршрутного такси взор. Вся эта местность хорошо изучена нами еще с детских лет, начиная от названия остановок и магазинов и заканчивая направлениями проложенных асфальтовых дорожек и протоптанных грунтовых тропинок, вдоль и поперек пронизывающих Лузановский парк. Вместе с нами росли многие деревья в самом Лузановском парке: взрослели мы, становились выше белые акации и дикие маслины, пряча нас порой в тени своих зеленых и серебристо-серых ветвей от лучей палящего летнего солнца.

Но все эти знания достаточно поверхностны и почерпнуты нами исключительно по случаю пребывания здесь то в качестве

Дорога на Киселовой горе. Наши дни. Подъем на Николаевской дороге в районе ДЦ «Молодая гвардия». Фото О. Сивирина, 2014 г.

проезжающего транзитного пассажира, то в роли находящегося на отдыхе пляжника. На самом деле этот небольшой отрезок пути таит в себе массу накопленных за многие годы исторических сюжетов, сплетенных из человеческих свершений, страстей, триумфов и трагедий.

Еще сто лет назад вся эта земля по административно-территориальному делению относилась к части Одесского уезда, граничащего с городской землей, и была практически безлюдна, и более того, даже не имела собственного названия. В этом просто-напросто не было никакой необходимости: какие могут быть названия у пустынной и практически необитаемой местности? Только разве что какие-то характерные особенности местности, часто бросаясь в глаза, входили в обиход с острого языка заброшенного сюда судьбой обывателя. Именно так когда-то произошло и здесь.

Первым из известных названий, появившихся на рассматриваемой местности, был топоним «Киселёвская гора».[1] Это напрочь забытое сегодня название носила часть нынешней Николаевской дороги, которую мы знаем теперь просто как безымянный подъем

и спуск в районе детского центра «Молодая гвардия». Старинное название происходило из двух топографических элементов местности: названия местного хутора Киселёва (Кисёлова) и геологической особенности местности, горы, а вернее – крутого подъема, образованного на склоне древнего берега гавани Понта Эвксинского. В целом же топоним «Киселёвская гора» условно очерчивал всю возвышенность по линии древнего берега от Куяльницкого лимана до Черного моря с единственным здесь населенным пунктом – хутором Киселова, насчитывавшим на рубеже веков лишь один жилой двор с восьмью жителями.[2] Названию «Киселёвская гора» не суждено было стать широко известным и окончательно прижиться на месте. Очевидно, так сложилось из-за удаленности «горы» от оживленных населенных пунктов, жители которых, как правило, являлись первым и основным звеном в устном закреплении и дальнейшем распространении новых названий. Так, как это произошло, к примеру, с рождением и закреплением топонимов двух других одесских гор – Жеваховой и Шкодовой, аналогичных с Киселевской по своему геологическому происхождению. Тем не менее название «Киселёвская гора», или в более распространенном позднее варианте – «Кисёлова гора», применительно к участку дороги на подъеме продолжительное время являлось официальным термином как точное топографическое обозначение и регулярно употреблялось в сотнях казенных документов земской управы Одесского уезда.

Для понятной визуальной узнаваемости исторических границ подъема Киселовой горы наложим ее старинное описание и цифровые характеристики на известные сегодня каждому современные ориентиры. Сейчас этот участок можно условно очертить в следующих границах: вершина горы – это участок между памятником Александру Суворову и трамвайной колеей, пересекающей проезжую часть на стыке трех дорог – Николаевской и сливающихся с ней проспектом Добровольского и Южной дорогой. Линию границы дороги у подножья горы точно обозначить затруднительно в одной точке, так как из-за особенностей ремонтов склона в XIX-XX вв. нижняя межа дороги постепенно смещалась (вытягивалась) относительно своего природного уступа. Поэтому для расчета протяженности склона произвольно возь-

мем за основу данные 1898 года, когда общая длина от вершины до подножья склона составляла 75 погонных саженей (около 160 метров. – **О. С.**).[3] Исходя из полученных цифр, вычисленная линия нижней границы дороги на Киселевской горе проходила параллельно нынешней улице Штилевой, то есть практически у естественной границы подножья берегового обрыва.

Стоит подчеркнуть, что этот 160-метровый отрезок дороги не только отмечался в документах собственным названием, но и ремонтировался всегда по отдельно выделенной в сметах статье губернских и земских расходов. Ежегодные технические отчеты земской управы по ремонтам и исправлению дорог по Одесскому уезду дают нам исчерпывающую информацию о проводившихся на Киселевском спуске ремонтах полуторавековой давности. В хронологическом порядке это происходило так:

В 1866 году на Киселевском спуске было исправлено 47 квадратных саженей мостовой, включавшей в себя засыпку 6 кубических саженей щебня и 3 кубических саженей песка. На этот ремонт было потрачено 185 рублей 36 копеек.[4]

В 1870 году на Киселевском спуске прошло перемощение 780 квадратных саженей мостовой твердым камнем «в тычек» (кладка камня ребром кверху. – **О. С.**) с подсыпкой песка на 2 вершка. Эта работа обошлась земству в 945 рублей 95 копеек.

В 1878 году прошло перемощение 228 квадратных саженей наклонной мостовой и замощение вершины Киселевской горы в оба пути («оба пути» – развилка дорог на Вознесенск и Николаев. – **О. С.**). Затраты на работу составили 384 рубля.

Особое внимание к техническому состоянию небольшого по размерам участка дороги было связано с его естественной сложностью. Дорога проходила под крутым наклоном, слагавшимся по своей геологической структуре из глинистых пород, предрасположенных к оползням, просадкам грунта и образованию вымоин от потоков стекавшей нагорной воды. Одна из вышеуказанных проблем наиболее остро проявилась, например, в 1874 году, когда вследствие обильных осенних дождей начали поступать многочисленные жалобы на неисправность земских дорожных сооружений, и, как тогда отмечалось в земских отчетах, «мосты и спуски во многих местах были в таком виде, что представляли серьезную

опасность для жизни проезжающих».[5] В этот перечень размытых от продолжавшихся с ноября по середину декабря 1874 года дождей попал и «Киселевский спуск», который, по признанию управы земства, в числе других пяти мест уезда «невозможно было оставлять в таком виде до весны», и поэтому экстренно была произведена его починка «хозяйственным порядком» за 30 рублей.[6]

Перемощение мостовой, засыпка песком, киркование, очистка лотков, срезка грунта – словосочетания и термины из профессионального лексикона уездных инженеров, техников и рабочих XIX столетия регулярно встречаются в текстах отчетных ведомостей по ремонту дороги на Киселевской горе. По заключенной в них смысловой нагрузке сейчас можно понять значение проводившихся здесь когда-то работ. Так, «очисткой лотков» назывались текущие работы по извлечению накопленного мусора из водоотводящих сливных стоков, расположенных по обочинам дороги. Работы под названиями «перемощение», «киркование коры шоссе», «кирковка», «перетруска щебня» заключались в извлечении и перекладке заново старого камня или замене его на новый щебень. Сам щебень, постоянно фигурирующий в качестве основного дорожного покрытия, получали прямо на месте работ путем разбивки свезенного камня-«дикаря» на мелкие фрагменты.

Но наиболее важное значение скрывалось в проведении работ под названием «срезка горы». Этот трудоемкий процесс, буквально менявший местный ландшафт, заключался в выемке грунта с верхней и средней частей дороги на склоне и равномерном смещении его к подножью, где грунт раскатывался и утрамбовывался. Делалось это для постепенного уменьшения градуса наклона склона с перспективной целью сделать дорогу максимально пологой и соответственно более удобной для движения гужевого транспорта. В 1905 году здесь была произведена «срезка горы» в объеме 104,18 кубических саженей, на что была израсходована сумма в 260 рублей 45 копеек. Аналогичные «земляные работы при срезке и планировке горы», объемом в 66,55 и 19,86 кубических саженей были произведены здесь соответственно в 1906 и 1907 гг.[7] За десятки лет проведения плановых работ по «срезке горы» уклон постепенно удлинялся, и сегодня пологий скат с «горы» растянут в длину на более чем 200 метров, и заканчи-

вается на регулируемом пешеходном переходе перед въездом на территорию бывшего кемпинга «Дельфин» (несколько лет назад на месте кемпинга построили торговый центр. – **О. С.**).

И все-таки у нас сохранилась замечательная возможность увидеть даже сегодня, как выглядели много лет назад естественные очертания участка древнего берега, на склоне которого и возник спуск дороги с Киселовской горы. Причем увидеть это можно, находясь прямо в проезжающем посередине склона автотранспорте. А для самого обзора подойдет момент простоя в традиционной в этом месте задержке движения, вызванной загруженностью транспортной развязки и трамвайным переездом. Остановившись или замедлив скорость, соблюдая при этом правила дорожного движения, достаточно будет нескольких секунд внимания, чтобы рассмотреть с западной стороны от дороги линию горизонта верхнего плато берега с его обрывистыми склонами, примыкающими прямо к дороге. Как можно наглядно убедиться, в данном месте берег сохранил свои верхние очертания практически в первозданном виде, только при застройке частными домами был частично укреплен бетонными и каменными подпорными стенками, присыпанными землей. Отчетливая разница в резком перепаде уровней верхнего плато горы и вырезанной в материке наклонной линией дороги выразительно подчеркивает следы ее искусственного происхождения. Причем начало этому рукотворному сооружению на склоне было положено еще в незапамятные времена, когда нашим далеким предкам понадобилось отвоевывать у крутого берега тропу для возможности свободно передвигаться по приморской территории.

С восточной стороны спуска на Николаевской дороге крутые склоны несколько удалены от проезжей части и сегодня скрыты от любопытных взглядов за забором детского центра «Молодая гвардия». Но даже доступная для обзора с этой стороны часть рельефа местности также выразительно демонстрирует нам следы, оставшиеся от проводившихся здесь когда-то рабочих процессов. Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что трамвайная колея проложена на одном уровне с соседней Николаевской дорогой, а чуть дальше – с другой стороны рельс – резко возвышаются характерные отвалы земли, по которым проложена асфальтовая

пешеходная дорожка и установлены секции решетчатой ограды детского лагеря. В этой значительной по ширине общей поверхности одноуровневого дорожно-трамвайного полотна таится еще одно из интересных технических решений, внедренных земскими инженерами в обустройство старинной дороги на склоне Киселевской горы. Этот успешно реализованный замысел заключался в прокладке по склону двух проходящих рядом друг с другом зимней и летней дорог. Зимняя дорога была покрыта камнем, а позже вымощена гранитом, а летний путь представлял собой обычную грунтовую дорогу.

Впоследствии по летней дороге проложили трамвайную колею, а до этого, как ясно из ее старинного обозначения, использовалась она преимущественно в летний период. Чтобы не создавать дополнительных неудобств для дорожного движения, «летний путь» ремонтировался по времени всегда отдельно от соседней каменной дороги. Сами ремонты, как становится понятным даже из их названий – «выравнивание», «засыпка вымоин», – являлись технически не сложными, и соответственно затраты на них были несоразмерно меньшими по сравнению с ремонтами на соседней каменной дороге. В частности, в 1898 году на выравнивание и очистку летнего пути было истрачено всего 35 рублей, а в 1907 году на засыпку вымоин на летней дороге ушло 19,86 кубических саженей земли по цене 2 рубля 75 копеек за одну кубическую сажень.[8]

Примечательно, что участок пролегания летнего пути по склону оставался действующим вплоть до прокладки здесь трамвайной линии. Так, в 1950-е годы он регулярно использовался для перемещения из пригородных районов многочисленных стад скота на скотобойни. Совершенно очевидно, что и в XIX веке перемещение движения с одного пути на другой регулировалось не только по временам года, но и зависело от многих других факторов, в первую очередь от проводившихся ремонтов на том или ином участке пути и погоды, особенно от обильных атмосферных осадков, размывавших грунт. К особым обстоятельствам, влияющим на перестроение движения, следует отнести и возможные аварии, сопровождавшиеся опрокинутыми телегами и рассыпанным грузом, образовывав-

шими локальные участки, которые требовалось какое-то время объезжать по соседнему пути.

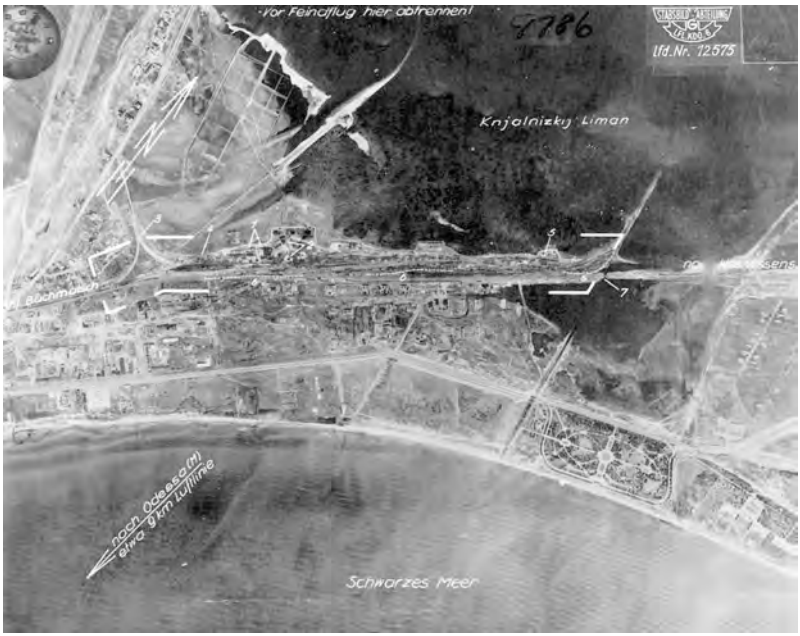
Отметим, что даже при таком выгодном существовании двух взаимозаменяемых дорог для движения, что само по себе уже предполагало возможный выбор для проезда по любому из двух путей, проезд по Киселевскому спуску всегда сохранялся бесплатным. Возможно, нашим современникам несколько странно прочитать здесь подобную постановку вопроса, но это только если не знать того, что в Одесском уезде существовали дороги, за проезд по которым бралась плата с выдачей проездных билетов. Этот ныне основательно забытый опыт был успешно воплощен еще на рубеже веков на двух губернских дорогах – на участке Севериновского шоссе и на Коблевской дамбе. В частности, на платном участке Севериновского шоссе в тарифы за проезд была внедрена система градации оплаты в зависимости от пройденного расстояния. А для успешного функционирования данного земского предприятия была создана развитая контрольно-пропускная инфраструктура, включавшая в себя помимо дорожных шлагбаумов целый комплекс стационарных объектов – сооружений главной конторы и многочисленных сторожевых будок, оборудованных освещением и обеспеченных отоплением в зимний период. Обслуживающий персонал состоял из смотрителя (он же являлся начальником), машиниста, кочегара, трех сборщиков платы, шести сторожей при шлагбаумах, работающих посменно, и одного дворника, выполнявшего еще и обязанности ночного сторожа.[9] Дорога с обоих направлений всегда была перекрыта шлагбаумами, причем, что интересно, с 1907 года сторожа на пунктах пропуска несли службу уже с оружием. Наличие дорожного капитала позволило внедрять на участке дороги Ильинка – Ковалевка – Севериновка передовые технологии того времени. Например, в 1907 году здесь прошли первые опыты пропитки шоссе мазутом, что можно отнести к первым асфальтовым покрытиям в губернии.

Еще один участок на Николаевской дороге на нашем пути следования столетие назад именовался в уездных документах дорогой «от подножья Киселевского спуска до границы города Одессы», и точная длина этого отрезка составляла 595 саженей.[10]

Переведя указанное в саженях расстояние в метры и проведя нехитрые расчеты – наложив исторические данные на современную дорогу, мы можем воспроизвести на современном топографическом плане и непосредственно на месте историческую линию административной границы между городской и уездной землями. Итак, 595 саженей, переведенные метрическую систему измерения, дали нам расстояние в один километр 269 метров. Взяв за точку отсчета выведенную ранее линию подножья Киселевской горы и выставив раствор циркуля на ширину стометровой шкалы, пошагово отмерим на распечатанном листе масштабированного спутникового изображения местности двенадцать раз по 100 метров, – в общем числе 1200 метров. Для вычисления большей точности сузим раствор циркуля еще наполовину и таким образом отмерим дополнительно фрагмент, равный в масштабе примерно 60 метрам. Проведенное несколько раз измерение линии дороги привело острие циркуля к заданной точке на современной карте. Стертая со временем с земли и из людской памяти историческая межа проходила в районе характерного изгиба на Николаевской дороге, примерно в том месте, где сегодня находится трамвайная остановка «Сортировочная».

Наглядным подтверждением прохождения в районе остановки «Сортировочная» границы городской земли может служить и резко обрывающаяся здесь черта старинной застройки «домов городского типа», расположенных по нечетной стороне Николаевской дороги.* Особо выразителен в ряду старинной застройки небольшого квартала дом № 279. Это здание относится к так называемой дореволюционной постройке с характерными архитектурными элементами в виде внешнего декора окон, широких арочных ворот для въезда гужевого транспорта во двор и частично сохранившейся старой черепичной кровлей, покрывающей большого размера двускатную крышу. Чрезвычайно полезным источником информации для изучения данной местности служит для нас вышедший в 1944 году из недр немецкой воздушной разведки кадр аэрофотосъемки, захвативший в объектив всю описываемую территорию. В частности, на черно-белом

* Классификация домов по Статистическому отделению Херсонской губернской земской управы.



снимке люфтваффе хорошо различимы все вышеописанные постройки на Николаевской дороге. Также на военном аэрофотоснимке отчетливо видна и проходящая перпендикулярно изгибу Николаевской дороги линия дороги, ставшая впоследствии улицей Ильичевской (ныне ул. Лузановская. – **О. С.**), которую теперь можно обозначить условной линией границы между городской и бывшей уездной землями.

Вышеуказанный участок дороги, определенный в современных границах от улицы Штилевой до остановки «Сортировочная», в XIX столетии находился, как уже отмечалось, в дорожном ведомстве Одесского уезда, и ремонты здесь также проводились с регулярной последовательностью, начиная от капитальных, с полным перемощением полотна, и заканчивая мелкими, которые, что интересно, тогда, как и теперь, обозначались термином «ямочный ремонт».

За шестнадцать лет, с 1865 по 1881 гг., на указанном участке дороги было произведено шесть ремонтов разной степени сложности.[11]

В 1866 году во время ремонта на данной дороге было произведено 100 кубических саженей щебня для засыпки 2380 квадратных саженей полотна с посыпкой песка толщиной в 1 дюйм (2,54 см. – **О. С.**) На эти работы было потрачено 1800 рублей.

В 1868 году на дороге проведена рассыпка щебня и засыпка песка на 714 квадратных саженей на общую сумму в 596 рублей 75 копеек.

В 1870 году здесь снова проведена рассыпка 286 кубических саженей щебня на 2868 квадратных саженях мостовой с засыпкой песка толщиной в 1 дюйм. При этом весь старый щебень был предварительно снят. Расход на эти работы составил 5029 рублей 29 копеек.

В 1873 году на дороге проведено исправление 2880 квадратных саженей мостовой, для чего было употреблено 150000 пудов щебня. Этот ремонт обошелся в сумму 3813 рубля 20 копеек.

В 1878 году на разных участках дороги было произведено киркование 360 квадратных саженей мостовой с рассыпкой 40 кубических саженей щебня на общую сумму в 1719 рублей (в начале XX века данный участок дороги перешел в ведение города Одессы. – **О. С.**).

Раскрывая все исторические особенности этого участка пути, следует сказать, что данная часть дороги (от улицы Штилевой до остановки «Сортировочная». – **О. С.**) иногда в отчетах управы Одесского уезда именовалась «пересыпь» или «пересыпское шоссе». И в данном случае это был не привычный нам топоним городского района, а лишь топографическое обозначение, указывающее на геологическую особенность части низменной местности. Разумеется, уже давно никто не использует данное определение для обозначения этой территории (Лузановки. – **О. С.**), но тем не менее стоит напомнить, что по соприкосновению с сушей (Пересыпским перешейком) береговых линий лиманов всю вытянутую песчаную низменность можно условно разделить на две составных части.

Первая часть Пересыпи уже тогда находилась в границах города Одессы и являлась песчаным перешейком между Черным морем и Хаджибейским лиманом. Из-за близости к центру города

она начала интенсивно застраиваться и обживаться в XIX столетии, и в итоге геологический термин стал топонимом жилого района. Второй участок Пересыпи своей небольшой по площади частью территориально находился в Одесском уезде – между морем и Куяльницким лиманом, и долгие годы оставался практически безжизненным пространством. И только проходившая здесь полоса укатанной дороги была обитаемым местом, где мимоходом протекала жизнь. Эта дорожная артерия являлась единственной живой нитью, связывающей Одессу с селами и местечками, расположенными в северо-восточной части Одесского уезда, а следуя по ней далее – и со многими городами на юге империи. Поэтому, не имея возможности выбрать другой путь, все следовавшие в северо-восточном направлении граждане вынуждены были на свой страх и риск в любое время года преодолевать Пересыпскую низменность, стараясь как можно быстрей миновать этот безжизненный участок. В дождливую погоду Пересыпскую низменность неизбежно затапливало мутной водой, и для зазевавшихся и застигнутых в непогоду людей проезд здесь становился настоящим испытанием их силы духа и твердости характера. Известный историк Одессы Алексей Маркевич в одной из своих публикаций описал эпизод с разыгравшейся в этой местности стихией: «Я еще хорошо помню, когда весною масса воды выливалась на Пересыпскую низину из Водяной и Кривой балок и лимана, а в то же время волны моря переливались через Пересыпь, и тогда вся низина составляла водяную площадь…».[12] Но и при хорошей погоде на Пересыпи лучше было надолго не задерживаться. От наших отчаянных предков, живших в первой половине XIX века и вынужденных по долгу службы или по занятию коммерческой деятельностью проезжать Пересыпь, осталось метафоричное сравнение ее с Ливийской пустыней. Отметим, что в данное сравнение больше было вложено правды, чем юмора, так как сопровождалось оно красноречивым описанием: «…Песчаную одесскую «Пересыпь» справедливо называли до того некоторые «Ливийской пустыней». …Глубокий и сыпучий песок, лежащий по всей низменной равнине за Херсонскою заставою, вздымаясь от ветров, в течение большей половины года покрывал всю Пересыпь густыми облаками нестерпимой пыли, совершенно затемнявшей горизонт».[13]

Шли годы, и первая часть Пересыпи постепенно обживалась, озеленялась, и к началу XX столетия ее описание столетней давности уже никак не соответствовало ее внешнему виду. В то же время Пересыпь между морем и Куяльницким лиманом продолжала оставаться неизменной в своей первозданности еще очень долгое время. Невероятно, но даже спустя столетие – в 20-е годы XX века – здесь, по сути, мало что изменилось: все так же проезжающих пугали попеременно то разлившиеся огромные озера, то налетавшие песчаные бури. И конечно, в массе своей всем преодолевавшим с хрустом песка на зубах этот путь людям явно было не до любования особенностями местных пейзажей, и уж тем более не до их литературных описаний и художественных изображений. Поэтому в данном случае передать действительную картину из-за капризов изменчивой местности точнее всего смогут только сухие цифры геологической характеристики: «Местность, на которой расположен Лузановский парк, представляет собою бывшее дно морское с песчаным наносом, в среднем до 2 м, являясь как бы перемычкой между морем и Куяльницким лиманом. Территория парка Лузановка приподнята на 2,15 м выше уровня моря, на 2 м выше Пересыпи, на 6,15 м выше уровня Куяльницкого лимана. Почву паркового участка составляет песок, переносимый ветрами с одного места на другое… Под песчано-ракушняковой почвой залегает рыхлый водоносный слой песку – морская вода на глубине от 0,75 до 2,15 см. Капиллярная почвенная вода поднимается на высоту от 20 до 45 см».[14]

Без малого сто тридцать лет единственным очагом непрекращающейся жизни в этой пустынной местности был придорожный трактир, стоявший на обдуваемой всеми ветрами вершине Киселевской горы. Буквально у его порога издавна сходились три важнейших дороги: Вознесенский и Николаевский губернские тракты смыкались в этом месте с дорогой, ведущей из Одессы. Этот трактир с момента своего основания стал играть важную роль в местной дорожной инфраструктуре как общедоступное место короткого отдыха для всего проезжавшего здесь делового и служебного люда, утомленного многодневным переходом по губернским трактам. Открытие нового трактира относится к концу XVIII столетия и напрямую связано с личностью подполковника

Фрагмент карты (лоции), составленной И.И. Биллингсом в 1798 году.
Трактир Афанасия Кесоглу изображен и подписан в верхней части карты

Афанасия Кесоглу (Кес-Оглу), получившего сразу после Ясского мира в собственность здешние земли, обозначенные в летописях как «земли 14090 дес. над Куяльницким лиманом, меньшим Аджеликом, в балках до Тилигульского лимана…».[15] Трактир Кес-Оглу мы видим уже стоящим на своем месте на уникальной карте 1798 года под авторским названием: «Карта От Адессы Доустья Реки Днестра. Сочинена флота капитаном 1-го ранга и кавалера иосифом Биллингсом…».[16*] Составитель карты – Иосиф Иосифович (Джозеф) Биллингс, англичанин, опытный гидрограф и мореплаватель, участник третьей кругосветной экспедиции прославленного Джеймса Кука. В 1783 году И.И. Биллингс поступил на русскую

* Стиль изложения и орфография оригинала сохранены.

службу, а с 1795 года, будучи уже в чине капитана, он был привлечен к проведению описи северных берегов Черного моря.

На старинной карте авторитетного исследователя, открывшего нам относительное время основания трактира Кесоглу, будоражит воображение и общая картина изображенного пространства, наглядно передающая в нанесенных обозначениях важный исторический момент – начала освоения полудикой местности. Судите сами: на большом участке побережья, окаймляющего залив, изображено всего два существовавших на тот момент очага цивилизации. Первый – это небольшое заштрихованное пятно, условно обозначающее четырехлетнюю застройку города Одессы (на оригинале – *Адесса.* – **О. С.**), и второй – расположенный между Куяльницким лиманом и Черным морем домик с двускатной крышей, подписанный как «Трактиръ».[17] Появление на лоции трактира Кесоглу, к тому же изображенного в непропорционально большом размере, возникло не просто так. Разумеется, это было сделано не по каким-либо личным причинам, например тем, что Биллингсу доводилось по пути в Одессу обедать в этом заведении, а исключительно тем важным обстоятельством, что мореплаватель мог наблюдать трактир со своего корабля с разных точек Одесского залива и зафиксировать его как единственный на тот момент береговой навигационный знак. Особенно был важен трактир как ориентир в темное время суток, когда в полном мраке ночи огонек фитилька свечи в окнах, подобно мерцающей путеводной звезде на горизонте, мог сослужить добрую службу иноземным мореходам, указывая границу береговой линии. Проверить вышеизложенное опытным путем со стороны моря сегодня по уважительным причинам затруднительно, но, пойдя от обратного, стоило попробовать провести наблюдение на залив с места расположения бывшего трактира (местонахождение трактира было определено ранее на основе картографического материала. – **О. С.**).

Для максимальной чистоты проведения опыта расчетливо было выбрано зимнее время года, когда деревья, стоящие сегодня зеленой преградой на линии обзора, сбросив листву, отдаленно напомнили бы оголенные склоны двухсотлетней давности. Первая попытка оказалась неудачной, так как плотность даже голых ветвей деревьев, а также искусственно образованные отвалы земли,

создавшие на отдельных участках подъемы грунта с выросшими на них насаждениями, не дали возможности совершить полноценное наблюдение. Тем не менее единственной возможностью хотя бы частично решить поставленную задачу стал выбор для повторного наблюдения темного времени суток, во время которого яркие световые огни прибрежных построек современного города послужили бы маячками для точного ориентирования в «слепом» пространстве и тем самым обозначили бы линию между прибрежной полосой и морской поверхностью. Открывшаяся с вершины Киселовой горы предрассветная панорама показала, что с места расположения трактира оказались видны, как на приподнятой до уровня глаз ладони, огни всей прибрежной полосы центра города и часть Одесского залива с иллюминацией нескольких одиноких кораблей на рейде. Итак, проведенное наблюдение наглядно подтвердило предположение о существовавшем визуальном контакте между двумя местными объектами: кораблем И. Биллингса, маневрировавшем по Одесскому заливу, и зданием трактира, господствовавшим на прибрежной возвышенности. Вот поэтому так выразительно (для узнаваемости) мореплаватель вырисовал на морской карте контуры здания трактира.

Но главное и неопровержимое доказательство видимости трактира с моря продемонстрировал нам сам господин Биллингс, обозначая на лоции своей рукой места промера глубин, образующих в целом переплетенные пунктирные линии, повторяющие весь проделанный кораблем в заливе путь. Пройдя по картографическому следу ведомого опытным мореплавателем корабля, можно увидеть, что у берега в точке обозначения трактира сходятся две прямые линии, образовывая остроконечную букву «Л». Таким образом, по одной из этих линий И. Биллингс, ориентируясь строго на здание трактира, прямым курсом подошел к самому побережью, а по другой линии – отходящей относительно первой по диагонали – возвратился обратно на середину залива.

Отдадим должное и предприимчивой дальновидности владельца земли Афанасия Кесоглу, сумевшего на заре заселения Очаковской области выбрать наиболее удачное место с таким расчетом, чтобы замкнуть на пороге своего придорожного трактира пересечение трех важнейших трактов. Одним из естественных

достоинств места было и его расположение на вершине горы, господствующей над Одесским заливом, откуда, как мы выяснили, открывался в ту пору живописный вид на часть залива. Наблюдение с вершины горы кроме эстетической привлекательности могло иметь и свою практическую выгоду – например, для заброшенного сюда жребием капризной судьбы нетерпеливого коммивояжера, который, вооружившись четырехколенной подзорной трубой, мог в ясную погоду оперативно рассмотреть в разбросанных на рейде парусниках флаг «своего» корабля. Благодаря такому выгодному месту заведение даже не нуждалось в особой рекламе – вести о корчме сами растекались вглубь губерний на скрипучих обозах, ведомых словоохотливыми возницами. Но в то же время такое популярное место просто обязывало владельцев с особым усердием сохранять доброе имя семейного заведения с момента его открытия и в буквальном смысле неусыпно следить за эффективностью его работы. О строгом хозяйском надзоре можно судить хотя бы по одному показательному эпизоду из ранней истории трактира, обнаруженному в Государственном архиве Одесской области одесским историком Олегом Губарем, рассказавшим о нем в своей книге «Энциклопедия забытых одесситов». Пожелтевший за два века архивный документ юридически лаконично сообщал о факте хозяйственного конфликта, вылившегося в 1805 году в тяжбу между вдовой Кесоглу Кассандрой Ивановной и купцом-подрядчиком Василием Ефремовым из Великих Лук, который не выполнял условий по найму у нее трактира.[18]

Но как бы там ни складывались хозяйские споры с отдельными недобросовестными арендаторами, трактир продолжал свое успешное функционирование на протяжении всего XIX столетия, а также успел поработать почти два десятка лет и в XX столетии – вплоть до политических катаклизмов 1917-20 гг. Поэтому мы без труда находим трактир на большинстве старинных карт обозначенным на своем неизменном месте в виде топографического условного знака – заштрихованного кружка с трехконечным флагом. Более того, на одной из трехверстных карт 1860-х годов мы с интересом для себя обнаруживаем, что даже спустя более полувека после смерти основателя трактира А. Кесоглу тень его фамилии по-прежнему продолжала зримо присутство-

вать в названии заведения, правда, уже переиначенная на удобно произносимый манер: «Красный трактир Косогловского».[19]

Отслеживая по старым картам и письменным источникам дальнейшую историю трактира, нужно отметить, что в 1880-е годы трактир носил уже фамилию внука Кесоглу – М.Н. Дембровского (что фактически утверждает его как нового владельца), и назывался «Трактир Дембровского»[20] А уже с конца XIX столетия за заведением окончательно закрепилось название «Трактир Кисёлова».[21] Место, где находился основанный Кесоглу трактир, сегодня основательно застроено частными строениями.

Наши неутомимые предки, преодолев безжизненное песчаное пространство Пересыпи и с трудом взобравшись на Киселёвскую гору, как правило, знали направление и конечные пункты своего дальнейшего следования. Но если кто-то вдруг оказывался у перепутья впервые, то трактирщик или же традиционно обитавший в таких местах один из завсегдатаев заведения с легкостью вызвались бы помочь неискушенному путнику найти нужное направление. И с естественной в таких случаях бурной жестикуляцией руками, рассекающими воздух в разных географических направлениях, рассказали бы все о трех расходящихся здесь дорогах. Если бы путник решил свернуть налево, то выехал бы на грунтовую уездную дорогу, ведущую вначале к хутору Корсунцы, а дальше через балки, хутора и села уезда выводящую в местечко Березовку. Если бы прямо собрался ехать – оказался бы на мощенном камнем Вознесенском почтовом тракте и, следуя далее по этой дороге, мог доехать хоть до самого Киева. И наконец, если захотел бы повернуть направо, отправился бы по мощеному Николаевскому почтовому тракту в Очаков, Николаев или Херсон, а следуя дальше, добрался бы и в Крым.

Даже сегодня, проезжая место, где был расположен легендарный трактир, нельзя не заметить, что историческая развилка представляет собой будто явившуюся нам из сказки сцену с расходящимися дорогами, где отчаянному герою предстояло погрузиться в раздумья перед выбором: куда свернуть и поехать, чтобы достигнуть намеченной цели? И уж совсем как-то по настоящему начинаешь себя чувствовать участником затянувшегося на века сказочного повествования «о трех дорогах», когда уже в наши

дни, невзирая на современный ритм жизни и глобальную информированность населения, нет-нет да и проскочит, словно эхо из прошлого, перед расходящимися дорогами вопросительный окрик очередного малоосведомленного пассажира: «Как идет маршрутка: по Добровольского или по Днепропетровской?!».

Наверняка и в реальной жизни XIX столетия все здесь происходило просто и буднично, хотя и коня, наверное, теряли, и невест находили на любой из этих далеко не сказочных дорог. Открывая в данном тексте события давно прошедших времен, наш исторический путь предсказуемо поворачивает на Николаевский тракт (ныне – Южная дорога. – **О. С.**), на котором на расстоянии четырехсот метров от начала дорожной развилки с трактиром с правой стороны от дороги находился парадный въезд в родовое имение семьи крупных землевладельцев Лузановых. Въезд сохранил свое первоначальное расположение до наших дней, но теперь это всего лишь неприметный поворот с Южной дороги на территорию ДЦ «Молодая гвардия» (въезд в местном обиходе называется «вторые ворота». – **О. С.**).

Предок Лузановых, Афанасий Кесоглу, получил эти земли в числе первых лиц, еще при правлении императрицы Екатерины II незадолго до основания Одессы, и с тех пор земельные

Фрагмент карты конца XIX столетия с обозначением линии границы между Одессой и Одесским уездом и с указанием фамильной принадлежности землевладений семье Лузановых

Председатель Одесского коммерческого суда землевладелец М.Ф. Лузанов

владения более ста лет передавались в роду по наследству от поколения к поколению. От Кесоглу землю унаследовала его вдова Кассандра Ивановна, оставившая обширные угодья двум своим дочерям, одна из которых, Марьяна Дембровская, в свою очередь передала эту землю дочери Наталье, в замужестве получившей фамилию Лузанова. От Натальи Лузановой земля перешла уже к ее детям (приходившимся по прямой ветви рода правнуками А. Кесоглу). Активная коммерческая и служебная деятельность членов семей двух последних поколений рода Лузановых, живших на этой земле, стала прочно ассоциироваться с данной местностью, что послужило основанием для появления впоследствии на карте Одессы известного теперь всем топонима Лузановка.[22]

Появление нового топонима хронологически относится к драматическому периоду Гражданской войны 1917-1920 гг. В этом промежутке времени возник первый вариант нового названия, звучащий как «Лузаново».[23] Это топонимическое открытие удалось сделать благодаря графическому рисунку известного художника П.Г. Волокидина, хранящемуся в частном собрании одесского коллекционера А.А. Дроздовского. С весны по осень 1921 года Павел Гаврилович, впрок запасшись бумагой и карандашами, систематически посещал Лузановку, где, вдохновленный полудикими приморскими пейзажами, создавал свои многочисленные зарисовки. Присутствие в малознакомой и практически безлюдной местности, видимо, побудило художника сопровождать свои работы пояснительными подписями, превратившими теперь рисунки еще и в интересные исторические документы. Так, на одном

Лузаново. 20 апреля 1921 года. Художник П.Г. Волокидин
Рисунок из коллекции А.А. Дроздовского. Публикуется впервые

из своих рисунков, датированных апрелем 1921 года, Волокидин сопроводил графический сюжет пояснительной подписью, указывающей место создания рисунка – «Лузаново».

На данный момент авторская подпись на рисунке является единственным историческим источником, открывшим нам первый вариант названия. Это обстоятельство, в свою очередь, дает повод подвергнуть открытие критическому анализу и задаться вопросом: не мог ли художник, погруженный в творческий процесс, ослышаться и спутать форму названия? Все-таки, как мы можем слышать, слова однокоренные и в произношении имеют отличия лишь в окончании. Вероятность фонетической ошибки можно исключить, если произнести вслух несколько раз сначала вариант названия «Лузановка», а затем вариант «Лузаново». Становится очевидно, что при произношении топонима Лузанов[ка] создается ударная позиция на звуке окончания с глухой согласной – «*ка*», и от этого мы каждый раз отчетливо слышим полное название. Чего нельзя сказать в отношении

формы названия Лузанов[о], где при произношении, особенно негромком (нетвердом), звучание окончания можно вообще не расслышать. Теперь, как мы смогли убедиться при фонетическом экспресс-разборе топонимов, в их звучании оказалась существенная разница, и перепутать их при произношении невозможно. Еще одним настораживающим внимание в названии «Лузаново» отличительным признаком оказалось его склонение в категории среднего рода, ныне практически не встречающегося в местных топонимах. Это вынудило обратиться к сравнительному анализу местных топонимов того времени. При изучении нескольких карт и письменных источников оказалось совсем несложно найти в ближайшей местности населенные пункты с формами названий среднего рода. В качестве одного из примеров снова вспомним про расположенный по соседству и уже многократно упоминавшийся в тексте хутор Кисёлово, чье название, возможно, даже послужило фонетическим шаблоном при рождении формы «Лузаново».

В качестве второго примера можно привести основанные в 1920-е годы на берегу Куяльницкого лимана три номерных (1-е, 2-е, и 3-е. – **О. С.**) поселка под названием Шевченково.[24] Теперь с полной уверенностью можно отнести неизвестный ранее факт существования формы названия «Лузаново» к интересному топонимическому открытию, сделанному семьей коллекционеров Дроздовских и закрепленному в данном тексте. Судя по всему, название Лузаново просуществовало совсем непродолжительное время и, вероятно, уже под доминирующим влиянием названий других ближайших сел – Крыжановки и Фонтанки, жители которых в силу своей многочисленности стали употреблять (и распространять) в разговорном обиходе новое название в привычной для них форме «Лузановка», – со временем закрепилось официально. Кстати, в своих последующих рисунках Волокидин подписывал изображаемую местность уже «Лузановкой», и что особо важно отметить в данном контексте, не исправив при этом подпись «Лузаново» на первым рисунке.

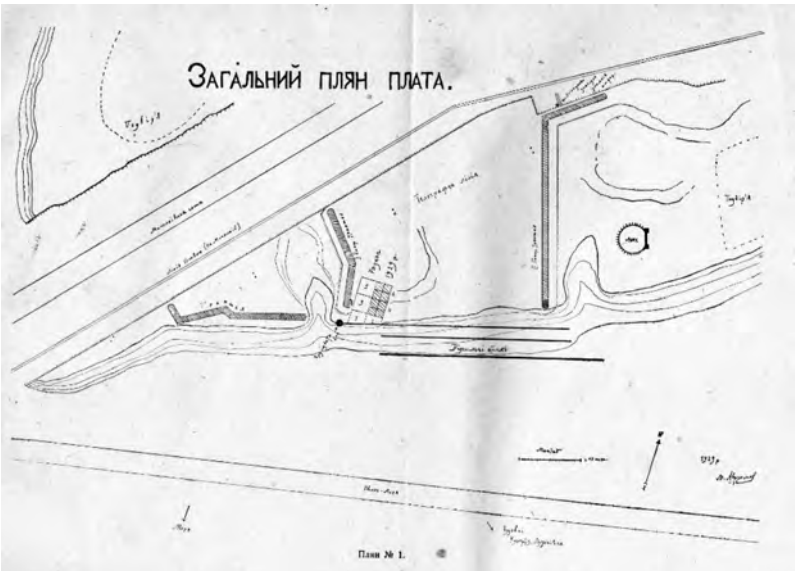
Другой ключевой для истории местной топонимики вопрос: чем была вызвана необходимость дать имя участку местности именно в военное время? Ведь до этого долгие годы этот небольшой

Дамы и господа отдыхают на пляже (Лузановском) в Одесском уезде. 1910-е годы
Фотография из коллекции автора. Публикуется впервые.

участок владельческой земли, принадлежавший известной фамилии, был на картографических изображениях и в справочных изданиях фактически безымянным. Дело в том, что имение Лузановых не являлось обособленным населенным пунктом в административно-территориальной системе населенных мест губернии и адресно относилось к ближайшей деревне Марьевке Одесского уезда Херсонской губернии. Но начавшиеся военные действия перечеркнули устоявшиеся за век губернские правила и перевернули размеренную жизнь дворянской усадьбы. Именно внезапный наплыв сюда военных формирований потребовал точно обозначать место их временной дислокации. Ведь большинство военных частей, в их числе и представители сил интервентов, в массе своей абсолютно не были знакомы с данной местностью и ее топографическими особенностями. Известно, что во время войн вся местность невольно превращается

Лузановский пляж. 9 августа 1925 года
Фотография из коллекции автора. Публикуется впервые

в театр военных действий, и точное обозначение всех элементов на передовой и в тылу – населенных пунктов, отдельно стоящих строений, сетей дорог, балок, рек и т. п. – оказывает огромное влияние на планирование и успех боевых действий. Эта же топографическая точность способствует решению и других важнейших задач: снабжения войск оружием, продовольствием, налаживанию системы связи. Название специально придумывать не пришлось – его подсказала легко произносимая на всех языках и хорошо запоминающаяся фамилия владельцев земли. Фактически с появлением нового названия сменявшие здесь друг друга «красные» и «белые» могли по-военному четко и понятно рапортовать о месте своего пребывания: Лузаново! Вторя им, офицеры и солдаты интервентов с жутким акцентом и протяжной расстановкой звуков теперь при необходимости тоже могли выговорить: «Лу-са-но-ффо!».



План археологических раскопок в Лузановке в 1929 году
Линии траншей периода Гражданской войны заштрихованы

Здесь необходимо уточнить, что новое названием охватывало собой небольшой участок территории, включавшей в себя дома имения Лузановых и ближайшие крестьянские хаты. (Ныне вся эта местность целиком очерчивается в границах нынешнего детского центра «Молодая гвардия» и частично примыкающего к нему частного сектора.) Такое территориально-административное закрепление названия Лузановки просуществовало до конца 1950-х годов.

Как удалось выяснить, имение Лузановых в годы Гражданской войны стало играть ключевую роль в ряду тактически важных пунктов, на три года став местом дислокации многочисленных военных частей. Комплекс усадебных построек имения Лузановых идеально подошел для расквартирования здесь гарнизона со штабом: несколько комфортабельных дач с печным отоплением, вместительная конюшня, погреба, множество хозяйственных

строений разного типа, в том числе подходящих под размещение казарм. К дополнительному бытовому комфорту в условиях казарменного положения можно отнести также близость моря и усадебный парк. Не забудем и еще об одном находящемся в десяти минутах ходьбы от имения притягательном для военных месте – трактире. Его значение трудно переоценивать, учитывая ментальность солдат из числа местных граждан, традиционно тяготеющих к времяпровождению в шинках, и общее психоэмоциональное состояние всех прочих оказавшихся здесь разноплеменных военнослужащих. Много ли на войне доступных удовольствий? Традиционно алкоголь одно из них! Сведений о работе трактира Кисёлова в лихолетье не найдено, но если там «продолжали наливать», то совершенно ясно, что в этот период он из первостепенного заведения превратился в банальную забегаловку.

Среди местных объектов уже подготовленной для военных инфраструктуры особо стоит упомянуть о находившемся неподалеку от имения Лузановых созданном еще в начале XX века большом городском стрельбище. По отрывочным источникам известно, что это был не просто полигон, а большой летний полевой лагерь для войск Одесского военного округа. Окончательное решение о его основании принималось тремя заинтересованными сторонами: одесским городским головой, начальником штаба Одесского военного округа и членами семьи землевладельцев Лузановых. 19 сентября 1901 года газета «Одесский листок», освещая этот процесс, опубликовала небольшое новостное сообщение: «Существует, как известно, проект перенесения лагерей на новое место – за Пересыпью, принадлежавшее Лузанову, причем последнее место приобретается казной, а нынешние лагери пускаются в продажу первоначальному собственнику, т. е. городу, или частным лицам. Проект этот, очевидно, еще не оставлен в военных сферах, судя по тому, что гор. голова П.А. Зелёный на запрос начальника штаба Одес. военного округа препроводил ему объемистую записку, в которой подробно изложен вопрос о перенесении лагерей на новое место».[25]

Абсолютно очевидно одно: покинутое царскими войсками стрельбище использовалось в годы Гражданской войны по своему прямому назначению как полигон для практических занятий

по обучению навыкам меткой стрельбы и как место, где можно было опробовать возможности разных видов «трофейного» и «союзнического» оружия. Точное местонахождение бывшего полигона на сегодняшний день практически не известно и очерчено достаточно условно, к тому же, эта территория основательно застроена жилыми домами, что значительно затрудняет поиск его следов непосредственно на месте. Но тем не менее, есть одна историческая зацепка, которая, возможно, поможет установить на местности хотя бы небольшой участок бывшего полигона. Данное вычисление основывается на логическом выводе о традиционной целевой преемственности таких подготовленных для военных занятий мест и востребованных по своему прямому назначению при каком угодно государственном строе. Если исходить из этой хронологически выстроенной связи военных объектов, то на данное время известно одно-единственное ближайшее к бывшему имению Лузановых большое стрельбище времен СССР, которое функционировало вплоть до 1960-х годов. Стрельбище располагалось за хутором Кисёлово, в низине с восточной стороны от железнодорожной линии, и было хорошо известно по звукам доносившихся выстрелов жителям нового поселка Котовского, получившим здесь в 50-е годы первые земельные участки для строительства домов. С годами, когда, с одной стороны, жилые постройки вплотную приблизились к военному объекту, а с другой стороны, увеличилась интенсивность движения поездов вблизи стрельбища, его пришлось закрыть. Знали о бывшем советском стрельбище и вездесущие подростки, жившие на поселке Котовского, регулярно наведывавшиеся туда с целью насобирать полные карманы отстрелянных гильз. Эта традиция в подростковой среде существовала достаточно долгое время. Поэтому не случайно однажды и мне довелось в мальчишеской компании побывать на месте бывшего советского стрельбища. К этому времени – а это был уже 1990 год – стрельбищный полигон давно был заброшен и основательно зарос травой и камышом, но даже тогда практически на поверхности (в корневой системе травяных растений) находились гильзы калибром 7,62/22 от пистолета ТТ и автомата ППШ, а также гильзы 7,62/39 от автомата Калашникова образца 1947 года и гильзы от мелкокалиберной

винтовки. По собранным воспоминаниям старожилов поселка Котовского удалось восстановить точные границы стрельбища, относящегося к периоду 1950-60-х гг. Полигон находился в 750 метрах к западу от пионерского лагеря «Молодая гвардия» и имел вытянутую с севера на юг форму. Позиции стрелков располагались в районе проложенного позднее через железную дорогу пешеходного моста, связывающего улицу Наклонную и поселок Шевченко. Мишени стояли на расстоянии 350-400 метров и примыкали к насыпанному земляному валу, находившемуся – если смотреть в привязке к современным ориентирам – параллельно нынешней улице Кишиневской. Вероятно, локализованное советское стрельбище, также ставшее уже историей, являлось лишь небольшой частью, оставшейся от большого полигона, который был оборудован в этой тогда пустынной местности еще во времена царствования Николая II.

О постоянном пребывании военных в имении Лузановых в период Гражданской войны 1917-1920 гг. сообщают разные источники. Когда знакомишься с ними, кажется, что на комфортном постое в дворянской усадьбе побывали все военные власти, прошедшие через наш регион. Вот что, к примеру, о событиях в имении Лузановых в период Гражданской войны написали спустя десять лет в местной советской газете: «Помещик куда-то скрылся, а хутор его, расположенный на живописном плато, стал излюбленной резиденцией различных властей, то расхаживал вдоль и поперек гетманский вартовый с оселедцем на гладко выбритой голове, то методически отмеривал свои шаги германский часовой в железной каске, глядящий в морскую даль».[26] Выписанные в газетных строках в нарочито подчеркнутых образах опереточных персонажей военные легко нами узнаваемы, так же, как известен и период их временного властвования в Одессе и ее окрестностях. Так, «гетманский вартовый с оселедцем» – это представитель власти Центральной Рады и гетмана Скоропадского, присутствовавших в Одессе с марта по ноябрь 1918 года. А «германский часовой в железной каске» – это яркий образ военного, представлявшего здесь власть немецкой оккупации. И «отмеривали шаги» в Лузаново они вместе в один и тот же отрезок времени, так как являлись на тот момент военными союзниками.

Не осталось незамеченным пребывание в Лузаново и представителей военного союза Антанты (фр. *Entente*, «*согласие*» – военно-политический союз России, Англии и Франции. **– О. С.**), как известно, находившихся в Одессе с декабря 1918 года по апрель 1919 года. Так, еще на одном из рисунков художника П.Г. Волокидина из собрания А.А. Дроздовского, изображающем окрестности Лузановки, изображен верблюд, а внизу выведена пояснительная подпись: «Наследие Антанты».[27] Можно предположить два варианта появления пояснительной подписи на старинном рисунке. Первый – это информация, непосредственно полученная художником на месте от участников военных событий, и в частности от военнослужащего, запечатленного им на представленном иллюстрацией к тексту рисунке. И второй источник, заставивший художника связать верблюда в Лузановке и войска Антанты, более обобщенный, мог возникнуть на основе устойчиво ходивших разговоров о том, что в составе частей интервентов, высадившихся в Одессе, находились разноплеменные формирования (напр. зуавы. – **О. С.**), прибывшие в Одессу со своими верблюдами.

Без сомнения, ютились здесь попеременно и просто полубандитские формирования, возглавлявшиеся опьяненными сиюминутными победами разномастными атаманами с политическими амбициями.

Даже советский туристический буклет, изданный в 1963 году, не обошел своим вниманием данный исторический период будущего курортного предместья, правда, ограничившись скупым текстовым сообщением о том, что «во время мировой войны» Лузановка опустела, и «помещения ее занимали воинские части».[28]

Единственной наглядной иллюстрацией периода четырехлетней милитаризации местности в имении Лузановых служит для нас рисунок, о котором, разбирая его подпись, я упоминал выше. Теперь предлагаю внимательно взглянуть на сюжет рисунка. Художник переносит нас в апрель 1921 года на безлюдный берег под названием Лузаново (ныне пляж ДЦ «Молодая гвардия». – **О. С.**). Единственная центральная фигура на рисунке – это военный человек. Отметим, что одет он строго по форме: фуражка «царского» образца, шинель, ботинки, обмотки, просматриваются в рисунке даже фигурно выцветшие очертания на местах крепле-

ния кокарды и нашивок. Безупречный внешний вид довершает гладко выбритое лицо и выглядывающая из-под фуражки короткая стрижка. Все эти внешние признаки ухоженности выдают в нем человека, пребывающего на действительной военной службе. В то же время обращает на себя внимание небрежно накинутая на плечи шинель, что может говорить нам как о прохладном апрельском дне, так и о том, что военный покинул расположенное поблизости жилище ненадолго, и скоро должен подняться и неспешно пойти обратно. Здесь уместно будет задаться простым вопросом: каков ближайший от изображенного на рисунке места населенный пункт, который мы точно определяем, во-первых, благодаря подписи «Лузаново», и во-вторых, по узнаваемому на заднем плане срезу берега с выдающимся в море мысом? Ответ очевиден: ближе всего идти пешком от этого места можно было только в дома имения Лузановых. Все остальные существовавшие на тот момент ближние жилые постройки находились на более удаленном расстоянии. Так, расстояние от пляжа, расположенного напротив имения Лузановых, до деревни Крыжановки составляло примерно один километр, а до хутора Кисёлова – 800 метров. Для правильного понимания особенностей описываемого прибрежного пространства можно добавить, что напротив Кисёлова и Крыжановки имелись свои дикие песчаные пляжи, которыми, находясь там, можно было воспользоваться для короткого отдыха, просто спустившись с прибрежных склонов по протоптанным местными жителями тропинкам.

…Общее настроение в рисунке главным образом передает поза и действие центрального персонажа. Обратите внимание: присевший на песок солдат находится в очень неудобном положении, напоминающем лежащую букву «Г», – прямая спина с вытянутыми, но чуть согнутыми в коленях ногами. Такая поза создает напряжение и в позвоночнике, и в ножных мышцах, но тем не менее, как можно понять из увиденного, ему легче находиться в дискомфортном положении сидя, чем просто стоять. А это уже может свидетельствовать о том, что персонаж с рисунка не просто устал физически, а нездоров, и возможно даже, что его тяготят последствия перенесенного ранения, сковавшего части тела в неудобной позе. Ухудшает общую картину внешнего состояния

молодого солдата и выражение на его лице, видимое нами частично по прорисованному профилю, замершему, будто в окаменевшей маске, и отражающее состояние отрешенности от всего происходящего вокруг него. Умостившись на берегу и безучастно глядя на монотонно накатывающие волны, солдат неспешно сматывает в руках папироску-самокрутку, чтобы спустя минуту, глубоко затянувшись горьким дымом, оказаться на миг в сизом облаке обманчивого забытья. Рисунок, словно медицинская карта с датой осмотра, заочно передает нам клиническую картину внутреннего состояния молодого солдата. По сравнению с тем временем сегодня у нас значительно больше знаний, и переданная в картинке скованность тела и эмоциональная безучастность могут свидетельствовать только об одном: запоздавшем на 95 лет диагнозе – военном посттравматическом синдроме, диагностируемом у большинства людей, прошедших через горнило войны. Художник вольно или невольно вторгся во внутренний мир своего героя, наполненный тревожными раздумьями, в которых, бесспорно, большую часть занимали мысли о родном доме и воспоминания о недавно закончившейся кровопролитной Гражданской войне.

Окончание следует

Примечания

[1] Отчет о действиях Одесской уездной земской управы с 1 сентября 1869 по 1 сентября 1870 года. – Одесса: тип. Алексомати. 1870, с. 44.

[2] Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. – Изд. Губерн. стат. комитета – Херсон: Тип. Губерн. правл., 1896, с. 299

[3] Ведомость о дорогах, мостах и перевозах Одесского уезда за 1898 год. – С. 2 / Ведомость подшита: Статистико-экономический обзор по Одесскому уезду за 1898 год. Составлен Статистическим отделением Одесской земской управы. – Одесса: «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1899.

[4] Отчет Земской управы Одесского уезда с 1 августа 1880 по 1 июля 1881 года. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1881, с. 58-59.

[5] Отчет Земской управы Одесского уезда с 1 августа 1874 года по 1 апреля 1875 года. – Одесса: Тип. П. Францова, 1875, с. 165.

[6] Там же.

[7] Отчет Одесской уездной земской управы за 1905 год. Отдел денежный. – Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелоса, 1906, с. 167; Отчет Одесской уездной земской управы за 1906 год. (Отдел денежный). – Одесса: Тип. Е. Хрисогелоса, 1907, с. 148; Отчет Одесской уездной земской управы за 1907 г. (Технический отчет). – Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелоса, 1907, с. 9.

[8] Ведомость о дорогах, мостах и перевозах Одесского уезда за 1898 год. – Указ. издание, с. 2; Отчет Одесской уездной земской управы за 1907 г. – Указ. издание, с. 9.

[9] Отчет Одесской уездной земской управы за 1906 год. (Отдел денежный). – Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелоса, 1907, с. 165.

[10] Ведомость о дорогах, мостах и перевозах Одесского уезда за 1898 год. – Указ. издание, с. 2.

[11] Отчет Земской управы Одесского уезда с 1 августа 1880 по 1 июля 1881 года. – Указ. издание, с. 58-59.

[12] Маркевич А. Город Качибей или Гаджибей – предшественник города Одессы // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (Далее – ЗООИД). – Одесса, 1894. – Т. XVII, ч. 2, с. 5.

[13] Смолянинов К. История Одессы // ЗООИД. – Одесса, 1853. – Т. 3, отд. 2, с. 408.

[14] Штраус А.Я. Курортный парк «Лузановка» в Одессе. Сборник по вопросам акклиматизации растений и животных. «Югклимат». Издание Одесского научного общества акклиматизации. – Одесса, 1931 год. – 11-12 часть, с. 79.

[15] Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края – 1730-1823. Ч. II, с 1796 по 1823 гг. – Одесса, 1838, с. 64; Там же, с. 331. Приложение 2: Из рапорта тираспольского предводителя дворянства Туманова, в 1803 г. Молдавские бояре, получившие земли в Очаковской области после 1792 года.

[16] Загоровский Н.А. Лиманы Северного Причерноморья на картах прошлых столетий. // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській академії наук. Ч. 4-5. Секція вивчення природних багатств. – Одеса, 1929, с. 47.

[17] Там же, с. 48.

[18] Губарь О. Первый бургомистр. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: «Optimum», 2011, с. 125.

[19] Шуберт Ф.Ф. Военно-топографическая карта Российской империи. Масштаб: 3 версты в 1 дюйме. Ряд XXX. Лист. 9. Съемка: 1846-1863 гг.

[20] Отчет Земской управы Одесского уезда с 1 августа 1880 по 1 июля 1881 года. – Указ. издание, с. 58.

[21] Ведомость о дорогах, мостах и перевозах Одесского уезда за 1900 г. Лист I. – Подшита к отчету Одесской уездной земской управы за 1900 г. – Одесса: «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1901.

[22] Сивирин О. В поисках исчезнувшей церкви Святой Наталии. / Из документального цикла «Лузановка и окрестности» / Дерибасовская – Ришельевская. Од. альм. Кн. 59, с. 31-32.

[23] Частная коллекция А.А. Дроздовского: Рисунок худ. П.Г. Волокидина с подписью «Лузаново».

[24] Сивирин О. В поисках исчезнувшей церкви Святой Наталии… – Указ. издание, с. 48.

[25] Одесский листок. – 1901, 6 (19) сентября.

[26] Лузановка. Кое-что из прошлого. / Вечерние известия. – 1929, 21 августа.

[27] Частная коллекция А.А. Дроздовского. Рисунок худ. П.Г. Волокидина с пояснительной подписью: «Наследие Антанты…».

[28] Одесса. Лузановка. / Odessa. Luzanovka. Информационный буклет-путеводитель на русском, английском, французском и немецком языках. – Одесса: Одесск. кн. изд., 1963.

Елена Букреева

«Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве»

Профессор Антоний Васильевич Флоровский

В личном фонде русского историка-слависта Антония Васильевича Флоровского[1], хранящегося в Архиве Российской академии наук, были найдены ценные документы, касающиеся жизни графов Толстых в Швейцарии. Это десять писем Николая Афанасьевича Боура[2] к своему знакомому по Одессе, бывшему приват-доценту Новороссийского университета Флоровскому. В основном переписка касается организационных вопросов подготовки к выставке Русского Благотворительного общества в Женеве, членом которого Н.А. Боур являлся, но несколько страниц посвящены описанию последних лет жизни в эмиграции графа Михаила Михайловича Толстого и его матери графини Елены Григорьевны. Хронологические рамки найденных документов охватывают период с 10 апреля 1926 по 8 февраля 1927 г.

Именно в этот промежуток времени ушла из жизни графиня Толстая, и благодаря Н.А. Боуру стало известно не только место погребения Толстых на женевском кладбище Сен-Жорж[3], но и причина утраты могил.

Впервые представлены к публикации выборочные документы из фондов Российской академии наук, касающиеся непосредственно графа Толстого и членов семьи Николая Боура. Стилистика, орфография и пунктуация источников с незначительными изменениями сохранена. Сокращения слов раскрываются автором в угловых скобках. В комментариях даны уточняющие сведения об упоминаемых в текстах фамилиях, учреждениях и названиях органов периодической печати[4].

1

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 8 мая 926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве, живем очень тяжело. Михаил Михайлович тяжко болен. Чем он страдает, Вы знаете, ходить не может, уже восьмой месяц лежит, а страдает жестоко. И беда, что средства его уже на исходе. Живали мы первое время в отелях, но в них так дорого, что мы спустя полтора года переехали в меблированные квартиры и живем в них уже шестой год. Бедный граф спасается только вспрыскиваниями сильно действующими средствами, как то: морфином, камфорой, принимает хлорал; ночей не спит, не ест или же ест очень мало. Жаль и тяжело смотреть на его страдания. Развлечение у него одно – это чтение, и на книги мы немало тратим. Но нельзя его оставлять с его тяжкими думами.

Его матушка совершенно здорова, но, как очень старый человек, многого не понимает, внешним миром не интересуется, не читает, ибо не видит. Все у нее сосредоточено на больном сыне, от которого она не отходит ни на минуту. Конечно, оба из квартиры не выходят уже много лет, по крайней мере, могу их насчитать три с тех пор, как мы в настоящей квартире.

Кстати, к концу месяца мы должны менять ее, переходим поблизости на рю Константэн, 6,[5] где будем платить очень недорого, всего 4500 фр<анков> в год, т. е. на 750 франков меньше, чем сейчас платим.

С нами живет уже четвертый год старушка Ольга Михайловна Боде, совершенно больной человек, ходить не может – ноги у нее парализованы. После смерти ее мужа в Сан-Ремо надо было подо-

Николай Афанасьевич Боур

брать ее; у нее никого близких, кроме Толстых, нет.

Временно живет с нами также старушка Сперле, вдова воспитателя Михаила Михайловича, швейцарца Сперле[6]. Видите, как у нас много инвалидов.

Живем более чем скромно, правильнее было бы назвать нашу жизнь скудной, не жалеем лишь на врача, на аптеку, да на книги.

Моя жена Валентина Степановна[7] взяла на себя с тех пор, как живем в квартирах, все хозяйство – сидит по целым дням на кухне, либо чинит платье и белье, либо штопает. Никуда, конечно, не выходит, все некогда. По вечерам лишь читает.

Да и мне нечего делать <…> читаю газеты, русские и французские книги, пишу письма. <…> Чаще всего имею сведения из Одессы, где у меня остались брат Василий[8], бывший мировой судья, сестра[9], кузены и много друзей, между ними и Диевский[10]. Он мне аккуратно и уже давно пишет по 2 раза в неделю.

Затеял я месяцев 8 тому назад переезд брата в Бессарабию. С величайшим трудом добыл две визы – в Польшу и Румынию, и, когда дело было совершенно готово к отъезду брата и его семьи, узнал из письма из Одессы, что большевики с 9 апреля повысили сбор за заграничные паспорта до двухсот рублей за паспорт. В частности, брату пришлось бы заплатить 2000 швейц<арских> франков за один паспорт. Таких денег ни у него, ни у меня нет. После долгих трудов мне удалось достать в виде ссуды еще 1000 франков, которые я и отправил ему. Теперь жду еще какой-либо неприятности, ибо от большевиков естественно ждать всякой гадости. И жду с величайшим нетерпением. Даже злейшему своему

врагу не пожелаю такой жизни, как у брата. Да какая там может быть жизнь, это скорее медленное умирание. Вы лучше меня это знаете.

Будем все очень, очень рады получить Ваше письмо: как же Вам живется в Праге?

Переписываюсь и с Румынией, где у меня много родственников, пишут мне все. Да там в Бессарабии и моя замужняя сестра, есть и маленькое наследственное имущество. Туда-то и стремится мой брат. Два других брата младших в России. Кажется мне, партийные[11], мне они ни слова не пишут. Имею самые смутные о них представления.

При такой тяжелой жизни и перспектив никаких, о России нам нечего и думать. Если бы большевики пали, граф в таком положении, что о его переселении нечего и думать. Вероятно, здесь и сложим наши кости[12].

Будьте же здоровы, дорогой Антоний Васильевич, передайте наш сердечный привет Вашей супруге. Михаил Михайлович и Елена Григорьевна шлют Вам искреннейшую благодарность за внимание и пожелания всякого благополучия.

Глубоко и сердечно Вам преданный *НБоур.*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 5 с об.

2

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 14 июня 926

Глубокоуважаемый Василий Антонович![13]

<...> Мы уже на новой квартире, начинаем к ней привыкать. Квартира, во всяком случае, очень веселая, кое в чем очень удобная, но есть мелочи, которые графа не устраивают. Но за 4500 франков такой квартиры не найти! Солнца же в ней очень много, а это залог здоровья. Наш адрес – рю Константэн, 6. Будьте же здоровы.

Сердечно и глубоко Вам преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 2

Василий Афанасьевич Боур

3

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 23 июля 926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

<…> Как был бы я рад с Вами встретиться в том случае, если Вы переедете к нам поблизости! <…> станция С. Пьер де Рамили[14], с деревушкой Понши, куда я и езжу навещать моих русских друзей. Там дивно хорошо, на выбор жилье предоставляется желающим – либо русский пансион во дворце, либо помещение у крестьян. Конечно, пансион много лучше, а кормят там восхитительно, ибо сама хозяйка готовит, и большею частью русские блюда. Этот пансион во дворце госпожи Деламон, арендованном полковником Штранге[15], русским по происхождению, детей у него нет. Хочу навести Вас на следы родства его.

Если Вы еще помните Одессу, должны знать русского адмирала Патен де Ферайон Петра Ивановича вот он-то вместе со Штранге и держит в это лето пансион. А уж оттуда можно было бы контрабандой заглянуть и к нам в Женеву <…>.

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 7

4

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 11 августа 926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Вчера был во Франции и побывал в пансионе полковника Штранге. У них полно, и надежды на комнату нет ни у них,

ни у меня.<…> Есть еще одно место: Салланж[16], также в Верхней Савойе, отель де Пари. И хорошо и дешево: там живут дочь и зять нашего Сухомлинова[17]. И это очень близко от нас! <…>

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 10 об.

5

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 28 сентября 926

Глубокоуважаемый Антоний Васильевич!

Как глубоко жаль мне, что Вы не приехали в Савойю, что по-видимому, зарылись в Парижских библиотеках и не заметили, как промелькнуло лето.

<…> Здоровье графа плохо, замечаю, что с каждым днем силы его убывают, страдает невероятно, а мы бессильны облегчить его. Бедный, несчастный человек!

Послезавтра ждем к нам из Лозанны[18] Сухомлиновых, Надежда Артемьевна[19] бежит от своих именин. <…> Граф и Юрий Ильич шлют Вам искренний привет.

Глубоко преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 11 с об.

6

Н.А. Боур – А.В. Флоровскому

Женева, 8 февраля 927

Глубокоуважаемый и дорогой Антоний Васильевич!

Был страшно рад, получив вчера Ваше милое письмо, за которое приношу сердечную благодарность. Давно уже собирался писать Вам, да в первое время не знал Вашего адреса, лишь недавно получил его от Вашего батюшки.

Не знаю, знаете ли Вы по письмам от Ваших родителей[20], что Михаил Михайлович и мы попутно понесли тяжелую потерю – скончалась еще в декабре графиня Елена Григорьевна[21]. Скончалась от старческой слабости, а причина, вызвавшая кончину ее, –

перелом ноги в начале октября. В общем, лежала она в постели два с лишним месяца. По словам нашего врача, страданий не испытывала, но в последнюю неделю бредила и вообще была вне сознания. Таким образом мы осиротели!

Тяжелее всего перенес разлуку Михаил Михайлович, что вполне понятно: горячо им любимая мать, которую он не оставлял ни на минутку с 1898 года, никогда с нею не разлучался.

В первые дни ему было очень тяжело, по целым дням плакал, но сейчас ему немного легче, время чего ни делает?

Похоронили мы ее на местном кладбище Сен-Жорж, но меры приняты к тому, чтобы кто-либо из родных или близких лиц мог перевезти ее прах в Одессу, а именно – могила заплачена за период в 40 лет, а гроб взят цинковый, который перед опусканием в могилу запаян. Только при таких условиях швейцарские законы разрешают перевозку.

Могила приведена в полный порядок, но сделать что-либо постоянное запрещают до истечения четырех месяцев. Предполагаем поставить на ней каменный крест и железную решетку. Дай лишь Бог, чтобы перевозку мог завершить еще я сам.

Михаил Михайлович в прежнем положении, всегда лежит, прибегает почти ежедневно для успокоения страданий к вспрыскиваниям морфина. В те часы, когда лучше себя чувствует, много читает.

Мы по-прежнему живем скучно, тоскливо, никто к нам не заходит, нигде и мы не бываем, а недавно все переболели гриппом. Жена моя и сей час не оправилась совсем, не выходит, а я пролежал в постели дней десять, теперь уже свободно выхожу.

<…> Скорбим вместе с Вами и со всеми русскими о том, как ухудшается повсюду положение русских эмигрантов, и вполне согласен с Вами, что больно мы уже надоели чужим странам, надо им ведь и считать нас гостями и на нас тратиться!

Здесь наблюдается то же самое, но все-таки нельзя жаловаться. Международное Общество Красного Креста, местное Благотворительное общество не перестают, хотя и кряхтят, оказывать ту или иную помощь, преимущественно денежную и сравнительно большими суммами, русским. Выдают на семью по 120 шв<ейцарских> франков в месяц с прибавлением купонов

Домик в Измаиле, где жил в 1930-е годы Н. Боур

на даровой хлеб, молоко, топливо, вообще на жизнь. И здесь еще никто не испытывал нужды, кое-как перебиваются, хотя и не сладко им живется, ибо жизнь страшно дорога.

Сердечно благодарю Вас за обещание прислать мне и графу Ваш труд, который Вы сейчас кончаете, желаю Вам от души успешно его закончить. А тема чрезвычайно интересная! Должен лишь сказать, что чешского языка мы не знаем, если книги будут изданы на этом языке, то мы в них ничего не поймем.

Могу Вам сообщить и приятное для меня событие. Брат мой, бывший мировой судья в Одессе, вместе со старшей дочерью, вдоволь настрадавшись в России, при моей помощи и содействии выехал в Румынию через Польшу. Ныне они в Бухаресте наслаждаются свиданием и общением с родными, а он занят делом о принятии подданства, о приискании службы. Но я вполне уверен, что с помощью моего кузена, тов<арища> министра внутренних дел, он легко добьется и того и другого. А затем уедет на родину в придунайский городок Измаил. Как бы плохо им не было в Румынии, но это будет во сто крат лучше, нежели

в России. Пока они мне пишут самые восторженные письма. Я, конечно, теперь счастлив вполне.

Будьте же здоровы, дорогой Антоний Васильевич. Передайте наш сердечный привет Вашей супруге. Мих<аил> Мих<айлович> шлет Вам обоим самые искренние наилучшие пожелания.

Глубоко и искренно преданный *НБоур*

Авторизованная машинопись. Архив РАН, ф. 1609, оп. 2, д. 146, л. 12 с об.

Примечания

[1] Флоровский Антоний Васильевич (14.12.1884, Елисаветград (Кировоград) – 27.03.1968, Прага) – русский историк-славист. В 1894 г. семья Флоровских переехала в Одессу. Антоний уже в гимназические годы интересовался историей, русским и церковнославянским языками. После окончания гимназии он продолжил обучение на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1903-1908). Своей специализацией Флоровский избрал историю России XVIII века. С 1907 г. Антоний Васильевич преподавал в Одесском коммерческом училище. С 31 октября 1911 г. – приват-доцент, с 1912 г. читал лекции в Новороссийском университете (спецкурс «История царствования Екатерины II»), вел семинары по русской истории. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, с 1921 г. жил в Праге. Автор книги «Россия и жизнь славян при Александре I» (София, 1929). См.: Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1999: В 6-ти т. Т. 6. Кн. 2. (Скр–Ф). – М., 2006, с. 663; Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии. 1918-1945 [Текст] / Кол. авт.: Т. Аникина, Ю. Бабаева, Л. Белошевская [и др.]. Прага: RT + RS Servis, 2008, с. 146-147; Командорова Н.И. Русская Прага. – М.: Вече, 2009, с. 211-216.

[2] Николай Афанасьевич Боур (до 1883 – февраль 1935, Измаил) – управляющий делами графа Толстого, казначей Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в городских народных училищах, член Технического общества, Общества исправительных приютов и Общества борьбы с туберкулезом. См.: Вся Одесса на 1914 г. С. 48 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

[3] Сен-Жорж (Saint-Georges) – главное кладбище г. Женевы, где сохранилось немного русских захоронений. По истечении 20, 30, 50 и 99 лет могилы уничтожаются. Именно поэтому, согласно швейцарским законам, могилы гр. Толстых, проплаченные только на 40 лет с 1926 года, не сохранились. «Если родные не оплачивают продление могилы и не имеют возможности перенести останки на новое место, то их просто перекапывают, освобождая место для новых захоронений». См.: Грезин И.И. Русский некрополь в Швейцарии // Родина. 2014, № 1, с. 26.

[4] Автор благодарит за помощь в работе своих коллег О.А. Бачурину, И.П. Ерохину, С.В. Пушкову, Г.Г. Сапожникова (все – ГИМ, Москва).

[5] В настоящее время эта улица в Женеве называется rue Abraham-Constantin.

[6] Речь идет об Эмиле Сперле (Emile Sperlé), учителе графов Толстых – Михаила Михайловича (1863-1927) и Константина Михайловича (1862-1890). Дарственные надписи Э. Сперле были обнаружены на детских книгах из библиотеки Толстых. См. об этом: Фабрика Л.В. Фамильная библиотека графов Толстых в Одессе // Страницы истории благотворительности в Одессе. К 100-летию вступления графа М.М. Толстого в должность попечителя Одесской городской публичной библиотеки. – Одесса, 2000, с. 66, 68, 73.

[7] В Государственном архиве Российской Федерации хранятся два письма Валентины Степановны Боур, написанные в декабре 1935 г., уже после смерти супруга Н.А. Боура.

[8] Василий Афанасьевич Боур (до 1883 – 1951) – мировой судья 22-го участка. В 1914 г. проживал по адресу: Одесса, Черноморская, 14. См.: Вся Одесса на 1914 г. С. 30 (раздел «Участки мировых судей»), с. 48 (раздел «Алфавитный указатель города Одессы»).

[9] Есть сведения об одной из сестер Боура Анне Афанасьевне Боур – преподавательнице женской гимназии Е.С. Пашковской, в 1914 г. проживавшей с братом Николаем в доме, принадлежавшем графине Е.Г. Толстой по адресу: Одесса, Гоголя, 19. См.: Одесса на 1914 г. С. 48 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»), с. 59 (раздел «Учебные заведения»).

[10] Очевидно, речь идет о Сергее Михайловиче Диевском (1864 – не ранее 1926), сыне одесского протоиерея Михаила Ильича Диевского (1825-1893), который одно время был священником домовой церкви графа Михаила Дмитриевича Толстого на Преображенской улице, преподавал Закон Божий в одесских учебных заведениях. С.М. Диевский обучался в одесской 2-й прогимназии, в 1900-х гг. – мировой судья. В 1914 г. мировой судья 2-го участка, проживал, очевидно, с супругой Диевской Александрой Георгиевной по адресу: Одесса, ул. Черноморская, 14. (См.: Михальченко В. Духовенство Одессы, 1794-1925. – Одесса, 2012; Вся Одесса на 1914 г. С. 30 (раздел «Участки мировых судей»), с. 137 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

[11] Иван Афанасьевич Боур (1883 – 26.02.1938) – уроженец г. Измаила Бессарабской губернии (Румынии), беспартийный, образование высшее. Проживал в доме педучилища г. Загорска Московской области. 2 сентября 1937 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, 21 февраля 1938 г. приговорен к расстрелу, 26 февраля 1938 г. приговор был приведен в исполнение (Бутово). И.А. Боур был реабилитирован 19 мая 1989 г.

[12] Н.А. Боур умер предположительно в феврале 1935 г. в г. Измаиле, куда переехал с супругой после смерти Толстых. Проживали Боуры по адресу: Измаил, улица Болградская, 36. Из письма Валентины Степановны Боур: «*Мой бедный муж не успел сделать всего, что хотел, так как его утомленное сердце не выдержало, он скончался от крупозного воспаления легких, сгорев в одну неделю*

несколько месяцев тому назад. Почти 10 месяцев прошло, как он ушел в лучший мир так неожиданно для меня». См.: ГАРФ, ф. Р.-6784, оп. 1, д. 5, л. 304 об. По сведениям Т.А. Савоськиной, дом румынской постройки по ул. Болградской, 36, сохранился в первоначальном виде. В нем живут третье или уже четвертое поколение, видимо, имеющих отношение к Боурам. Но эти сведения требуют уточнения. В настоящее время в доме проживает пожилая женщина. От соседей стало известно о некой пенсионерке Елене Жуковой, живущей в Москве, но ранее проживавшей по этому же адресу. Другие родственники Жуковой проживают в Румынии. Автор благодарит Татьяну Анатольевну Савоськину (г. Измаил) не только за ценные сведения, но и за предоставленные фотографии современного вида дома.

[13] Автор ошибся. Читай: *Антоний Васильевич.*

[14] Возможно, автор имеет в виду коммуну Румилли (Rumilly) в Верхней Савойе на юго-востоке Франции, там имеется и железнодорожная станция Румилли.

[15] Описание замка было найдено в воспоминаниях Н.А. Кривошеиной за 1945 г.: «*Мы, по совету проф. Рауля Курильского, уехали в горы в Савойю, недалеко от Швейцарской границы и попали* (*через знакомых, конечно*) *в чудный старинный замок, стоявший на высоте пятисот метров, с дивным видом на зеленую долину. Владельцы замка были русские, семья Штранге. Там было уютно, красиво, все было вкусно, – комнаты у нас были одна 45 кв. метров, другая – 25 м, подоконники шириной в метр, все за нами ухаживали, старались, чтобы нам было хорошо, весело, беззаботно*...». См.: Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. – М.: Русский путь, 1999.

[16] Имеется в виду, очевидно, французский город Салланш (Sallanches) в Верхней Савойе.

[17] Речь идет о семье почетного мирового судьи Одесского уезда и Одессы, действительного статского советника, гофмаршала, члена Государственного совета по выборам, херсонского губернского предводителя дворянства с 1896 по 1917 гг. Николая Федоровича Сухомлинова (1852 – после 1917). Его дочь Елена Николаевна (10/23.12.1882 – 11.02.1962, Ницца) была замужем за членом Херсонской губернской земской управы, коллежским советником в звании камер-юнкера двора е. и. в. князем Борисом Николаевичем Аргутинским-Долгоруким (25.03/08.04.1870 – 11/24.03.1949, Ницца). См.: Грезин И.И. Русское кладбище Кокад в Ницце / Cimetière russe de Caucade à Nice. – М.: Старая Басманная, 2012, с. 41.

[18] Лозанна (фр. Lausanne) – город на юго-западе Швейцарии.

[19] Сухомлинова Надежда Артемьевна, урожденная Резникова, – супруга Н.Ф. Сухомлинова, председательница Общества покровительства животным, начальница женского попечительского совета, мать троих детей. Один сын умер до 1907 г. Второй сын Федор Николаевич (ок.1883 – не ранее 1914) в 1914 г. числился в Симферопольском окружном суде, был женат на Н.Д. Маковецкой. Сухомлиновы проживали по адресу: Одесса, Лидерсовский бульвар, 5. См.: Вся Одесса на 1914 год. С. 3 (раздел «Земство Одесского уезда»), с. 73

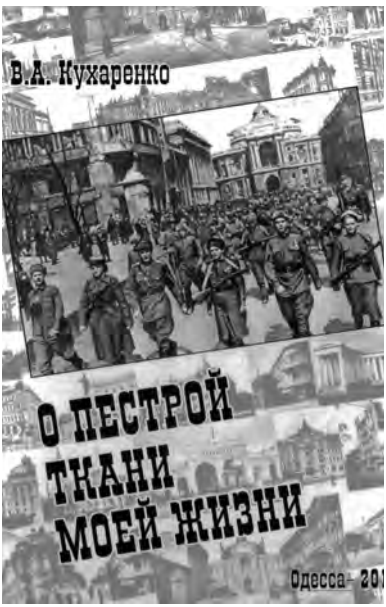
(раздел «Землевладельцы Одесского уезда»), с. 393 (раздел «Алфавитный указатель жителей города Одессы»).

[20] А.В. Флоровский был сыном священнослужителя Василия Антоновича Флоровского (1852-1928) и Клавдии Георгиевны, урожденной Попруженко (1863-1933).

[21] Е.Г. Толстая умерла 18 декабря 1926 г. Дата смерти известна по: Терещенко Г.В. Красавицы столетий // Одесский вестник. 1997, № 207-208, с. 11. Автор благодарит Л.В. Ижик (г. Одесса) за указание на этот источник и за всю консультативную помощь по установлению сведений об одесских жителях.

Валерия Кухаренко

О том, что было…



Среди наших земляков, потомственных одесситов, особое место занимают те, кто за всю жизнь если и покидали родной город, то на короткое время. Они родились, учились, создавали семьи, работали и работают в Одессе. Их воспоминания не просто интересны, они – бесценны, ибо дают нынешнему поколению объективную, полную и объемную картину жизни города в разные периоды истории. Среди них и Валерия Андреевна Кухаренко. Всю жизнь она прожила в одном ареале города, практически в одном доме: родилась на Пушкинской, 33, а когда в него попала фашистская бомба, переселилась на соседнюю Троицкую, где пишет свои книги и сегодня.

Вся студенческая и профессиональная жизнь Валерии Андреевны неразрывно связана с Одесским национальным университетом имени Мечникова. После окончания вуза в 1950 году стала преподавателем, была заведующей кафедрой, деканом факультета романо-германской филологии. Доктор филологических наук профессор Кухаренко ушла на пенсию в 20015-м, проработав здесь 65 лет.

О своем детстве, закончившемся 22 июня 1941 года, Валерия Андреевна рассказала в книге «Записки о том, чего больше нет», которая вышла в 2014 году и стала библиографической редкостью. Отрывки мы печатали в нашем альманахе.

Недавно вышло в свет продолжение ее мемуаров, которые начинаются с того, чем заканчивалась первая книга. Мы увидим Одессу глазами тринадцатилетней девочки, застигнутой, как и наш город, как и вся страна, страшной войной…

Из этой, первой, главы мы выбрали несколько фрагментов и предлагаем сегодня читателям.

Важно сказать, что воспоминания профессора Кухаренко, начавшиеся с предвоенных лет, рассказывают и о том, чем мы жили вчера, и чем – сегодня. Краткий искренний и доверительный рассказ о долгой жизни, полной надежд, достижений, разочарований, радостей и печали…

Феликс Кохрихт

Война пришла в Одессу с первых своих дней: мы узнали слово «бомбежка», мы научились различать по звуку, куда несется смерть и разрушение, и пытались от этого бежать. Куда-нибудь. Многие эвакуировались со своими предприятиями…

Эвакуация началась в августе. И проходила она как-то незаметно для города. Паника началась в конце сентября, когда от всех подступов к городу большой кровью отбивали вражеские силы. Но город еще жил – работали пекарни, работал, правда, весьма отощавший Привоз. Новой в картине города была цепочка тачечников на всех улицах, ведущих в порт, – они везли то добро, которое придется потом выбросить по дороге, так как «корабль не резиновый», как справедливо замечали матросы…

…Это было первое потрясение в моей жизни: по-моему, в июле (или в августе?) большая бомба попала в 4-этажный дом на углу Успенской (Чичерина) и Осипова. Тогда наш двор был еще в полном составе, и мы ходили смотреть на страшную искореженность железа и камня. По-видимому, на одном из верхних этажей жил музыкант, потому что, нелепо вставший боком, опираясь

на какие-то камни, стоял без ног рояль с оторванной крышкой. Струны были открыты, и они звенели. Рояль как будто пел погребальную песнь – по погибшим там людям, да и по тем, которые еще оставались, но ненадолго.

«Надолго» или «ненадолго» можно было услышать на каждом квартале и в каждом дворе. Напоминаю: единственным источником информации был радиорупор, закрепленный на самом верху столба на углу Троицкой и Пушкинской.

…Вечером, вот уж вечером все отводили душу – до рева сирены, при котором все бросались в подвалы и мины обоих дворов. Папа специально сгреб уголь в нашей кладовке не ближе к ее входу-выходу, чтобы легче набирать уголь в ведро, а наоборот, забросал всю заднюю часть кладовки, освободив место для двух скамеек, на которых помещалось все население нашего подвала в тревожном ожидании.

Здесь должна сказать о роли моей мамы в этой ежевечерней процедуре. Семья Зленко – мамина – священников в роду не имела. Более того, не могу сказать, что моя бабушка Прасковья Дмитриевна отличалась набожностью. Во всяком случае, я никогда не видела ее молящейся или собирающейся в церковь, хотя в ее крохотной комнатушке у Клавы в Отраде висела в углу маленькая иконка. У бабушки было 7 детей – 5 девочек и 2 мальчика. Не могу сказать, что я близко видела быт всех, однако знаю, что моя мама с младых ногтей отличалась особым пиететом ко всему, что имело хоть какое-то отношение к Богу. Хотя она пришла на Пушкинскую бесприданницей, с одним стареньким чемоданчиком, в нем помимо скромного нижнего белья были, в основном, иконы. Икона в доме в конце 1920-х – начале 1930-х годов была равносильна императорскому стягу. Однако мама не спрятала их под кровать, но с любовью украсила ими от потолка до маленького столика целый угол комнаты («залы»). Заходившие к нам соседи, естественно, входили в кухонную дверь и там же, в кухне, оставались со своими неотложными делами: сколько сахара на кислую сливу, чтобы повидло было «ну, знаете, полусладкое»? Или «вот, купила курицу, а она (продавщица) ему завернула гребешок, и я не разглядела, что это петух, да еще и старый» и т. п. В «залу» не входил

практически никто. Я не помню ни единого «приема» – ни дни рождения, ни крупные (мамины) праздники – Пасха и Рождество – не отмечались приглашением гостей. Много лет спустя мои абсолютно атеистические советские дети (и я с ними) отлично знали слова «Пасха» и «Рождество», но последние обозначали только смену меню и приготовление обожаемой всеми кутьи, а потом крашеных яиц.

…Однако когда началась бомбежка, и имя Бога вспоминали люди, его давно забывшие или вообще не знавшие (интересно, а такие были?), это имя звучало все чаще в наших самодельных бомбоубежищах. И мама отважилась.

В первый раз Одессу бомбили к вечеру 22-го июня. Тогда кроме громких воплей мам, собиравших свою паству (как будто мама была защитой от ужаса, сыпавшегося с неба на землю), а также общей суеты, когда все обитатели дома высыпали во двор и устроили в нем броуновское движение, никто даже не подумал о слове «бомбоубежище» и о том, что в качестве этого самого убежища можно использовать наши подвалы и «мины» (что-то вроде кусочка катакомбы), которые верой и правдой служили многочисленным жильцам холодильниками.*

И на второй день войны, когда заревела портовая сирена, все бросились к «своим» подвалам. Поскольку наша квартира была, по сути, началом подвала, мама сначала зашла в комнату и сняла со стены самую нижнюю иконку, с которой и проследовала в собственно подвал, где уже сидели и Ксеня с мужем, и вечная Александровна, и нервничающий папа со мной. В подвале уже зажгли свечку, и мамина иконка была видна всем, но никто ничего не сказал.

---

* Свой первый «настоящий» холодильник, сверкающий белизной и хромом, я увидела летом 1954 года. Мне было 27 лет, и я уже была «ученой дамой». Его появлению в нашем доме предшествовала перепалка между моим мужем Николаем и мной. Перепалка показывает всю глубину моей провинциальной отсталости: Николай пришел с работы и говорит: «У нас для передовиков производства привезли 100 холодильников. Возьмем?» – на что я, экономная на всю оставшуюся жизнь после военных лет, искренне ответила: «Зачем? У нас такой холодный погреб!».

Все слова пришли позже, и не только от наших непосредственных соседей. Никто не упрекнул ее в отсталости и приверженности к несуществующему Богу. Все попросили «Дайте и мне, если у вас есть лишняя». Так по двору разошелся мамин иконостас. Остались иконы, важные для нее в связи с какими-либо памятными событиями «мирного», еще николаевского времени. В общей сложности из двух десятков у нас остались 3 крупные иконы, все в окладах и с висящими перед ними лампадами.

Теперь все бежали в свои подвалы, сжимая в руке, спрятав в кармане халата или под пиджаком мамину иконку. Независимо от длительности тревоги, объявленной портовым ревуном, сидение проходило в абсолютном молчании. Даже дети сидели тихо. Я знаю, что мама при этом молча, не шевеля губами, молилась. Она так мне и сказала в какой-то июньский день: «Я молюсь, чтобы бомба пролетела мимо».

А Одессу между тем уже окружили, и единственный путь in and out остался через море и порт. Они всегда были кормильцами города. По-моему, у нас не было семьи, прямо или косвенно не связанной с портом и его многочисленными судами и береговыми предприятиями. Теперь его гудок, который одесситы называли «ревун», и который оповещал город о тумане, затруднявшем работы в акватории, а также проход судов в обоих направлениях мимо маяка, вот этот домашний знакомый ревун сообщал о начале и конце налета бомбардировщиков.

Как жила Одесса летом 1941 года? По-видимому, как и вся страна, мы думали, что война – это испытание, это не про нас, ибо война против могущественного СССР – это безумие, которое продлится месяц «максимум», добавляли дворовые политики…

…Шел второй месяц войны. И хотя корреспонденты всех одесских газет и наш рупор на Троицкой/Пушкинской уверяли всех, как сильна и могуча наша армия, какая у нас первостатейная военная техника, сколько уже роздано орденов-медалей героям боев, бои эти самые не реагировали на те слова, которые мы читали и слышали, и строевым шагом приближались к нам.

Началась эвакуация заводов и ценных работников. Охваченные паникой не самые ценные сметали с полок немногих еще открытых продовольственных магазинов все, что могло называться пищей в настоящем или (главное!) в будущем. Потекли в порт сначала прерывистые, а потом сплошные ручейки, ручьи, а к концу сентября – реки эвакуирующихся.

Наш двор опустел. Ушли, уехали, уплыли все, кто смог это осуществить любым способом и любыми средствами. Исчезли наши философствующие политики. Из многочисленных работников-мужчин остался один наш сосед, Ксенин не военнообязанный (одна почка) муж-молдаванин. Из детей – я и Ната «с того двора».

Одесский календарь

94 **Владимир Ханелис**
Одесситы в кнессете

Владимир Ханелис

Одесситы в кнессете

Улица Еврейская, 1. Мемориальная доска Владимиру (Зеэву) Жаботинскому, выдающемуся общественному деятелю, писателю, жившему в этом доме

«Одесса сделала для сионизма и для Государства Израиль больше, чем Нью-Йорк, Лондон и Париж вместе взятые». Такую фразу запальчиво произнес один из историков – разумеется, тоже одессит. В том, что у этой фразы есть крепкая фактологическая основа, я убедился, работая над книгой «Родились и учились в Одессе».

Коротко расскажу об одесситах – депутатах израильского парламента (кнессета) первого созыва. Собственного говоря, вначале парламент назывался не кнессетом, а Учредительным собранием. Собрание это, как и полагается собранию, собралось 14 февраля 1949 года. Никто его, как это сделал в России с Учредительным собранием в 1917 матрос Железняк, не разогнал. Прозаседав два дня, израильское Учредительное собрание

превратилось в кнессет первого созыва, просуществовавший два с половиной года. Но мы немного отвлеклись.

В кнессете первого созыва заседал и сын знаменитого одессита Владимира (Зеэва) Жаботинского –

Ари Жаботинский

Полное имя его было Теодор (в честь Герцля) Владимирович, Эри-Тодрос. Родился в Одессе 26 декабря 1910. В девять лет он уезжает в Эрец-Исраэль, а на следующий год едет во Францию. Учится в Париже, получает диплом инженера. С 1933 по 1935 работает на авиастроительном заводе. В 1935 возвращается и работает инженером на электростанции «Нахараим» в Иорданской долине.

Ари Жаботинский был активистом молодежного движения «Бейтар», основанного его отцом, а в 1938 он становится членом руководства движения, занимается «Алией-Бет» в Эрец-Исраэль. Через два года, как когда-то и его отец, был арестован британскими властями. После освобождения Ари Жаботинский уезжает в США. Там вместе с Гиллелем Куком, Арье Бен-Элиэзером, Шмуэлем Мерлиным и Ицхаком Бен-Ами учреждает Чрезвычайный комитет по спасению европейского еврейства.

После возвращения в Эрец-Исраэль его снова арестовывают и в 1944 высылают. В 1948 году, после провозглашения независимости, Ари Жаботинский возвращается в Израиль и избирается в парламент по списку партии «Херут». Но затем он выходит из партии и работает как независимый депутат. Ари Жаботинский был участником общественного движения за права христиан-маронитов и других конфессиональных меньшинств в арабском мире.

После завершения парламентской деятельности Жаботинский занимается наукой и преподаванием. С 1955 по 1969 читал лекции по физике в Технионе. В 1957 он становится доктором математики, защитив степень в Еврейском университете в Иерусалиме. Автор книг по математике (1955, 1958, 1968). Уже после смерти Ари Жаботинского (6 июня 1969) вышла

в свет книга его воспоминаний об отце – «Мой отец Зеэв Жаботинский» (1980).

…Если попросить израильтян назвать имена двух женщин, подписавших Декларацию независимости Израиля, то первое имя будет названо быстро – Голда Меир. Второе имя практически не знает никто.

Рахель Коэн-Каган

Она родилась в Одессе 19 февраля 1888 года. Фамилию носила не то Любарская, не то Люберская, а может быть, и Лубарская. Проверить точно сегодня вряд ли возможно. Рахель училась в гимназии, Новороссийском и Санкт-Петербургском университетах. В 21 год уехала в Эрец-Исраэль, тогда подмандатную Палестину. Стала активисткой Международной женской сионистской организации (ВИЦО), а в 1938 возглавила эту организацию. Одновременно с 1932 года Рахель Коэн-Коган была назначена председателем Комитета по социальной помощи при муниципальном комитете Хайфы и находилась на этом посту до 1946 года, когда стала директором социального департамента Еврейского национального совета. Как уже было сказано выше, в 1948 Рахель Коэн-Коган подписала Декларацию независимости Израиля и навсегда вошла в историю государства.

На выборах в первый кнессет список ВИЦО получил 1,2 процента голосов и одно место в парламенте, которое заняла Коэн-Каган. Позднее она присоединилась к Либеральной партии и в 1961 стала депутатом кнессета пятого созыва от этой партии.

Рахель Коэн-Коган была замужем, имела двух детей. Скончалась 15 октября 1982 года в Израиле.

* * *

…Известный профессор, доктор исторических наук, экономист, специалист в области истории кредитной и банковской сис-

темы России, последний историк еврейства Украины Саул Боровой (1903-1989) в своих мемуарах «Воспоминания» (1993) пишет о старшем брате Давиде:

«Брата не торопились отдать в общую среднюю школу. Был организован небольшой кружок мальчиков… и их стали обучать лучшие преподаватели-гебраисты. Некоторое время их учителем был сам Хаим-Нахман Бялик, но вскоре он, достигнув более обеспеченного материального положения, передал уроки С. Бен-Цви (Гутману), небольшому, но довольно популярному писателю, впоследствии руководящему преподавателю яффской гимназии…

Лишь хорошо усвоив древнееврейский язык, литературу, историю своего народа, брат был отдан в 5-й класс знаменитой в своем роде еврейской гимназии Иглицкого».

И еще цитата: «Брат поступил на работу в одесскую контору Внешторга… стал сотрудником информационно-справочного отдела… В 1921 г. он перешел на работу в редакцию газеты «Моряк», заняв то место, на котором раньше был К. Паустовский».

Больше в «Воспоминаниях» Саул Боровой, если мне не изменяет память, о старшем брате (был еще младший Лев (Леня), известный филолог, литературовед, критик) не упоминает. Причину такой «забывчивости» мы найдем в предисловии к «Воспоминаниям»: «Давид Боровой еще до первой мировой войны был отправлен в Германию и учился в политехническом институте Брауншвейге. В начале мировой войны был, как и другие студенты из России, арестован, затем выпущен. Позже он вернулся в Россию, а в 1926 с женой и маленьким сыном уехал в Палестину. Ни братья, ни сестра долго не имели с ним связи. Давид Боровой прожил большую жизнь, имел семью, был, по словам братьев, депутатом кнессета и скончался в 1977 году. По-видимому, в конце жизни он имел спорадическую переписку с братом Саулом и сестрой Миррой. О существовании брата знали лишь родные и самые близкие друзья профессора. Да, ведали бы эту тайну штатные сотрудники МГБ или их внештатные осведомители тогда, в 1952 году?!».

Давид Боровой – это депутат кнессета первого, второго, третьего, четвертого и пятого созывов.

Давид (Дов) Рав-Бар-Хай

Когда ему был год, семья переехала из Нежина в Одессу (1895). К тому, что было написано выше, добавлю, что в кнессет Боровой избирался по списку «Партия рабочих в Эрец-Исраэль», работал в кнессетах пяти созывов 16 лет, с 14 февраля 1949 по 22 ноября 1965. Был членом законодательной, по внутренним делам, регистра избирателей, по назначению судей и других комиссий парламента. Скончался 15 июля 1977 года.

Вместе с Боровым в кнессетах первого и второго созывов заседал еще один одессит,

Хаим Бен-Ашер,

который родился в Одессе 11 июля 1904 под именем Хаим Финкель. В Одессе он учился в хедере, а в 1924 уехал в Эрец-Исраэль. Учился в Еврейском университете в Иерусалиме. Стал одним из основателей кибуца Гиват-Бреннер, позднее перебрался в кибуц Нецер-Серени. Бен-Ашер представлял движение «ха-Халуц» в Германии и Польше.

Во время второй мировой войны Хаим Бен-Ашер находился в Еврейской бригаде в составе союзных войск. Редактировал фронтовую газету «The Soldier» и журнал бригады «ха-Маавак». Член ЦК партии МАПАЙ, он был включен в список партии на первых в истории Израиля выборах в парламент и переизбран в кнессет второго созыва. Занимал должность директора колледжа Бейт-Берл в Кфар-Саве. Входил в руководство Гистадрута. Умер 14 июля 1998 года.

И последний одессит, который, по моим данным, был депутатом кнессета первого созыва, –

Арье Баир,

урожденный Арье Геллер. Кроме первого кнессета он избирался в парламент третьего и шестого созывов от партии МАПАЙ и РАФИ (Рабочий список, основанной бывшим премьер-министром Давидом Бен-Гурионом).

Арье Баир родился в Одессе 1 мая 1906. Учился в еврейской гимназии, был членом молодежной организации «ха-Шомер ха-цаир». В 1924 уехал в Эрец-Исраэль, был одним из основателей кибуца Афиким, работал за границей, входил в руководство компании «Солел-боне», был близок к Давиду Бен-Гуриону. О его жизни можно узнать из книги «Из Одессы в Афиким» (1975). Скончался Арье Баир 13 сентября 1970 года в кибуце Афиким.

* * *

Отметим еще нескольких одесситов – депутатов израильского парламента.

Иехуда Драницкий. Израильский общественный и политический деятель. Заместитель председателя кнессета восьмого созыва. Избран по списку партии МААРАХ. Родился в Одессе 26 апреля 1910 года. В Эрец-Исраэль приехал в 1924. Скончался 14 июня 2002.

Авраам Шехтерман. Депутат кнессета седьмого и восьмого созывов от блока «Херут-Либералы» и «Ликуда». Он родился в Одессе в 1910 году и умер в Тель-Авиве 7 декабря 1986 года. Был заместителем мэра Яффо, директором Общества развития Яффо (1974-1984). В его честь на вершине холма в Яффо разбит парк – «Abrasha-Park».

Нахум Хет (Гет). 1896 – 15 января 1990, Хайфа. Политический и спортивный деятель. В Одессе учился в хедере, гимназии. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. Участник еврейской самообороны города. Один из основателей

еврейского спортивного общества «Маккаби» в Одессе. С 1919 в подмандатной Палестине. Президент Олимпийского комитета Израиля (1951-1956). В 1957-1975 – президент Всемирного совета «Маккаби». Депутат кнессета (1951-1959).

…В израильском парламенте последних и нынешнего созывов не было, насколько мне известно, и нет одесситов. Их места заняли выходцы из Кишинева, Баку, Москвы…

В статье использованы материалы из книги
«Родились и учились в Одессе».

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

102 **Михаил Жванецкий**
Рита

107 Конкурс «192»
Алексей Гладков
192

108 **Яков Шехтер**
История одесского раввина

131 **Галина Соколова**
Первые открытия

145 **Сергей Четверухин**
Квартирка

159 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

Михаил Жванецкий

Рита

В порту «Кларки», то есть американские электрокары.

И Рита работала на них.

В порту я, сменный механик, оставлял ее ночью на хозработах.

В порту мы еще были в самодеятельности.

А порт поехал в подшефный колхоз с концертом на американском грузовике «Додж» три четверти.

Весна. Дорога в колхоз непролазная.

Но «Додж» шёл по грязи, заворачиваясь, разворачиваясь, изворачиваясь.

Боком, задом, но вперёд.

И с нами её бывший муж, Риты, – грузчик знаменитой бригады лауреатов. Тоже в подшефный колхоз.

И в колхозе между ними ссора.

Он чего-то хотел.

Она не хотела.

Он её ударил.

Она устояла.

Чтоб заслонить её, я встал перед ней.

А он сказал мне: «Уйди. Это наши дела».

А я стоял.

А он ударил меня.

И я упал.

Но опять встал, чтоб её заслонить.

И он ушёл.

А все его друзья сказали: «Почему ты его хоть раз не ударил? Хоть разок?».

А я сказал, что никогда этого не делал.

Потом был концерт.

Потом Рита сидела с председателем колхоза.

И выпросила у него для меня козла покататься.

Он дал мне легковой козёл покататься.

Она была красивая.

Она была свободная.

А я никогда на легковой не ездил.

Я катался выпимши.

А она сидела с председателем.

Потом катался еще выпимши.

Потом у меня козла отобрали.

Потом был банкет.

Стол богатый.

И мы поехали в Одессу на чём приехали.

Американский грузовик «Додж» три четверти.

В большой колхозной грязи до города шёл юзом.

Вертелся на грязи, но шёл вперёд, не останавливаясь.

Водитель и «Додж» – фронтовики.

Неважно.

Довезли.

А все мне в порту: «Почему ты его не ударил?».

Надоели.

И вдруг дня через два заявляется этот тип, её бывший муж, и спрашивает, где я.

Он знал, что я на смене, по её смене.

Все на меня указали.

Я думал, убьёт.

Он очень здоровый.

Ну, мешки по доскам.

Но встретил я его на рабочем месте.

А он достал из пакета что-то белое.

– Это тебе. Она мне твой размер сказала.

Это была первая в мире белая нейлоновая сорочка.

Её не надо было стирать никогда.

Помыл, повесил.

Или надел. Она на тебе сохла.

А главное – не убил.

Потом принёс ботинки какие-то, чтоб подарить.

Она ему размер сказала.

Бригада у них знаменитая.

Герои там. Лауреаты Сталинской премии.

Я даже пытался их помирить с Ритой.

Не удалось.

Любила, думаю.

Мы с ней, извините, встречались у меня дома на Комсомольской, после смены.

Мама нас застала.

Утром вдруг зачем-то пришла с работы.

Никто ей не открывал.

Тыкала ключом, бедная.

Вдоль окон по веранде бегала. Стучала.

В окна заглядывала.

Двор затих.

Разглядела всё-таки.

И ушла.

Я её искал три дня.

Маму.

Город перевернул.

Нашлась.

Аж у своей троюродной сестры, с которой не разговаривала два года.

Отца у нас не было.

Умер в шестьдесят семь лет – от войны.

Она на меня надеялась.

Порт нам углём помогал.

Даже в тот колхоз хотели послать меня механиком.

Как её одну оставишь?

Может быть, она Риту не разглядела, но мы с ней домой уже не приходили.

Маму жалели.

А мама сказала, что раскусила меня, к сожалению.

И в порту меня раскусили.

– Ну, ты мог хоть раз его ударить… Хоть разок.

– Нет, – отвечал я, – не мог.

И перед ними стоял.
И перед ней стоял.
Что тут объяснять...

Конкурс «192»

Алексей Гладков

192

Мой старый двор – каменный, укрытый битыми кусками асфальта, с нерабочей водяной колонкой и где-то в подвале с призрачным входом в катакомбы, которого никто не видел, но о котором все знали и рассказывали несметное число историй.

Мой старый двор был акациевым в мае, когда огромная белая красавица, растущая возле гаражей, превращала твердое каменное покрытие в мягкий ароматный ковер на радость детям и злобу дворникам.

Он был абрикосовым в июне от сочных оранжевых плодов, которые собирали с земли возле сараев и тайком от родителей немытыми запихивали в рот. Потом разбивали камнем косточку, чтобы добыть горький орех.

Он был мидиевым в августе, когда отец брал отпуск и, отправляясь со мной на море, между прочим захватывал маску с трубкой. Мидии собирали на волнорезе, складывая на надувной матрас. Почистив и промыв, варили из них плов.

Он был душисто-виноградным (до головокружения) в сентябре. Проходя по двору, можно было вытянуть руку и сорвать несколько спелых ягод.

Он был особенным. И даже теперь, покалеченный, застроенный верандами и гаражами, поделенный заборами, без абрикос и винограда, но еще со старой кривой акацией возле гаражей, он остается домом моей семьи. Вот уже 192 года – точно по числу ступеней на Бульварной лестнице.

Яков Шехтер

История одесского раввина

Закончив воложинскую ешиву, сдав экзамены и получив смиху, звание раввина, Шая долго искал место. Брать лишь бы что он не хотел. Попадешь в какие-нибудь Яновичи или в еврейский поселок под Херсоном, там на всю жизнь и застрянешь. Не славы хотел молодой раввин и не солидного жалованья, а окружения – мудрецов, с которыми можно и поспорить, и вместе учиться.

Души у евреев, разумеется, святые, вот только разглядеть святость под грубой личиной водоноса или возчика не каждому по силам. Шае хотелось видеть реальные проявления этой души в повседневной жизни. Большое требование, скажете вы? Да, большое, но ведь Шая был еще молод, и такое желание вполне можно записать в разряд юношеской мечты.

Мало ли кто о чем мечтает?! Сняв носки и улегшись под одеяло, человечество грезит о богатстве, здоровье и удаче. Мужчины страстно размышляют о женщинах, женщины о мужчинах. А юный раввин мечтал о синагоге с хорошей паствой, о тонких понятливых прихожанах с добрым сердцем и обходительными манерами. В скобках заметим, что такие евреи встречаются только в раввинских мечтах, но Шая тогда этого еще не знал, и поэтому, обращаясь со своей просьбой ко Всевышнему, горел на молитве всем сердцем. И услышал Бог Шаю, и послал ему место раввина в Новобазарной синагоге города Одессы.

Ах, Одесса, это вам не Яновичи, хотя, конечно, совсем не Броды, и уж тем более не Люблин. Шая не рассчитывал встретить в Одессе прихожан своей мечты, но ему представлялось, будто лоск большого города нивелирует грубость простых людей. Название синагоги его не пугало, мало ли как называют евреи свои молельные дома…

Он и жена сошли на перрон одесского вокзала, полные надежд и ожиданий. Шая – высокий курносый юноша в круглых очках, с продолговатым лицом, обрамленным редкой бородкой. Хая – застенчивая молодая женщина в платке и коротком тулупчике, с чуть перепуганными глазами и смуглым личиком, на котором резко выделялся нос, похожий на клюв. Но не клюв хищной птицы, а галки или сороки, да и сама женщина больше походила не на раввиншу, а на выпавшего из гнезда птенчика.

Реальность южного города одним мощным ударом опрокинула их навзничь, и не будь они оба так молоды, последствия могли оказаться весьма печальными. Синагога действительно оказалась рядом с базаром, одним из самых шумных и бестолковых в городе, и молились в ней те, кто жил неподалеку и торговал на этом самом базаре. Самая подходящая публика для утонченного выпускника воложинской ешивы! Азохенвей*, по-другому не скажешь.

Новобазарная синагога представляла собой внушительное здание с красивым фасадом. Увы, внутри царили грязь и запустение. Две фракции прихожан добрый десяток лет упорно боролись за власть, применяя надковерные и подковерные приемы, которые в Одессе называли звучным словом «кунцы». Шая быстро разобрался, что своим неожиданным назначением в столь известную, старую и обладавшую внушительным числом прихожан общину он обязан именно этой закулисной борьбе.

Ни одна из партий не смогла провести своего кандидата в раввины, и тогда на общем собрании решили пригласить нейтрального человека, новенького, свеженького, неопытного. Каждая партия рассчитывала улестить молодого раввина, вовлечь в свои тенета и сделать проводником своей политики. Поняв, в чем состоит дело, Шая собрал правление и объявил, что будет заниматься только духовными вопросами.

– Я готов вести молитву, давать уроки, принимать посетителей, отвечать на любые вопросы, связанные с галахой – законом, – или толкованием Учения. Деньгами, должностями, вызовами к Торе, записью и дележкой мест пусть занимается староста и правление. Если вас устраивает такое распределение обязанностей –

* Одесский вариант произношения расхожего выражения на идиш: *аз ох унд вей* (только и остается, что воскликнуть «ох!» и «вей!»).

продолжим сотрудничество. Если нет, я готов завтра же съехать с казенной квартиры и освободить место для другого раввина, более подходящего Новобазарной синагоге.

Члены правления маленько ошалели от такой прыти, но, подумав и посовещавшись, – согласились. Каждая партия рассчитывала выловить свою жирную рыбку в мутной водице. Однако ничего из этого не вышло, в итоге раввин не примкнул ни к одной из партий. Синагога продолжала пребывать в состоянии раздрая и полуразвала, но на это никто не обращал внимания. Глаз человеческий быстро привыкает к существующему положению вещей и перестает замечать то, что замечать не хочет.

Раввин Ишаягу проводил дни и ночи в безуспешных попытках сбежать от действительности. Южная жовиальность, помноженная на еврейскую импульсивность, превращала грузчика в биндюжника, а возчика – в балагулу. Что уж там говорить про торговцев с их замечательной привычкой не говорить, а орать, словно его должен услышать не сидящий напротив раввин, а покупатель на другом конце Нового базара.

Мечты Шаи, впрочем, как и большинство юношеских грез, испарились без следа. Возчики Яновичей и грузчики из Перемышлян теперь представлялись ему образцами утонченности и душевной деликатности. Каждый раз, услышав громогласное «шо», Шая вздрагивал, как вздрагивает приговоренный к смерти, когда к его шее прикасается ворсистая петля.

Спрятаться от грубой, саднящей душу и сердце реальности можно было только в книгах. И раввин Ишаягу ушел в них не только с головой, но и с руками, и с ногами. Утренняя молитва в синагоге закачивалась очень рано, большинство прихожан хотели оказаться на рынке к самому открытию. Город еще просыпался, и Шая, уложив в холщовую сумку три-четыре книги, быстрым шагом отправлялся на Соборку, Соборную площадь.

Проходя, вернее, почти пробегая по Торговой, он старался не слушать скрипа раскрываемых железных ставней и грохота телег, везущих товар по булыжной мостовой. Надсадные крики хозяев лавочек, балагул и биндюжников, которые те искренне считали дружеским утренним разговором, приводили раввина в смятение.

Свернув на тенистую богатую Садовую, он переводил дух. Тут располагались дорогие магазины, которые открывались гораздо позже, чем лавочки на Торговой и Новом базаре. Редкие прохожие не спеша шествовали по чистым, точно вымытым, тротуарам. Окна верхних этажей были приоткрыты, и оттуда изливалась нега утреннего покоя зажиточных семей.

Лишь возле арочных входов в новое здание главпочтамта, еще пахнущее свежей краской, по ступенькам сновали почтальоны с черными кожаными сумками. Солидный швейцар, живое олицетворение незыблемости устоев, памятником застыл возле центральной двери.

Миновав почтамт, раввин через пять минут оказывался на Соборке. Он всегда занимал одну и ту же скамейку, справа от памятника Воронцову, спиной к собору и лицом к дому Либмана. Оттуда хорошо просматривался вход в кофейню на углу Преображенской и Садовой, украшенный изящными фонарями на кованых кронштейнах в виде женских фигур. Фигуры раввина не интересовали, он определял время по оживлению перед кофейней.

Когда у двери собирались пять-шесть занятых разговором человек, это означало, что пора собираться. Скоро пустую Соборку наполнят фребелички с воспитанниками, молодые мамаши с младенцами, вышедшие в отставку военные, судейские, студенты. Все приходят подышать свежим воздухом и посудачить кто о чем.

Но до момента горестного расставания у раввина оставалось еще около двух часов, целых двух часов упоительной тишины. Нигде и никогда Шае так хорошо не думалось и не училось, как на утренней Соборке. Весь день проходил под сенью прочитанного, до глубокой ночи раввин возвращался мыслями к страницам старых книг, перелистанных на заре в благоуханной тени платанов. Тут было его спасение от грубости мира и неотесанности выпавших на его долю прихожан.

И чем глубже он погружался в учение, тем больше отдалялся от лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков. Шая погрузнел, с полнотой пришла солидность, движения сами собой приобрели величавость и значимость. Даже когда он просто шел по улице, сразу было видно – идет важный человек. Все в нем было важным: и выражение глаз, и манера речи, и борода,

и шляпа, и брюки. Даже подметки его старых башмаков, несмотря на изношенность, тоже имели важный вид.

Стоит ли говорить, что раввин Шая был самым настоящим миснагедом, представителем «литовского» направления в иудаизме. Таким его воспитали в воложинской ешиве, и с каждым прожитым годом он убеждался в правильности наставлений, полученных от своих учителей.

Но вот что удивительно, чем дальше убегал Шая от шершавой действительности, тем сильнее эта действительность гналась за ним вслед. В глазах лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков раввин, погруженный в духовный мир, выглядел настоящим святым. Прошло два или три года, и единственное, что теперь объединяло враждующие партии прихожан Новобазарной синагоги, было восхищение своим раввином.

– О! – говорили они, поднимая вверх указательный палец. – Ото ж цадык, ото ж праведник. Шоб наши дети уже такими были!

В отличие от мужа, раввинша Хая замечательно вписалась в деловую суету Нового базара. Все началось с уроков для дам, на которые собирались жены тех самых лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков. Хая рассказывала просто, весело и понятно, и к ней приходили с удовольствием. После завершения урока пили чай с медовым пряником, судачили о том, о другом и о третьем.

Как-то раз одна из женщин, видя суровую скромность дома раввина, предложила Хае поучаствовать в небольшой сделке. За первой последовала вторая, третья, десятая. Прошло несколько лет, и заработки раввинши намного превысили жалованье раввина. Да и сама Хая сильно изменилась; испуганный галчонок, своей беззащитностью подкупивший сердце Шаи, превратился в солидную крупную галку. Широко расставленные ноги крепко удерживали ее на почве, широкие черные крылья легко поднимали в воздух могучее тело, а острый длинный клюв быстро наказывал неосторожных обидчиков.

Но Шае до этих метаморфоз не было никакого дела. Открыв для себя мир каббалы, он с утра до глубокой ночи витал в духовных сферах, переложив добычу пропитания, ведение хозяйства и воспитание детей на плечи своей праведной жены.

Одиночество, вот что больше всего угнетало Шаю. Не с кем было ни поделиться духовными открытиями, ни поспорить, ни просто обсудить. Ведь каббала это не открытая часть учения, о которой можно писать респонсы и читать проповеди. Тут все происходит в сумерках, шепотом, с глазу на глаз, и найти собеседника в этом мире теней огромная удача. Вернее, огромная заслуга, подарок, награда, которую Всевышний посылает тем, кто точно следует Его предписаниям.

В один из дней Шая проходил мимо каменных корпусов Нового базара. Он не собрался ничего покупать и ни с кем разговаривать, просто пересекал торжище, чтобы не делать крюк по параллельным улицам.

– Ребе, – обратился к нему бродячий торговец. – Ребе, купите книгу.

Предложение не совсем обычное для Нового базара. Шая внимательно оглядел торговца. Худой, с глубоко запавшими синими глазами и неровно свалявшейся бородой, явно требовавшей гребня, он протягивал книгу в черном клеенчатом переплете, делавшем ее больше похожей на гимназическую тетрадь.

«Почти наверняка дешевое издание вольнодумных баек и пустых побасенок», – с раздражением подумал Шая, но ответил самым мягким и благожелательным тоном:

– Я не читаю светские книги.

– Да она вовсе не светская, ребе! – воскликнул продавец. – Совсем даже религиозная, по каббале. Поглядите! – и он сунул книгу прямо в руки раввину.

Тот взял ее, открыл и замер. То было единственное издание старинного манускрипта, вышедшее почти двести лет назад в Венеции. Сам манускрипт давно пропал, а небольшой тираж книги разлетелся по всей Европе и осел у знатоков и ценителей. Шая встречал упоминания о книге и цитаты из нее в книгах других авторов, но даже предположить не смел, будто она когда-нибудь окажется в его руках.

Жадно открыв, он принялся изучать оглавление.

Да, тут было над чем задуматься. Многие темы, рассматривавшиеся в других трактатах вскользь или вполголоса, тут обсуждались с большой буквы. Шая открыл наиболее заинтересовавший его раздел и погрузился в чтение.

– Ребе, – продавец подергал его за рукав. – Сначала заплатите, ребе.

– Конечно, конечно, – Шая с трудом оторвался от книги. – Сколько ты хочешь?

Когда торговец назвал сумму, Шая замер во второй раз за последние десять минут. Цена была несусветной, несообразной, она почти равнялась его месячному жалованью. Раввин не привык торговаться, этим всегда занималась его жена, но сейчас ее не было рядом, и пришлось вступить в переговоры самостоятельно.

– Это очень дорого. Слишком дорого. Книги столько не стоят.

– Ну почему не стоят? – возразил торговец. – Стоят, да еще как. У меня за эту цену уже есть покупатель, но я подумал, что сначала надо показать ее раввину. Вдруг он захочет… – тут он сделал паузу и многозначительно взглянул на раввина.

Кто бы знал, как Шая ненавидел эти дешевые трюки, эти плоские базарные приемчики, рассчитанные на полных простаков, эту пустую похвальбу и бессовестное пускание пыли в глаза.

– Я готов заплатить ровно половину того, что ты просишь, – ответил Шая. – Но не больше.

– Нет-нет, – торговец схватил книгу и решительно вытащил ее из рук раввина. – Покупатель придет после полудня, так что у вас есть время передумать.

Шая ничего не ответил, сделав прощальный жест, он поспешил удалиться, кипя от негодования. Кого хочет провести этот наглец?! Он думает, будто раввин совсем ничего не понимает ни в ценах, ни в торговых уловках?

Вернувшись домой, Шая хотел завернуться в одеяло привычных дел и, отгородившись от мира, поплыть по привычному руслу дня. Хотел, да не смог – книга не отпускала. Прочитанные абзацы не уходили из головы, а бегло просмотренное оглавление стояло перед глазами, словно он специально выучил его наизусть. В книге скрывалось именно то, над чем уже несколько лет работал Шая, шаг за шагом продвигаясь по скользким тропинкам духовных миров. Знания, рассыпанные по крупицам на страницах других трактатов, тут были собраны вместе и изложены по порядку, словно по его, Шаи, заказу.

Если бы ему посчастливилось встретить наставника и рассказать, что бы он хотел выучить вместе с ним, составленный план занятий выглядел бы примерно так, как оглавление этой книги.

Усилием воли оттолкнув бередящие душу сожаления, раввин постарался вести себя так, будто этот день ничем не отличался от предыдущего. Ему даже показалось, будто он успешно справился с задачей, и, укладываясь спать, улыбнулся, вспоминая свое смятение.

«Ничего-ничего, – подумал он, – завтра я отыщу этого молодчика. Суточное ожидание, несомненно, собьет с него спесь и цену».

Но следующим утром, сидя в узорчатой тени платана и в сотый раз осматривая скучающего Воронцова на постаменте, Шая понял, что готов заплатить любые деньги, лишь бы получить эту книгу.

Раввин немедленно поднялся со скамейки и устремился на базар. Войдя на площадь между торговыми корпусами, Шая растерялся. Ему казалось, будто он отыщет торговца на месте вчерашней встречи, но того, разумеется, там не было. Отыскать человека среди гудящей толпы было совсем непросто. Однако лоточники, биндюжники, лавочники и возчики Нового базара, узнав, что их раввин кого-то разыскивает, дружно взялись за дело, и спустя полчаса перепуганный торговец был доставлен.

Два мясника, обнаружив искомое в дальнем углу базара, подхватили его под локотки и потащили на весу через площадь.

– Куда ж вы меня несете?! – визжал торговец, болтая ногами в воздухе. – Я же ничего не сделал!

– Ребе разберется, – объяснял один из мясников, для убедительности слегка поддавая торговца локтем под ребра.

– Ребе, я ни в чем не виноват, – только и смог произнести он, оказавшись пред светлыми очами раввина.

– Тебя ни в чем и не обвиняют, – успокоил его Шая, видя, что его добровольные помощники слегка перестарались. – Я пришел купить книгу, о которой мы вчера говорили.

– Но ребе! – вскричал торговец. – Я же вас предупреждал, у меня есть покупатель. Книга ушла еще вчера.

– Куда она ушла?! – вскричал раввин. – Кто ее купил?

– Залман-золотарь, – ответил торговец.

– Золотарь купил у тебя эту книгу? – не поверил своим ушам Шая.

– Да, именно он. И поверьте, ребе, я с трудом дождался, пока он рассчитается и уйдет, – и торговец красноречивым жестом зажал нос.

– Где он живет, этот золотарь?

– Где-то в конце Спиридоновской.

Спустя час с помощью все тех же лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков Шая получил точный адрес и немедленно двинулся на Спиридоновскую. Залман-золотарь проживал в небольшой пристройке во дворе дома номер 26, где размещалась талмуд-тора. Прежде чем постучать в дверь, Шая решил поговорить с дворником.

– Вам нужен Залман? – удивился дворник, коренастый болгарин с пышными усами. – Грязь, а не человек!

В подтверждение своих слов он презрительно харкнул на тротуар и тут же растер плевок подошвой до блеска начищенного сапога.

– Как его тут держат, ума не приложу? Является каждый день пьяный вдребадан, бьет жену смертным боем. Та минут десять покричит, как оглашенная, а потом, слава те Господи, до утра затихает. Видимо, этот бандит спать заваливается. Баба его, чтоб синяки скрыть, ходит замотанная в платочек. Я ей несколько раз помощь предлагал, проучить ее муженька или жандарма пригласить, да она отказывается. А воняет от него! – дворник еще раз плюнул.

– Они сейчас дома? – спросил раввин.

– Залман навряд ли, а вот его жена может быть. Постучите, это бесплатно, – дворник осклабился, показав два ряда неровных желтых зубов.

Раввин постучал, и дверь от ударов костяшек его пальцев приотворилась.

– Можно? – спросил он, переступая порог.

Никто не ответил, единственная комната пристройки была пуста. Стоя в дверях, раввин огляделся. Это была даже не нищета, а полное отсутствие всех необходимых для жизни предметов. Запирать пристройку не имело смысла, вору тут просто нечем было поживиться. И вместе с тем комната оставляла приятное впечатление: ровно выбеленный потолок, голубые стены, добротно по-

крашенный пол, сияющие чистотой оконные стекла за видавшими виды, но хорошо выстиранными марлевыми занавесками.

«А где же золотарь прячет книгу?» – подумал раввин. Внимательно осмотрев комнату, он заметил за пустым столом ящик, накрытый изношенной до дыр мешковиной, которую биндюжники выкидывают за ненадобностью.

Обогнув стол, раввин снял мешковину, поднял крышку ящика и обомлел. Тот был доверху набит книгами. И какими! Некоторые Шая хорошо знал, они служили ему маяками на пути духа, другие были незнакомы. Как умирающий от жажды, припавший к роднику с холодной водой, он принялся перебирать книги, одну за другой, дивясь и недоумевая.

Золотарь не мог понимать эти трактаты. Даже ученику ешивы они были не по зубам. Для того чтобы пробиться дальше предисловия, требовались годы и годы напряженной учебы. Оценить по достоинству эти потрепанные книги с засаленными переплетами и черными от грязи корешками мог только очень знающий человек.

И вот еще что. Страницы внутри были абсолютно чистыми. Кто-то намеренно постарался придать книгам отталкивающий вид, дабы не подвергать неискушенного воришку соблазну их украсть и перепродать.

И тут раввин Ишаягу сообразил, что, войдя без спросу в дом, он бесцеремонно роется в чужом имуществе. Быстро вернув книги на место, он закрыл мешковиной ящик и вышел из пристройки.

Дворник деловито махал метлой по чистому тротуару. Шая сунул ему полтинник:

– Я раввин Новобазарной синагоги, и мне необходимо срочно поговорить с Залманом. Будьте любезны, передайте это ему, когда он вернется.

– Отчего ж не передать, передам. Только вряд ли этот баламут и пьяница будет чем полезен. Я вам говорю, держитесь от него подальше.

До глубокой ночи Шая ожидал прихода Залмана, как ожидают прихода Мессии. Вне всяких сомнений, под маской вонючего золотаря, пьяницы и скандалиста прятался праведник, возможно, даже ламедвовник, один из тридцати шести скрытых цадиков,

на которых держится мир. Наконец-то Всевышний послал Шае учителя, и его вынужденному одиночеству наступает конец.

Но праведник не пришел. Ни вечером, ни утром, ни днем. После полудня, не выдержав пытки ожидания, Шая отправился на Спиридоновскую.

– Ух, какой тут был скандал! – вскричал дворник, завидев раввина. – Крику сколько, шуму, топанья ногами! Что вы там у него повредили?

– Я? – изумился Шая.

– Какие-то книги перепутали. Он взбесился, точно умалишенный. Погрузил пожитки на тележку и съехал.

– Съехал! – с отчаянием воскликнул Шая. – А куда?

– Кто ж знает? Не сказал.

Теплый вечер жадно обнимал Одессу, будто старый муж юную жену. Деревья на Соборке благоухали, полная луна серебрила листья, но Шая шел, не замечая красоты города. Праведник не захотел открыться, и это означало, что Шая не достоин общения, то есть не поднялся на должный уровень. Погруженный в размышления, он горестно всплескивал на ходу руками и тяжело вздыхал, не замечая удивленных взглядов прохожих.

Прошло несколько месяцев. Шая сильно изменился. Теперь в каждом лоточнике, биндюжнике, лавочнике и возчике он подозревал скрытого праведника. От его былого высокомерия и заносчивости не осталось следа. Кто знает, какие книги прячет в своем шкафу чистильщик обуви или уличный продавец папирос?

Приближался Пейсах с его проблемами, устрожениями и радостями. К раввину Ишаягу явились на разбирательство две соседки, бедная и богатая. Бедная всю зиму собирала грош к грошу, чтобы перед праздником купить большого гуся, вытопить жир и на нем готовить еду для Пейсаха.

Гусь был куплен, кошерно зарезан и принесен домой. Бедная соседка взялась его ощипывать и послала десятилетнюю дочку к богатой соседке за пасхальным казаном. Держать в доме специальную посуду для Пейсаха могли позволить себе лишь зажиточные люди, поэтому бедная соседка заранее попросила богатую одолжить ей этот чугунок.

Девочка принесла казан, мать вытопила жир, чисто вымыла чугунок и лично понесла возвращать. Она не успела вымолвить даже первого слова благодарности, у соседки при виде казана лицо пошло красными пятнами.

– Откуда у тебя это? – вскричала она.

– Что значит откуда? Дочка от тебя принесла.

– Кто ей дал, кто?

– Не знаю. А в чем дело?

– Это же молочный казан!

Бедная соседка завопила в голос. Пропали ее грошики, любовно собиравшиеся всю зиму, пропала готовка на праздник, ведь деньги на нового гуся было взять неоткуда.

Стали разбираться, как это произошло. Быстро выяснилось, что казан дала десятилетней дочке бедной соседки ее подружка, дочка богатой. Обе женщины пошли к раввину выяснять, что делать с посудой и с вытопленным жиром. Они надеялись, что умный и знающий ребе отыщет какой-нибудь малоизвестный параграф закона и… Впрочем, надежды на это почти не было.

Раввин Ишаягу выслушал соседок и задал всего два вопроса:

– Сколько лет девочке, которая дала казан?

– Одиннадцать.

– Она сделала эта сама или по указанию матери?

– Мать велела ей взять казан из сундука в левом углу кухни, а она перепутала и взяла из сундука в правом углу.

– Жир кошер, – постановил раввин Ишаягу. – Казан очистить огнем, окунуть в кипяток – и можно пользоваться.

Слова раввина моментально облетели всех лоточников, биндюжников, лавочников и возчиков Новобазарной синагоги и с их помощью разнеслись по всей Одессе. Насколько простые люди одобряли решение раввина, настолько же другие раввины и многоученые евреи ставили его под сомнение.

Ну и что? Шаю это уже не волновало. Он достиг такой степени самодостаточности, что пропускал мимо ушей критические высказывания, упреки и даже откровенную брань в свой адрес.

Прошел Пейсах, наступила весна, и Одесса зацвела, наполнилась птичьим гомоном и ярким солнечным светом. Одним утром, когда Шая проходил по Садовой мимо почтамта, спеша на свидание

с тишиной Соборки и ее начальником, безмолвным графом Воронцовым, его остановил почтальон.

– Как хорошо, что я вас встретил, уважаемый раввин! – воскликнул он, доставая из сумки пакет. – Вам посылка, распишитесь, пожалуйста.

– Прямо здесь, на улице? – удивился Шая.

– А вы разве хотите вернуться домой?

Шая молча расписался, взял пакет и пошел дальше. На это утро у него были большие планы, и он не хотел терять даже одной минуты на бессмысленный разговор с почтальоном. Дойдя до Соборки и заняв свою скамейку, он все-таки оглядел пакет и замер. В графе «отправитель» значилось: Залман, Спиридоновская, 26.

Сломав дрожащими пальцами сургуч и разорвав бумагу, Шая извлек на свет ту самую книгу. Ни записки, ни отмеченных страниц, ни закладок, ничего. Просто книга и больше ничего.

Спрятав ее в карман, Шая поспешил на Спиридоновскую. Может быть, Залман вернулся на старую квартиру или оставил для него сообщение? Ведь книга означает, что он допущен, прошел проверку, и теперь – наконец-то! – начинается новая долгожданная жизнь.

Увы, в пристройке во дворе жили люди, не слышавшие о Залмане-золотаре, и никакой записки или устного сообщения никто не оставлял.

Шая вернулся на Соборку, окинул взглядом профиль наместника одесского края, достал книгу, открыл и пропал. Очнулся он от удара по ноге; расшалившийся мальчишка попал в него мячом. Площадь уже была полна нянями и фребеличками, Шая поднялся и поспешил домой.

Новая жизнь действительно началась. Он теперь не расставался с книгой. Некоторые ее страницы были понятны почти сразу, а над другими он проводил целые дни, пытаясь расшифровать сокращения, затем увязать открывшийся смысл со своими представлениями о мире. И чем дальше он погружался в глубины книги, тем шире раскрывались перед ним закрытые прежде двери.

Прошло много лет. Выросли и обзавелись собственными семьями дети Хаи и раввина Ишаягу, деревья на Соборке разрос-

лись, почти перекрыв кронами аллеи. Одесса потеряла интимность и уют небольшого города, превратившись в транспортный узел, центр торговли и перевалочную базу товаров. Шая по-прежнему витал в духовных мирах, за глаза евреи его называли святым раввином, а русские и украинцы угодником. Скромные сделки Хаи превратились в процветающий мануфактурный магазин, на доходы с его оборота безбедно существовала большая семья раввина.

Летом 1913 года Шая попросил жену собрать после завершения субботы всех детей вместе с женами.

– Есть важный разговор. Надо обсудить.

Хая удивилась. За долгую совместную жизнь муж еще ни разу не обращался к ней с подобного рода просьбами. В дела по хозяйству он никогда не вмешивался, а вопросы духовные разбирал самостоятельно. Как Хая ни пыталась вызнать, о чем пойдет речь на семейном совете, Шая лишь отмалчивался.

Летние субботы в Одессе заканчиваются поздно. Пока уложили детей, пока собрались, стрелки на часах приблизились к полуночи. Раввин Ишаягу сидел во главе стола, покрытого белой скатертью, с бесстрастным выражением лица. Рядом лежала книга. Та самая, уже изрядно потрепанная книга, заглянуть в которую хотя бы одним глазом безуспешно мечтали многие.

Когда все собрались, расселись и угомонились, раввин Ишаягу положил на нее правую руку, словно готовясь принести клятву, и сказал.

– Идет большая беда. Из Одессы нужно уезжать.

– Уезжать? Из Одессы? – вскинулась Хая. – Но куда?

– Сказано, убежище будет в Сионе.

– В нищую Палестину? Апельсины выращивать? – зашумели дети. – Там же нет ни школ нормальных, ни промышленности, ни торговли! На что там жить, чем заниматься?

Раввин молчал. Когда волна возмущения стихла, он возвысил голос.

– Как ваш отец, как раввин, как глава семьи я требую.

Он замолк. Кто научил Шаю искусству держать паузу, или это понимание пришло к нему свыше, но выполнил он сей сценический прием мастерски. Спустя минуту в полной тишине Шая произнес:

– Не считайте меня умалишенным или свихнувшимся от чтения. Я точно знаю, – он постучал пальцами по книге, – надвигается бедствие. Катастрофа, перед которой померкнут даже погромы Богдана Хмельницкого, да сотрется имя злодея.

– Так, – деловито спросила Хая. – Сколько у нас есть времени?

Ей хватило нескольких минут, чтобы пережить первый шок, свыкнуться с мыслью и приступить к действиям.

– Надо торопиться, – ответил раввин Ишаягу.

– Можно я расскажу об этом подругам?

– Тебе все равно никто не поверит, – грустно ответил раввин. – Только прослывешь сумасшедшей. А это может помешать сборам.

В конце мая 1914 года большая семья раввина, зеленая от недельной качки, вступила на пристань Яффского порта. Шая тяжело опустился на колени и припал губами к пахнущему рыбой грязному бетону.

В этот же самый день за три тысячи километров от Святой земли боснийский студент Гаврила Принцип получил от командира ячейки террористической организации «Млада Босна» новенький револьвер и приступил к учебным стрельбам. До его поездки в Сараево оставалось меньше месяца.

В Яффо Хае не понравилось. На грязных узких улицах воняло ослиной мочой, валялись полусгнившие остатки овощей. Днем солнце накаляло стены домов так, что нечем становилось дышать, а ночью в окна врывался сырой морской воздух, от которого на Хаю накатывались приступы кашля. Но больше всего ее изводили истошные вопли муэдзинов.

– Ой, я больше не могу это слышать! – восклицала Хая, затыкая пальцами уши. – Я не выдержу, я сойду с ума!

– Но в Одессе ты же не обращала внимания на колокольный звон, – успокаивал ее Шая. – И к муэдзинам привыкнешь.

– Тоже сравнил! – возмущалась раввинша. – Нет, я не выдержу!

Кто-то рассказал ей о новом еврейском поселении в четырех километрах к северу от Яффо. Строили его для зажиточных людей. В нем были просторные улицы, уютные дома под четырехскатными крышами из красной черепицы, много зелени и ни одного муэдзина.

– Мы тоже зажиточные! – провозгласила Хая, сумевшая выгодно распродать нажитое в Одессе имущество и благополучно перевезти через море зашитые в нижнее белье золотые червонцы.

Для жительницы большого города четыре километра не крюк, в хорошие торговые дни Хая нахаживала по Одессе куда больше. Выйдя из Яффо после завтрака, к обеду она уже сняла дом на улице Иегуда Алеви. Перед домом были высажены пальмы с огромными жестяно шуршащими листьями, а сразу за ними распахивались охряно-желтые дюны, упиравшиеся в голубую полоску моря.

– Я сбила цену почти на треть, – гордо рассказывала Хая мужу. – Хозяин дома, винницкий мямля, никогда не сталкивался с торговцами Нового базара. Он просто не понял, откуда я на него свалилась!

Переехали на следующий день, возчик араб сложил на арбу, запряженную двумя сердитыми ослами, все имущество раввинской семьи и неспешно потрусил вдоль берега моря. Семья в полном составе тронулась следом.

Дом оказался большим и удобным, в нем были водопровод, ванная и туалет, роскошь даже по одесским масштабам. Все было замечательным, кроме одного обстоятельства, которое винницкий мямля не то чтобы скрыл, но не подчеркнул, а раввинша не заметила. В ста метрах от дома проходила железнодорожная колея, и десять, а то больше раз на дню по ней с грохотом, скрежетом и скрипом прокатывались составы из Яффо в Иерусалим и обратно. Сговорчивость мямли оказалась вполне объяснимой. Слава Богу, что по ночам поезда не ходили!

Зато в остальные часы тишина была полной. Нарушал ее только едва слышный шум прибоя, пересвистыванье птиц и шуршание веток пальмы у крыльца. Соседи не мешали – в зажиточных домах не было принято шуметь.

– Мы выехали на дачу, – не уставала повторять Хая. – Солнце, свежий воздух, апельсины.

Дача дачей, но кормиться надо. Дети с самого утра расходились в поисках заработка, оставив на бабушку внуков и внучек, а Шая отправлялся на берег. Взвалив на плечо большой зонт и подхватив свободной рукой складной стул, он после молитвы уходил к морю.

И знаете что, там было даже лучше, чем на Соборке! Он мог до вечера просидеть под зонтом, не увидев ни одного человека. Только в сапфировой глубине моря распускались, а потом опадали паруса рыбацких лодок, выходящих из Яффо. Вот теперь Шая понял, что такое вдохновение, и как высоко взлетает мысль под неумолчный шум волн.

Общепринято, что духовное выше материального. Выше, то есть ближе к Создателю. Молитва, учеба, размышление поднимают душу человека над грубостью материи. Но так ли это?

Душа часть Всевышнего. Она попадает в тело после множества сжатий и сокращений, ведь иначе бесконечный Бог не сумеет поместиться в крохотную материальную оболочку. Но вот сама оболочка, казалось бы, грубая, примитивная плоть, именно она куда выше души. Ведь для того чтобы ее создать, преодолеть пропасть между духом и материей, Творцу пришлось затратить особые усилия, несравнимо большие, чем просто сжатия и уменьшения. А значит, связь тела с Богом крепче, чем у души, и поэтому примитивные материальные действия выше и ближе к Создателю, чем самая глубокая молитва и утонченная учеба. Все наоборот!

В Европе началась война, Турция тоже принимала в ней участие, но раввина Ишаягу новости не интересовали. Он знал, что добрался до верного берега и что все уже хорошо. О заработке он не думал, этим занимались Хая и дети, и рассчитывал остаток своих дней провести под зонтом у моря. Одесса приучила его к духовному одиночеству, он почувствовал в нем вкус, понял в нем смысл и отыскал упокоение. На общественную деятельность Шая потратил многие годы, возможно, лучшие годы его жизни, и больше не намеревался ею заниматься. Но вышло по-другому.

Однажды утром в дверь постучали. На пороге стоял коренастый по-традиционному одетый господин лет сорока.

– Могу ли поговорить с раввином из Одессы? – вежливо осведомился господин.

Хая проводила гостя к мужу.

– Меня зовут Эфраим, – представился тот, усевшись на предложенный хозяином стул. – Я живу в Неве-Цедек, работаю управляющим апельсиновыми плантациями в районе Гедеры.

– Чем могу быть полезен? – скрывая нетерпение, спросил Шая. Ему хотелось поскорее закончить разговор и оказаться на берегу моря.

– Я соблюдающий законы еврей, – начал Эфраим, – и попал в переделку, из которой не могу выпутаться без совета раввина. Скажу начистоту, пришел я к вам потому, что вы не просто раввин, а раввин из Одессы, города, славящегося м-м-м, как бы получше выразиться, широтой взглядов.

– Вы имеете в виду либеральность в трактовке закона, – уточнил Шая.

– Ну, что-то в этом духе, – согласился Эфраим. – Сейчас я расскажу вам мою историю, и вы поймете, почему тут необходима именно широта подхода.

Шая понял, что быстрым этот разговор не получится, уселся удобнее на стуле и вопросительно взглянул на Эфраима.

– Моей старшей дочери Эстер год назад исполнилось девятнадцать. Возраст, когда еврейской девушке пора выходить замуж. Мы стали искать жениха, разумеется, с помощью шадханов, профессиональных сватов. Вскоре нам нашли хорошего парня из Иерусалима. Семья замечательная, и юноша богобоязненный, ученик ешивы. Только условие у них одно, в Старом городе принято, чтобы жених и невеста в первый раз встретились уже под хупой.

Ну, мы с женой поехали в Иерусалим и через знакомых навели справки. Оказалось, все точно, как рассказывали. Тогда встретились с семьей жениха и с ним самим. Очень приятные достойные люди, и парень хороший, тихий, скромный. Не красавец, но и не урод, парень как парень.

Вернулись мы домой, поговорили с Эстер. Она поначалу ни в какую, но потом поверила родителям и согласилась. Охо-хо!

Эфраим закашлялся, раввин быстро поднялся, вышел из комнаты и, вернувшись, поставил на стол перед гостем кувшин и кружку.

– Попейте воды.

Эфраим кивнул, налил полную кружку и жадно выпил. Его кадык двигался вверх и вниз, натягивая сморщенную темную от загара кожу. Глядя на шею гостя, раввин понял, что его моложавая внешность обманчива, и он гораздо старше, чем выглядит.

– А дальше было вот что. Это мы от жениха узнали, вернее, от мужа. Из Эстер слова не вытащишь, охо-хо… Н-да…

Он замолчал, словно собираясь с силами, а затем быстро выложил всю историю.

– После хупы, когда молодых отвели в комнату уединения, Эстер откинула толстую фату и разглядела мужа. Он попытался взять ее за руку, но она с отвращением ее отбросила.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – с улыбкой спросил молодой муж. Он хотел шуткой разрядить атмосферу. Но получил обескураживающий ответ.

– Ты мне противен. Почему ты не захотел, чтобы мы увиделись до свадьбы?

– Это обычай нашей общины, – возразил муж. – Моя мама вышла так замуж, и бабушка, и прабабушка. И, слава Богу, создали прекрасные семьи. Пойми, традиция плохого не подскажет.

– Вот и живи с традицией, а не со мной! – вскричала Эстер, бросила в жениха фату, выскочила из комнаты и убежала со свадьбы. Стыд, позор, и крушение духа!

Эфраим тяжело вздохнул и выпил еще кружку воды. Раввин Ишаягу молчал, ожидая, пока гость доведет рассказ до конца.

– Первые две недели Эстер пряталась у подруги в Хадере, а потом мы с трудом убедили ее вернуться домой. Ни о каком замужестве она и слышать не хочет. И про развод тоже. Говорит, что разводят замужнюю женщину, а процедура, которую она прошла под хупой, была ошибкой, поэтому изначально недействительна.

Муж на развод не согласен. Эстер ему понравилась, он и его родители убеждены, что девушка успокоится, вернется, и все будет хорошо. А мы с женой не знаем, что делать. Вот, может, вы что посоветуете.

– Я не понимаю, – развел руками раввин Ишаягу. – В Талмуде ясно написано: запрещено жениться, не увидев избранника. Люди придумывают себе обычаи, отрицающие закон, а потом не знают, как выкрутиться.

– Пожалуйста, ребе, – умоляющим тоном произнес Эфраим. – Пожалуйста!

– Прежде всего, я должен поговорить с Эстер, – сказал раввин после непродолжительного раздумья.

– Мы предполагали, что вы этого захотите. Она здесь, гуляет на улице. Сейчас я ее приведу.

Эстер оказалась белозубой черноволосой красоткой с заплаканными глазами.

– Чем тебе не понравился муж? – спросил раввин.

– Он не муж мне! – вспыхнула Эстер. – Это была ошибка.

– Твой отец уже познакомил меня с твоим мнением, – спокойно ответил раввин. – Мой вопрос не об этом.

– Такого суженого я могла только в страшном сне увидеть, – воскликнула Эстер.– Все, что мне неприятно в парнях, в нем собралось. Как вспомню его лицо, его голос, его липкую руку, передергивает от отвращения.

– Ты отдаешь себе отчет, что в той ошибке есть и твоя вина? – спросил раввин.

– Моя?! – Эстер прижала руки к груди. – А я-то чем провинилась?

– А муж твой чем? При таком внимательном отношении к внешности ты была обязана настоять на предварительной встрече. Или не соглашаться на брак.

– Ну, хорошо, я ошиблась, – Эстер зашмыгала носом, и было видно, что еще мгновение – и по ее щекам покатятся слезы. – Так неужели из-за этой ошибки, из-за слабости, из-за почтения к родителям я должна всю жизнь провести рядом с человеком, который мне противен?!

Раввин задумался. Затем попросил Эстер оставить его наедине с отцом.

– Написано в Торе, – сказал он, когда дверь в комнату затворилась, – плохо человеку быть одному. А это значит, что не одному, то есть в семье, должно быть хорошо. Есть два случая, когда закон разрешает детям идти против воли родителей. Если юношу отдают в ешиву, где он не хочет учиться, он может воспротивиться. И когда юноше или девушке не нравится предлагаемая пара, они имеют право сказать нет. Я думаю, мы не можем заставлять Эстер жить с тем, кто ей не по сердцу.

– Но что же делать? – вскричал Эфраим. – Муж и его родители не согласны на развод!

– Я напишу главе ашкеназской общины Иерусалима, – сказал раввин Ишаягу. – Думаю, они прислушаются к его мнению.

Эфраим отправился в Иерусалим в тот же день и к вечеру уже сидел перед раввином Зоннефельдом. Вид у иерусалимского раввина был суровый, не в пример одесскому. Непримиримый борец с просвещенцами, он не мог выглядеть иначе: отступников становилось все больше и больше, и раввину было из-за чего сидеть с хмурым видом.

– Что на повестке дня? – строго спросил раввин.

– Вот, – ответил, немного оробевший Эфраим, протягивая записку. Он, разумеется, слышал о грозном главе ашкеназской общины, но встретился с ним впервые и даже не мог представить, что тот окажется настолько суровым.

– Кто это написал? – совсем иным тоном произнес раввин Зонненфельд, прочитав записку.

– Раввин из Одессы. Сейчас он живет в Тель-Авиве.

Следующим утром Шая почему-то захватил с собой еще один раскладной стул и отправился на берег моря. Жена не стала ни спрашивать, ни возражать. Хочет человек тащить на себе лишний стул, пусть тащит. С годами ее муж становился все более и более странным, и она не знала, не могла определить, к добру это или к худу. Каждую субботу, благословив свечи, раввинша еще долго стояла с закрытыми глазами, моля доброго Бога о счастье для детей и внуков, о спокойствии на Святой земле и о мире для всего еврейского народа. С недавних пор она стала молиться и о муже, просила Господа хранить его на потайных путях и скрытых тропах, по которым он пробирается в полном одиночестве.

Когда на пороге возник человек в раввинском сюртуке, с раввинской бородой и в раввинской шляпе, Хая не удивилась. В Одессе раввины хоть и не часто, но захаживали к ним в дом, и она терпеливо ждала, когда же ее мужа признают и на Святой земле.

– Раввин Зоннефельд хотел бы поговорить с раввином Ишаягу, – произнес Эфраим, зная, что глава общины старается не разговаривать с женщинами, дабы выполнить сказанное в «Поучениях отцов»: умножающий беседы с женщинами умножает количество глупости в мире.

– Раввин на берегу моря, – ответила Хая. Она сразу поняла, в чем дело, в Одессе тоже встречались ученые евреи такого рода. – Идите прямо по тропинке через дюну, увидите зонтик, он там.

Раввин жестом попросил Эфраима остаться и сам отправился на берег. Он отсутствовал больше двух часов, а вернувшись, поспешил к станции дилижансов на углу улицы Герцля и Народного бульвара, дабы успеть вернуться в Иерусалим. Эфраим не мог не заметить, что против своего обыкновения раввин Зонненфельд весьма учтиво попрощался с Хаей, благословив ее саму, ее детей, внуков и ее мужа.

Эстер получила развод через две недели, а слух о том, что грозный глава ашкеназской общины Иерусалима самолично приезжал побеседовать с раввином Ишаягу, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Большинство жителей Тель-Авива принадлежали к тем самым просвещенцам, с которыми боролся суровый раввин, поэтому его нога до сих пор ни разу не ступала на улицы этого поселения.

Надо сказать, что тельавивцы не были ни злостными отступниками, ни заклятыми борцами с религией. В детстве почти все они учились в хедерах, а некоторые даже в ешивах. Другой путь они выбрали из-за любви к еврейскому народу, предполагая, будто он быстрее приведет его к спасению от мировой ненависти, погромов и преследований. Теплый огонь субботних свечей, которые зажигали их мамы и бабушки, до сих пор согревал сердца.

Они бы с радостью советовались с раввинами, если бы те стали их слушать. И вот, оказалось, что на соседней улице живет человек, поговорить с которым приезжает издалека не кто-нибудь, а грозный раввин Зонненфельд. Так бремя социума вновь настигло Шаю и, грузно опустившись на его плечи, возлежало на них до самого конца его длинной жизни.

Шли годы. Тропинка в дюнах превратилась в улицу, а на пустынном пляже возникла набережная с кафе и ресторанами. Соборка вернулась, блаженные часы одиночества теперь доставались Шае лишь раним утром. В отличие от чинной благопристойной Одессы, его покой нарушали не фребелички и няни с детьми, а полураздетые купальщицы. Подобной наготы раввин не видел даже на брачном ложе и, разумеется, покидал берег задолго до появления первых любителей утренних окунаний.

Распущенная тель-авивская публика относилась к Шае с величайшим почтением, без всякого сарказма или усмешки именуя

его «наш святой». Официанты с вечера оставляли для него стул и столик под раскрытым зонтом, чтобы уже немолодой раввин не утруждал себя тащить груз через город.

Впрочем, настало время, когда Шая понял, что уже не зависит от внешних условий. Теперь он достигал необходимой сосредоточенности где угодно, в любой обстановке. Мир с его шумом, треском и бахвальством отступал, стоило лишь захотеть. Прогулки на берег потеряли смысл, раввин заходил в свой кабинет, опускался в глубокое кресло, обитое черной прохладной кожей, раскрывал заветную книгу и через минуту оказывался в пространстве духовности.

Чем выше человек поднимается, тем больше старается стать незаметным. О последних сорока годах раввина Ишаягу широкой публике почти ничего не известно, а ученики и семья предпочитают хранить молчание. Его сын, замминистра образования в правительствах Бен-Гуриона и Леви Эшколя, поделился лишь одним эпизодом.

– Одним осенним утром отец вернулся с пляжа раньше обычного, весь мокрый от пота, взъерошенный, с покрасневшими глазами.

– Что случилось, ты заболел? – бросилась к нему мать.

– Я покончил с ним, – ответил отец и ушел к себе в кабинет.

На следующий день пришли известия о поражении армии Роммеля под Эль-Аламейном.

Раввин Ишаягу прожил почти девяносто лет, видел создание Государства Израиль, похоронил внука, погибшего во время войны за Независимость, руководил свадебными церемониями правнучек и правнуков. Он умер в своем кресле с книгой на коленях. Ушел в духовные миры и не вернулся. Не смог или не захотел возвращаться.

Его библиотеку подарили главной синагоге Тель-Авива на улице Алленби. Книга в черном клеенчатом переплете, делающем ее больше похожей на тетрадь, до сих пор стоит на одной из полок. Стоит, дожидаясь очередного избранника.

Тель-Авив

Галина Соколова

Первые открытия

Мое знакомство с Городком состоялось ночью. Мы с родителями попали туда в канун Рождества. Вернее, не Рождества, а местного декабрьского «Кристмаса». Черт знает, зачем им понадобилось пилить в такую даль (триста с лишним миль – три часа в пути), да еще и через перевал, когда питейных хватало и дома. Но родители у меня русские, а этому населению, как все говорят, сидеть на одном месте скучно. Кроме того, в ту пору мне не минуло и шестнадцати, потому моего мнения никто не спрашивал.

Мы поселились в мансарде некоего дорогого отеля, из окон которой только и видны были разноцветные гирлянды на крыше напротив, да пики занесенных снегом гор. Погуляли по феерически украшенным рождественскими – или, в нашем понимании, новогодними – декорациями улочкам. Их тут раз-два да обчелся. Поужинали в какой-то дешевой забегаловке с громким названием «Щелкунчик» – было там не очень и вкусно. А дальше я увидел хоть отца, хоть мать только утром, когда оба, злые от головной боли, отмокали в джакузи и в голос поносили хозяев за хиленький бойлер, горячей воды в котором хватало разве что на одного. Ну, в самом деле: камин с живым огнем – был, всякие мебеля с гнутыми спинками – тоже. А бойлер – на одну помывку! Наверное, администрация отеля считала, что в их узенькую лоханку, по иронии торгового тренда названную громким словом «джакузи», можно было поместиться втроем. С моим папашей, пузо которого возвышалось далеко над ограничивающей воду чертой. Хи-хи!

В общем, с раннего утра я просыпался от громких проклятий и с неудовольствием натягивал на уши простыню. В номере,

несмотря на минус за окнами, жарило, как в духовке, – хитеры щедро качали горячий воздух. И лампы на потолке (я их насчитал больше дюжины) жрали электричество, как бешеные. И тоже мысленно отрывался на странной немецкой практичности. Да, Городок был немецким, точнее, баварским. Эта маленькая Бавария в самом сердце американского штата носила романтическое имя Лилиенфельд и привлекала любителей сосисок и пива со всего побережья. Но я не любил ни пива, ни сосисок, и потому все вечера слонялся по сонным улочкам в ожидании, когда же наконец наш «Лексус» двинет в обратный путь.

И так бы оно и было, если бы… Ну да, если бы не вмешался его величество случай, который и заставил меня потом, уже весной, когда я получил водительские права, самому погнать в Лилиенфельд в один из свободных от школьных занятий день.

Она шла по заснеженной улочке Городка, то и дело скользя своими белоснежными сапожками по скрытой в поземке гололедице, и глаза ее были полны печали. Возможно, мне это показалось? С чего бы печалиться молодой девушке в канун Рождества? В этих усыпляюще-медленных снежинках, что падали к ее ногам, она словно выпорхнула из моих снов. Я как раз домусолил «Страдания юного Вертера», валявшиеся у матери под подушкой, и весь был полон смутных ожиданий – они у меня возникали всякий раз после прочтения очередной любовной ерунды. Дело в том, что наш сосед Джимми, который был основательно старше меня, каждую неделю гонял в Канаду к некой филиппинке, чем сделал себя притчей во языцех для моих родителей и остальных соседей, а у меня еще девушки не было. Правда, в прошлом году я вздыхал по старшекласснице Келли из нашей школы, но мой платонический пыл быстро иссяк. Ее стал возить на джипе носатый парень из дома напротив, и мою влюбленность как рукой сняло.

…На незнакомке были пушистый белый капюшон и такие же белые сапожки. Напоминала она то ли Белоснежку, то ли Алену Игоревну из новогодних «Чародеев» (родители часто смотрели советские фильмы). А может, и еще кого сказочного – тут я терялся, потому что сказки мне читали разве что в детстве. И если бы

она так отчаянно не скользила, всякий раз всплескивая руками, то я, наверное, и вспомнил бы, кого. Но времени не было – она вот-вот могла и носом зарыться.

– Помочь? – вызвался я, хотя не представлял, что будет, если она изъявит согласие. Город я не знал, проинформируй она меня, что, к примеру, заблудилась, и ее надо проводить на такую-то улицу, я попал бы впросак. Но неизвестная красавица довольно ловко ухватилась за мою руку, повиснув на мне всем своим небольшим весом. Между прочим, я почему-то всегда знал, какой у моей девушки будет цвет лица и какой формы зубы. Ее зубы отвечали всем моим представлениям – они были, как океанские жемчужинки: белоснежные и ровные.

– Я хочу посмотреть гирлянды, а тут так скользко… На Рождество всегда такие красивые гирлянды и всегда такой лед…

И сама потащила меня к огромной полыхающей синими звездами елке. Я повиновался, самым срочным образом придумывая тему разговора. Погода? Банально. Как вас зовут? Вот так с бухты-барахты – вроде неприлично. А впрочем, была не была, меня ее мнение обо мне не особо интересовало!

– Пол, – сунул я руку в ее тепловатую ладонь. – Пауль типа. Павлик, вообще-то.

– Одного моего чешского друга тоже Пауль зовут, – обронила она запросто, глянув на меня такими пушистыми от мерцающих снежных хлопьев глазами, что у меня защекотало под ложечкой – именно такие я и представлял себе у своей девушки.

– Давай пойдем вон туда, где петушок, – не назвав себя в ответ, потащила она меня дальше. Я понял, что дал маху – мое имя ее не интересовало. Но с какой-то несвойственной себе дерзостью я вдруг брякнул:

– А тебя зовут… Хочешь, угадаю?

Она поправила выбившийся из-под капюшона локон и в ожидании устремила на меня глаза:

– Ну?

Я лихорадочно перебирал в памяти имена, но в голову лезли только Вертер и его Шарлотта.

– Шарлотта?

От изумления она даже поскользнулась и снова повисла на моей руке. При этом мы чуть было не свалились возле елки, опрокинув муляж того самого веселенького разноперого петуха. Хвост у него кто-то, видимо, ободрал в драке.

– Почему Шарлотта? Ты из туристов? Ведь ты не из нашего городишки, – она помогла мне подняться. – Я местных всех знаю.

Я сделал загадочное лицо – я читал, что девушки это любят. И подумал, что мои родители не такие уж лохи – в их книжках можно найти и что-то для себя полезное.

Она еще с пару минут изучала меня. И вдруг торопливо распрощалась:

– Ну ладно, будь здоров, Пауль-Пол, – к моему изумлению, помахала рукой какому-то типу в спортивной куртке, чуть ли не вполовину меня старше. И как раз возле того петуха околачивался, делая вид, что просто дышит свежим воздухом. После чего они вместе и ушли. А я остался.

Карма у меня такая: стоит облюбовать девушку, тут же явится какой-то хмырь, который все враз и разрушит. Но я уже давно пробовал себя в стихах, потому расцвеченная светодиодами снежная круговерть настроила меня на творческий лад. Баиньки не хотелось.

Вообще-то, ей и самой лет двадцать, угрюмо констатировал я, чтобы не досадовать, хотя меня больше интересовала она сама, чем ее возраст.

Как известно, о человеке можно многое угадать даже по улицам, где он часто ходит. Ничего удивительного – домой я не пошел. Тем более что слоняться в одиночестве по «Лилейному полю» (что и есть Лилиенфельд в переводе на русский) было, что плавать по лиловым облакам. Мое воображение разыгралось не на шутку. Даже недавний казус нисколько меня не удручил. В блужданиях по кипенно-белым улицам появился новый смысл. И я ошалело мурчал себе под нос какие-то совершенно дурацкие песенки и, отстукивая ногой ритмы, представлял, как вдруг… вот возьмет она и станет тонуть (неподалеку протекала какая-то порожистая речка), а я – как Том Сойер – спасу ее. Я неплохо плаваю. Или случится что-то еще, и я ее выручу. Правда, в этом городке,

затерянном среди горных отрогов и исполинских сосен, вряд ли что-то случится. Хотя вот, например: вчера я вышел на террасу в майке и шлепанцах, а дверь возьми да захлопнись, и кричи не кричи – никто бы не услышал, не окажись дома мать. Наш номер, как и прочие в этом отеле, находился от портье в другом крыле. А там по вечерам ни души, потому что люди сюда едут не дома сидеть, а есть сосиски и пить пиво. И танцевать шуплаттлер. Кроме того, напротив нашей террасы – паркинг, где машины стоят до утра. И кому взбредет в голову, что какой-то ненормальный окажется голым зимой на террасе?

В общем, блуждал я таким образом по улицам долго. И были лишь я и город. И тишина. Которую можно было мазать на хлеб, такая она была густая. Бродил до тех пор, пока румяный, как Дед Мороз, полисмен (я прошел мимо него уже в пятый, наверное, раз) не спросил, знаю ли я куда идти.

– Знаю, – отозвался я бодро, потому что заплутаться в этом городке-табакерке было просто невозможно. Тем более теперь, когда я знал, что здесь живет моя девушка.

*

– Этот негодник совсем забросил учебу, – как-то сокрушилась мама, обнаружив в моем рюкзачке отпринтованные листки со стихами на английском. Я сочинял их всю зиму, потому что снова увидеть Шарлотту стало моей идеей фикс. Все это время я жил как бы с крыльями. Душа моя постоянно блуждала меж звезд, выглядывая оттуда Шарлотту – сверху ведь видней. И странички со стихами выскакивали из челюстей принтера почти каждый вечер. Может, если бы мы ездили в Городок чаще, моя муза упорхнула бы куда-то в другую сторону. Но шли густые снегопады, дорога в Лилиенфельд стала опасной, и перевал закрыли.

– Нормальные стихи, чего ты? – не согласился папа. И тиснул одно в ближайшем номере своей газеты под рубрикой «Творчество молодых». Когда-то он тоже рифмовал и даже сдуру окончил славянскую лингвистику, которая тут, в американском дампе, была никому не нужна. Но все равно льстил себя надеждой, что хоть из меня в этом плане будет толк. Я с гордостью прочитал

свое имя на вощеной страничке рождественского номера, который для православного населения выходил на пару недель позже католического. И был потрясен новизной и выразительностью каждой своей строфы, после чего ходил по школе гоголем. Самые первые стихи у меня были посвящены той хорошенькой старшекласснице. В них было что-то про ее шейку и рыжие волосы. Но напечатали именно эти, про Снегурочку, у которой то и дело скользили сапожки.

– Кто-о-о? – вылупился на меня сосед Джимми, не донеся до рта недоеденный сандвич. – Что за Снегурочка?

Он был парень простой и русских сказок не читал. Когда он увидел мешок подарков в руках нашего красноносого старца в длиннополой шубе, он прямо офонарел.

– У ваших и Санта Клаус пьяный?!

Стихи мои, насколько я теперь понимаю, были никудышные, но соседу они понравились, и он даже взял парочку себе, чтобы подарить своей филиппинке.

Дружба с Джимми завязалась у меня еще летом, когда он чуть было не затащил меня на дискотеку. Вообще-то, до двадцати одного туда не пускают. Но Джимми сунул мне свой ай-ди, надеясь потом проскочить по второму – у него их оказалось два. Хоть лицом мы были немного схожи, рисковать я не стал – все-таки тридцать восемь, как указано в его ай-ди, мне не дашь. Хотя в коварном вечернем освещении он выглядел куда моложе. Но я, заглянув через стеклянную дверь, объявил ему, что мне здесь не нравится, – какие-то потные жирные девки, хмельные парни… Потому что, если бы меня засекли, возникла бы куча неприятностей. Родители как раз укатили к каким-то своим приятелем, а оставлять детей одних (у нас тут до совершеннолетия все дети) запрещается. Джимми был нашим соседом напротив и часто приглядывал за мной, пока старших не было дома. Постепенно мы сдружились. Разница в возрасте его особо не смущала, а по виду я был даже внушительнее – метр девяносто против его метра восьмидесяти. Но был он сухопарый, стройный – и из-за этого казался выше, чем был. Кроме того, он играл в баскетбол и плавал, как дельфин. А потом съедал целый яблочный пирог – и оставался сухопарым.

Кое в каких делах у него опыта было куда больше, и, случалось, он демонстрировал мне свою поцарапанную грудь, многозначительно поверяя, что не поладил со своей филиппинкой. При этом он усиленно мне подмаргивал. И, запивая свои рассказы безалкогольным пивом, трепал про свои запои. Все они остались в прошлом, потому что одно время от него стали открещиваться все работодатели. Боясь оказаться бездомным под мостом, Джимми принял курс лечения, зашился и с алкоголем завязал. По этой причине мои родители меня ему и доверяли. Но о запоях он рассказывал с удовольствием и особенно рекомендовал филиппинское пиво «Сан-Мигель», которое предпочитала его подружка. С девушками у взрослых парней всегда проблемы – никто не хочет нищебродов, у которых нет собственного жилья, а Джимми жил в съемном апартменте-студии.

Томиться в обществе кого-то старше себя и слушать про его престарелых подружек было занятно. Ей за тридцать, и она никогда не была замужем. Джимми взял ее девственницей – так принято у филиппинок: до свадьбы ни с кем. Но свадьбы-то как раз не было! Некоторые пикантные подробности разогревали мое воображение. Как-то после таких его рассказов одна известная кинодива почти наяву целовала меня в живот, куда-то ниже пупка. И это было сладостно-приятно! Хотя на девчонок я и внимания не обращал, а если о них заходила речь, бросал с миной глубокого пренебрежения: «Мне эти девки – во!». И приставлял ребро ладони к горлу. На что Джимми плотоядно ухмылялся и посматривал на меня вроде как даже с завистью. Потому что, если уж честно, вся его жизнь состояла, в основном, из работы, которую он панически боялся потерять. Работал он где-то в порту, а вообще, по образованию был пожарником.

Я делал вид, что ничего этого не вижу. Хотя сам только и ждал получения водительских прав, чтобы вернуться в тот немецкий городок, на этот раз одному. Ведь если в твоей жизни что-то складывается не как у других, значит, жди чуда – это я где-то читал.

Мы общались с Джимми чуть ли не год: вечерами моим родителям дома не сиделось, а ему не с кем было поговорить. Американцы не большие любители навещать друг друга, и встречаются

только в барах. Но там дорого. И никого твои дела не интересуют. А тут – нате вам: свободные уши, да еще и я сам, всегда готовый присмотреть за его дворнягой!

Кто-то из бывших руммейтов Джимми не выдержал здешней американской тоски и умотал назад в Тюмень, оставив на его попечение своего ожиревшего от безделья пса со странным именем Ельцин-Гад. Мордой пес, и правда, походил на опухшего от пьянок гада Ельцина. Но такие нюансы были не для Джимми. Он просто переименовал собаку в Эльгато (хотя по-испански «el gato» – кот) для языкового удобства.

Так Джимми и жил – он да Эльгад, как называл пса я. И когда уезжал к своей филиппинке, с Эльгадом я и нянчился. Пес имел сквалыжный характер и требовал постоянного к себе внимания. Потому я носил ему дорогой «органик», собачий корм. И водил его гулять.

– А если у нее еще и дом свой появится, так и быть, женюсь, – пообещал Джимми, раздумывая о дальних перспективах – своих и Эльгадовских.

И когда я, уже с водительскими правами, да со все еще неиссякшим желанием скатать в «Лилейное поле», отказался от взятой на себя повинности сидеть с его псом, он был вне себя.

– Ты что?! – вознегодовал Джимми, будто сам только что не собирался семь верст киселя хлебать до канадской границы. – Да ты и имя ее не знаешь! Шарлотта, ну так – Шарлотта. А сама небось какая-нибудь Келли, Кристи или того хуже – Бекка.

Имя Бекка означало «заманивающая в ловушку»…

– Много ты понимаешь, – не замедлил я восстать. – Никакая не Кристи, и тем более не Бекка! Возможно, Анджелика. Ангел. В крайнем случае Салли, а сало – оно полезное… как и салки.

Джимми покрутил пальцем у виска, но спорить не стал. К тому же, малоудачную шутку про сало он и не понял. Он вкалывал в порту и сала сроду не видел. И в салки не играл. И книг никогда не читал.

Но надулся. Весь его взъерошенный вид давал понять, что между мной и им пролегла опасная трещина, которая может разломать нашу мезальянсную «дружбу».

Я уже был возле самой двери, когда и его Гад-Ельцин шкрябнул лапой мою кроссовку. Он нервничал – хозяин продолжал теребить ключи от машины, а я того гляди переступлю порог. С кем же останется Гад?! Пес настороженно переводил свои маленькие черные глазки с красными точками в уголках с меня на него и с него снова на меня. Он уже привык, что раз в неделю мы остаемся вдвоем и бегаем по комнате – играем в салки. Это было весело. И сейчас не мог взять в толк: почему я ухожу?! Ну а мне было абсолютно до фонаря, что думает пес, и едет ли Джимми в Канаду к надоевшей филиппинке. Мне предстояла встреча с Шарлоттой.

– Ладно, езжай, – обиженно хмыкнул Джимми. – Но знай: все бабы – дряни.

И захлопнул дверь. Джимми имел отвратительную привычку обобщать.

Так и понесся я снова по тому же сероватому серпантину дороги между двух отвесных скал, на которых лепились пики молодых елок. Из окон машины, пробивая узкие лучи солнца, к горным вершинам взвивались золотые трубы фанфар – родители любили классику. Сам же я еще особо не решил, что именно люблю. Я просто слушал и вспоминал, как однажды мы ходили на балет, и там тоже звучало нечто подобное. Чайковский вроде. В Америке Чайковского любят, и, наверное, если бы не его уж сильно русская фамилия, давно бы присвоили себе. Давали «Щелкунчика» – детскую рождественскую сказку, которую американцы дают в декабре везде, потому что, наверное, тоже других не знают. Мы сидели в темноте, а сцена была ярко освещена, и по ней носилась на цыпочках сказочная девочка в пышной юбке. А рядом со мной смутно белело платье какой-то молодой женщины, чем-то напомнившей мне сейчас Шарлотту. Тогда я даже не заметил, что балет кончился и пора уходить.

Я и сейчас время не зафиксировал. И три часа дороги показались мне несколькими минутами. Хотя выехал часов в семь утра, когда еще было хмуро, и розоватый туман стелился прямо под колесами. А сейчас почти белый шар солнца светил в самое темя.

…И чего ради мчался я туда, в тот маленький городок, в котором у меня никого не было? Кто сейчас разложит это на причины и следствия?

Теперь-то я понимаю, причина была в том, что мне хотелось поскорее вырасти. Меня гнала тайная сила моего тела – чувственность, разогретая рассказами Джимми. И в то же время жажда идеальной любви, про какую я читал в книжках. Я был свободен и дерзок. Какими бывают все юные, грешные и одновременно невинные, которых жизнь еще не зацепила своими когтями. Плюс: в Америке от скуки можно было рехнуться, тем более подростку – заняться-то нечем, все дорого и малодоступно, кроме травы и кокаина.

«Неужели я снова увижу ее? – думал я, тормозя на парковке вблизи главной улицы и таращась на расписанные красками стены совершенно кукольного городка. – Неужели это возможно?»

Я боялся, что вообще простою впустую, и что никакой Шарлотты здесь нет и не было, потому что она – плод моего воображения. И чтобы не выглядеть перед самим собой полным идиотом, я отправился в кафе и уселся так, чтобы наблюдать в окно всю улицу. Люди по ней сновали, как муравьи возле муравейника. Много людей. Но среди них не было никого, кто хотя бы отдаленно ее напоминал. Мне даже не верилось, что она вынырнет из моего фантастического бреда – именно так сосед Джимми окрестил мои надежды. Потому что сам он понимал отношения между мужчиной и женщиной исключительно как отношения плотские. И если мою Шарлотту нельзя пощупать, значит, это просто «бла-бла-бла». Иногда я с ним даже соглашался. Хотя все эти зимние месяцы воровал из bookstore – книжных магазинов – учебники и загонял их студентам за полцены. Благодаря такой не вполне одобренной моей совестью операции сейчас у меня в кармане уютно свернулось золотое колечко с кубиком циркония, которое я жаждал ей подарить. Стыд меня не особо мучил – воровал да и воровал. От них не убудет. Это же прямо беспредел: в Америке со вчерашних школяров дерут по 40-50 долларов за один учебник. За один! А сколько их надо на каждый курс обучения? За 4-5 лет! А тетради-ручки? Узаконенная коррупция!

Хотя… Ну а если я не найду Шарлотту, что делать с этой ненужной мне безделушкой?

Так я сидел и выматывал самому себе кишки.

И можете представить радость, когда, еще не прожевав сосиску, я вдруг увидел, как толпа расступилась, и она, будто Афродита из пены морской, ступила на порог того самого кафе, где сидел я.

– Хай, Шарлотта! – стараясь выглядеть независимо-бывалым, хрипловато промычал я и, чуть не опрокинув стул, махнул ей рукой.

Но она меня не услышала.

– Две порции сосисок «to go», – сказала она, водружаясь на стул. Минут десять подождала, торопливо хлебая из прозрачного, как тот лед зимой, стакана. И, схватив долгожданную коробку с заказом, снова ускользнула из поля моего зрения.

– Официант, счет! – пришел я в отчаянье, потому что медлительный немец так долго проверял что-то на экране компьютера, а потом так аккуратно это вписывал в чек… Бросив на стол десять долларов, я ринулся за Шарлоттой.

Я нагнал ее возле одного из кукольных домиков, в дверь которого она чуть было не улизнула, и, крепко ухватив ее за свободную руку, брякнул первое, что пришло на ум:

– Шарлоттапошлинащелкунчика…

Она растерянно уставилась на меня, пытаясь выдернуть руку. Но – дудки! Я-то знал, что интеллигентность – свойство хлюпиков, и держал ее крепко.

– Ты кто? – выдохнула она, не сводя с меня пушистых глаз, которые столько времени виделись мне в моих мучительных снах.

– А? – опешил я, все так же не желая терять ее руку. – Аааа… Ты меня не узнала?

Она хлопала непонимающими глазами. Вот же черт!

– Я… это. Я – Пол! Пауль. Павлик. Помнишь: зима, петух, гололед. Ты еще скользила и падала… Это был я!

– Ааа, – теперь уже она протянула озадаченно, и в ее взгляде появилось что-то осмысленное.

– Так, это… – я не знал, как ей заговорить зубы, потому что – убей меня – опять не мог придумать ничего путного, кроме того, что уже сказал. И, отчаянно краснея, промямлил: – Это… На «Щелкунчика» пошли?

– О, май гот, – засмеялась она. – Так это же вечером! «Щелкунчик» открывается только на ужин. Ладно, давай у самой высокой елки в семь. Пока!

И убежала. А я, будто пришибленный, еще долго стоял и все не мог решить кроссворд: почему «Щелкунчик» открывается только на ужин? Что это вообще может даже значить? И кому она несла те сосиски? Мужу? А как же тогда театр? Или не мужу? А кому? Кого кормить? Не придет? Или придет? Или это не имеет никакого значения?

Наверное, у меня был странно-идиотический вид, потому что она пришла, бесшабашно размахивая сумкой, из которой торчали покупки, и среди них – громадный пакет чипсов. И хотя я разлетелся к ней все с той же безотчетной нежностью, но какая-то двойственность моего состояния сказалась в том, что я на этот пакет взглянул с неожиданным для себя разочарованием. Все было так и не совсем так. Ни сосиски, ни тем более чипсы не укладывались в мои представления о ней. Моя девушка должна была питаться амброзией, нектаром. Она должна была индуктивно отражать мое высокое психическое напряжение и принять его форму, как принимает вода форму вазы. А этого не было! Йеэх!

– Так ты в театр звал?! – уставилась она на меня с нескрываемым разочарованием. – Но ведь там даже столиков нет…

И обескураженно переступила с ноги на ногу.

– Ладно, пошли, – после минутного сомнения все-таки согласилась она. – Но уж лучше бы в кино. Там хоть чизбургеры продают.

И у меня заныло где-то в животе. Или в сердце? И ныло оно потом все первое действие, до самого антракта. Потому что слева от меня сидела девушка. В белом платье! Белоснежка. И глаза ее были устремлены на сцену с таким вниманием, что я преисполнился умиления и благодарности. Может, я ошибся и принял за свою совсем чужую мне Шарлотту? Я скосился вправо. Шарлотта несколько удивленно смотрела на сцену, хрустела чипсами и качала ногой. Кроме того, у нее оказался чересчур большой нос. А разглядеть это можно было только в профиль.

После того как занавес закрылся, и все двинулись к выходу, я пытался не потерять свою соседку слева из виду, но Шарлотта, громко хрустя чипсами, принялась что-то болтать…

– А я было подумала, ты приглашаешь меня в ресторан «Щелкунчик»! На Фронт-стрит. Он у нас самый престижный и дорогой, я никогда в нем не была… – донеслось до меня. – А я голодная! Хорошо хоть продукты домой не занесла – тут и поела. Предупреждать же надо…

Я вспоминаю ту девушку-Белоснежку с безнадежностью, потому что совершенно запамятовал ее лицо. Мне ведь виден был только ее контур. Такой тонкий и нежный. Как и должен быть у моей девушки.

Но она… исчезла. Я еще много раз ездил в Городок в надежде столкнуться с ней. Но так и не столкнулся. Попадались другие. Но не она. А Белоснежку я больше и не видел. Наверное, у меня такой потомственный ген – искать идеал.

«А! Те же яйца, только в профиль, – хмыкнул Джимми, который был очень удивлен, что я все-таки нашел мою Шарлоттку. Хотя я ему объяснял, почему она уже не моя. Но ему это было пофиг. Он с удовольствием поглощал свой яблочный пирог, заливая его кока-колой. – Ты слишком большой придумщик, Пол. Продай-ка лучше мне колечко, я своей загоню. Сколько оно, баксов тридцать? Загоню за пятьдесят. А что, если никаких отношений с дамой, зачем кольцами разбрасываться?»

И откусил еще один кусок от пирога.

А я сделал первое в своей жизни открытие – взрослые совершенно не понимают нас. Любовь не имеет ничего общего с отношениями. Любовь – это состояние.

Я вернулся домой поздно. Мои домашние из-за меня опять не поехали на парти и были очень расстроены. Из чего я еще и заключил, что настроение – это уровень серотонина, при его нехватке в кишечнике люди смотрят на мир особенно мрачно. Потому американцы так много едят. И потому же они такие толстые. Я залез в холодильник и съел все, что там нашел. Стало намного легче.

«Загоню своей за пятьдесят баксов, чего кольцу пропадать?» – вот и вся любовь американская.

Ночью мне снились дома. Много домов, насквозь пронизанных окнами. В которые заглядывала только луна. Никого другого не интересовала жизнь в этих слепых глазницах. Слишком много там было всяких шкафов, холодильников, стен и перегородок. А я лежал и мучительно думал о своей отчаянной потребности в любви.

Сергей Четверухин

Квартирка

В окно вагона казалось, что скорый поезд пробирается из Москвы в Одессу бесконечными пустынными полями.

Гриша открыл глаза, оттого что мощный прожектор встречного поезда прошелся росчерком по лицу. Гудок. Встречный поезд удвоил общий перестук колес. Гриша перевернулся на спину, откашлялся, прищурился на экран телефона. Пять утра. Через три часа – Одесса. На экране уже появилось название местной сети, роуминг. Черт с ним со сном, Одесса скоро, там отоспимся с комфортом.

Гриша рывком поднял штору. За окном – темно. Пять утра. Ноябрь. Даже полустанки не светятся. Спят они там, на полустанках, точно спят. От мысли о том, что все вокруг сейчас мирно спят, стало уютно и тепло. Гриша прижался лбом к стеклу. Ничего не видно, но все угадывается. Как в театре теней или на рисунке после пролитой на него воды. А настроение – вверх. Потому что угадывается: нет снега в этой тьме. В той, московской, подсвеченной безжалостными огнями снег был, а в этой – нет. Как не порадоваться?

Завибрировал телефон. Кто это в пять утра?

– Алё! Алё, вы тут? Алё! Меня слышно? – женский голос звучал требовательно.

– Да, я тут. Это Таня? – Гриша ответил негромко, чтобы не будить пассажиров в соседнем купе.

– Это Таня. Вы квартиру бронировали? На Польской? На две недели?

– Я.

– Во сколько вы приезжаете?

– В восемь утра, как договаривались.

– Не успеваем!

– Как так? Мы же договаривались, я три раза повторил: буду в восемь утра… Вы согласились.

– Не успеваем.

– Что не успеваете?

– Ковер перестелить.

– Какой ковер? Зачем? Я смотрел фотографии, меня все устраивает.

– Да там… Такое… Не знаю… В общем, надо ковер перестелить.

– Не надо, я просто хочу заселиться и выспаться.

– Не получится без ковра… Там хозяина убили. Случайно убили, вы не подумайте, что из-за квартиры. Он ювелир был, думали, ценности в доме. В общем, ковер надо перестелить. Мы не успеваем.

– Кого убили? Как убили? Что вы такое говорите?

– Да, к нему пришли спросить, где ценности. А он чего-то полез… Ну, его толкнули, он упал. В общем, неудачно поговорили.

– Так… – сон слетел, будто не было. – Я не пойду в эту квартиру. Замените мне…

– Чем я вам заменю? У меня брони везде.

– Что значит брони? Я бронировал на сегодня! Я! А вы меня… – Гриша хотел сказать «подводите», но на язык само выпало «кидаете».

– Так, молодой человек! Успокойтесь! Что вы мне с утра хамите?

– Я? Это вы мне должны квартиру, мы договаривались! – он уже не думал о пассажирах в соседнем купе. – Вы за три часа звоните мне, говорите, что в квартире кого-то убили!

– Ну да, убили. Что я поделаю? Это жизнь. Подождите, мы пересте…

– Так дайте мне другую квартиру! У вас есть понятие о сервисе?

– Знаете что… Вы успокойтесь сначала, а потом мне перезвоните! Других квартир у меня сейчас нет. С завтрашнего дня освобождается одна на Собо…

Гриша нажал кнопку «сброс». Давление подскочило. Еще секунда – и он насоветовал бы маклерше Тане пикантных маршрутов на ближайшие сорок лет путешествий.

Несколько секунд Гриша молча ругался под стук колес. Не оттого, что потерял что-то безвозвратно, большой беды в том, что отпала заранее забронированная квартира, не было. Но Гриша

был из тех, кто привык контролировать ход своей повседневности и очень расстраивался, когда реальность выбивалась из планов и календарей. Он всегда заранее договаривался со всеми обо всем. Он никогда не подводил окружающих и ненавидел, когда подводят его. Если кто-то так поступал – из-за своего характера или от обстоятельств – Гриша немедленно прекращал общение с этим человеком.

Вспомнив о принципах, он попытался удалить в телефоне номер «Одесса. Маклер Татьяна». Как назло, телефон завис, сеть пропала, зато за окном замелькали редкие огни полустанка. Чего им не спится в эту рань?

Гриша помешал в граненом стакане давно остывший чай. Ничего страшного, конечно, не произошло. Если не обращать внимания на чувство брезгливого отвращения, которое вызвал этот разговор, то проблем нет. Снять квартиру в Одессе в конце ноября так же просто, как летом познакомиться с красивой девушкой в Аркадии. В конце ноября! Почти зимой. Во все времена снять квартиру в Одессе в ноябре было великим одолжением квартирным хозяевам. А барыги – так просто несли тебя на руках в жилище, от которого им перепадали скромные комиссионные.

Гриша снова зашел в меню телефона, поискал среди номеров одесские контакты. В Одессе каждый второй занимается сдачей жилья приезжим. Градообразующий бизнес. Главное, не попасть на таких моромоев, как эта Татьяна. Откуда они вообще берутся? Голос резкий, грубый, тон такой, будто подает милостыню, да еще – через силу, нехотя, делая великое одолжение. Совок, вокзал, село. При всей любви к городу, по количеству жлобов на квадратный метр Одесса стремится в абсолютные рекордсмены.

Вот, номер маклера, вот – еще один, а этот – «Одесса. Андрей Вениамин. Риш.» – хозяин квартиры на Ришельевской, Гриша жил там два года назад. Не посредник, действительный хозяин вполне благополучного жилья.

Не то что эта Татьяна. Явно барыжит, накручивает проценты, да и ладно бы, пусть бы накручивала – но нарушать договоренности? А главное – омерзительный тон. Вроде, я вас подвела, а вы еще поблагодарите меня за это, еще будьте мне за это долж-

ны, все остальное с вашей стороны считаю неприкрытой грубостью. Гриша бросил телефон на подушку и отпил холодного чая.

* * *

Андрея Вениаминовича набирал уже из «Макдональдса» рядом с вокзалом. Горячий кофе и ласковый одесский воздух быстро вернули расположение духа.

– Андрей Вениаминович, не разбудил? Это Гриша, помните, пару лет назад снимал у вас квартирку? Не помните? Я еще большую плазму просил. Еще ругался, что уборку плохо делали… За качество боролся. Не помните? Да неважно. Как у вас сейчас с вариантами? За сколько сдаете? Сколько?! – Гриша поперхнулся кофе. – Вы на улице давно были? Конец ноября на дворе, не август, осмелюсь напомнить.

– Вот именно – не август. Все посдавали квартиры надолго, до лета. А шо вы хочете? Понаехали иностранцы и снимают сразу на полгода. Шо им мелочиться?

– Какие иностранцы? Что вы голову морочите? Зима на носу, холодно, несезон в Одессе. А в стране – кризис, депрессия, туман…

– Вот иностранцы и едут, шоб в кризис получить все задешево в нашем тумане…

– Где задешево? Это задешево, по-вашему? Вы мне восемьсот гривен в сутки за однушку ломите?

– Для иностранцев это – задешево. А если вам шо-то не нравится, то идите поищите в другом месте, где подешевле.

– Как вы разговариваете с клиентом?

– Вы не клиент, я вас вспомнил, вы тот самый поц, который обозвал уборщицу Раечку косорукой. Вы – жлоб, и не надо спорить. Восемьсот гривен в сутки для него дорого! Вы мне вообще неинтересны.

– Ах ты, долбо…

Но Андрей Венимаминович оказался проворнее. В трубке раздались частые гудки.

Кофе остыл, «Макдональдс» наполнился людьми, существование с каждой минутой теряло комфортность.

Гриша открыл сайт с объявлениями о сдаче квартир посуточно. Раздражение отполировало утреннюю усталость. Но волнения по-прежнему не было. Проблема с квартирой в Одессе? Да еще в конце ноября? Немыслимо. Во все времена в этом городе, где сдача квартир внаем туристам кормила половину его жителей, считалось великой удачей для хозяина найти нормального клиента в конце ноября. Ну кто ездит в Одессу в конце ноября? Командировочные по делам, отпетые романтики, секс-туристы из Турции, да вот такой странный тип, как Гриша. Собиратель человеческих характеров, охотник за раритетными персонажами и странными историями.

Уже пятый год Гриша приезжал в Одессу, чтобы встречаться со стариками, которым есть что вспомнить. Бывший контрабандист с висячими бровями, парализованный милиционер, который начинал еще в «жуковскую ликвидацию», трубач, проплававший на круизных лайнерах пятьдесят лет, торговка с Привоза с шестидесятилетним стажем. С ними встречался Гриша, расспрашивал, записывал на диктофон осевшие голоса, сквозь старческий кашель, сквозь осадок времени из легких выкладывавшие ему крупицу за крупицей – чужие жизни. Зачем он это делал? Своим собеседникам он на этот вопрос отвечал, что писатель, что ищет сюжеты, что собирает материал для книги. От наводящих вопросов отбивался нехитрыми выдумками: дескать, детектив с любовной линией хасидки, сбежавшей из семьи, и алжирского пирата. Конечно, такая парочка могла встретиться только в Одессе.

Старики общались с ним охотно, к большинству из них давно никто не прислушивался, не ворошил линялое тряпье их молодости. А поговорить им хотелось. И вспомнить, и приврать, и задним числом свести с кем-то счеты, восстановить справедливость или – просто переписать набело то, что не удалось прожить.

Гриша всегда угощал рассказчиков сытным обедом, наливал столько рюмок, сколько рассказчик желал выпить, на все вопросы об оплате счета согласно кивал, улыбаясь. Говорил, что это – часть отпущенного издательством бюджета на сбор фактуры.

Никакого издательства, конечно, не было. Свои интервью Гриша брал для того, чтобы прикоснуться через разговор

ко времени, когда индивидуализм и героизм были обыденностью, а порядочность – нормой. Ну, и чтобы хоть как-то для себя оправдать, зачем он приезжает в этот странный город, в котором ему почему-то так легко и комфортно. Стеснялся признаться себе, что приезжает сюда подышать немного, порадоваться жизни.

Денег у Гриши было немного, собирался в одесские командировки он всегда «на свои» и всегда поздней осенью, зимой или ранней весной. Когда в городе не было бесцельных туристов, толкотни на улицах, суетного говора. Когда по улицам гулял ветер, разнося запахи. Когда квартиры падали в цене и будто сами напрашивались: ну, сделай одолжение, сумасшедший, приезжий! Приперся в ноябре? Сними нас хоть на выходные!

В этот приезд Гриша договорился о встречах с бывшим военным прокурором Крыма и с генералом МВД в отставке, лично бравшем маньяка Чикатило. Осталось только поселиться.

– Ну, вот и я, встречай, Одесса! – Гриша засучил рукава и вскинул телефон наизготовку. – Какие будут предложения?

Для начала осмотрел варианты в любимом центральном квадрате: Бунина – Ланжероновская – Вице-адмирала Жукова – Пушкинская. Удивился. Предложений было немного, а красивых – наперечет. Первый звонок, и сразу – отрезвляющий душ.

– Ну, што ви хочете? – скрипучий голос пожилой женщины выражал удивление того типа, что для некоторых – посильнее презрения. – Ну я же не автомат вам повторять, ну все сдано до лета. Ну имейте терпение!

– Как так? У вас объявление свежее…

– Ну не путайте буквы с рыбой. Это впрок. А вдруг кто-то такой же нетерпеливый, как ви, позвонит и захочет забронировать на лето?

– Вы думаете, что говорите? – оставаться вежливым не было сил. – Какое лето? Еще только конец ноября!

– Я всегда думаю, мне, в отличие от вас, есть чем. А ви звоните, когда решите с датами на лето.

Гриша выругался под гудки из трубки. Набрал следующий номер. Тот разместился под фотографиями импозантной студии с изразцовым камином в углу, новой мебелью и небольшим

балкончиком по фасаду – автографом итальянца, принимавшего заказы еще от министров Александра Второго.

– Сколько вас будет жить? – мужчина на том конце был деловит и оттого казался неприветливым. Но его деловитость, которая раньше бы оттолкнула, сейчас обнадежила.

– Один. Чистоплотный мужчина, люблю тишину и покой.

– На сколько вам?

Гриша позволил себе секундную паузу и – выдал коронный хук:

– Недели на две. Потом, возможно, продлю… – раньше на этих словах Гриша прямо в трубке чувствовал, как замирало сердце домовладельца. И как затем ускорялось до галопа, и весь он на том конце трубки вытягивался, а в голосе сочился мед, и он был готов – Гриша чувствовал это – готов раскрыть сердце, душу, тайные мысли для такого заманчивого клиента. Но в этот раз в голосе домовладельца ничего не изменилось.

– Это вряд ли.

– В смысле?

– В смысле – вряд ли получится.

– Почему? – обескураженно выдохнул Гриша.

– У меня квартира освобождается послезавтра на три дня, потом бронь на четыре, потом – еще два дня свободна, потом – на неделю занята.

– Так освободите, перенесите брони. Вы меня услышали? Я на две недели беру, а потом продлю. Возможно, месяц проживу. Месяц посуточно!

– Не имеет значения, – легкий вздох, первая эмоция за весь разговор. – У меня брони через букинг-ком, я не могу отказаться, назначат штрафы, мне невыгодно.

– Простите, это – Одесса? Я не ошибся городом?

– Да, все меняется.

Еще пять звонков хозяевам квартир в центральном квадрате не привели к желаемому результату. Гриша, как мантру, выдавал затверженный текст:

– Квартирки у вас? Мне нужна небольшая, но очень красивая квартирка в центре. На одного. Со свежим ремонтом, лучше – дизайнерским. С хорошей интересной мебелью, с балкончиком. Что-

бы вдохновляла. Небольшую можно. Но чтобы – игрушечка. Порадоваться жизни. Подышать.

Предложили Маразлиевскую. Но внутри темно, обои черные, освещения – чуть. Темный парк Шевченко, свежий воздух, конечно, но – гопники. И – темно.

Вот появилась Ришельевская, но – угол с Большой Арнаутской, от центра далеко, от вокзала близко, вокзальный район, ни ресторанов приличных, ни кафе рядом… Дом – черная сталинка, и – вокзал, вокзалом пахнет, некошерно.

Усталость морила, сказывался недосып в дороге, вагонная болтанка, железнодорожная вода. Гриша сдался. С двумя сумками он добрел до средней руки отеля на Пантелеймоновской и снял номер за шестьсот гривен. Средний номер в среднем отеле.

Принял душ и сразу же залез под одеяло. Сон пришел мгновенно, но постоянно прерывался. В отеле шла непримиримая борьба против любых секретов постояльцев друг от друга, борьба с приватностью. Гриша слышал шаги по коридору, легкую перебранку горничных, смех девушек, которых веселые постояльцы вели в номера, стоны тех же девушек – отовсюду. Любой звук, раздававшийся в отеле, казалось, исходил из собственной прихожей. Шестьсот гривен. И белье несвежее.

* * *

Кое-как выспавшись, Гриша первым делом раскрыл ноутбук и принялся относительно свежим взглядом просматривать варианты квартир. Что ж, если чудесные варианты в центральном квадрате с балконами и каминами разбиты бронями с букингком и эйр-би-энд-би, возможно, стоит на время понизить планку. Пожить неделю в квартирке попроще, а там не торопясь подобрать идеальную, запрячь маклера, пусть заработает свои проценты, главное – найти свою квартирку. Отступить, чтобы выиграть битву.

Гриша листал страницы сайта, удаляясь от центра, снижая запросы. Вот промелькнуло знакомое фото. Под призывной надписью «отменный вариант для романтического уикенда» – фото спальни, в которой Гриша пару лет назад неплохо отдыхал после

общения с разговорчивыми собеседниками. И номер телефона – тот же. Ангелина. Вроде общались приязненно, расставались довольные друг другом.

– Ангелина, как поживаете? Это Гриша, помните, жил у вас пару лет назад? Писатель…

– А-а-а, помню вас, рада слышать.

– Я в Одессе, как ваша квартирка?

– Квартирка стоит, ждет вас, – Ангелина улыбалась в трубку, как же приятно было после всех прохладных разговоров наконец-то почувствовать забытую уже одесскую теплоту.

– Я на неделю для начала…

– Прекрасно. Семьсот гривен в сутки будет.

– Сколько? – Гриша не смог скрыть возмущения.

– Это только для вас. Вообще, за восемьсот пятьдесят сдаю.

– Побойтесь бога! Откуда такое? Я же за триста у вас снимал…

– Ну-у-у, когда это было…

– Полгода назад!

– У нас тарифы с первого декабря повысят. Газ, свет, вода…

– Я в отеле сейчас за шестьсот живу…

– Им легче. Они за все номера оптом платят. А мы теперь все – заложники у правительства. Теперь вам, туристам, придется на карман нашим коррупционерам работать. А к лету, говорят, тарифы еще поднимут. Тогда только туристы и будут снимать…

Все это Ангелина говорила, не переставая улыбаться в трубку. От этого лицо ее представлялось Грише блюдцем с размазанным по нему вареньем. Но аппетита картина не вызывала.

Следующие три дня он искал квартиру в режиме непрерывной напряженной работы. Проснувшись, выходил из шумного отеля, садился в кафе, открывал ноутбук и звонил, звонил, звонил. До вечера. Запланированную встречу с генералом МВД в отставке перенес, сославшись на нездоровье. Внешне приличных и подходящих географически вариантов появлялось не больше пяти на день. И – начинались переговоры. Изнурительные, вытягивающие жилы и мозговое вещество переговоры, одного раунда которых хватило бы, чтобы выбить у мэрии подряд на перестройку всего центра города.

– Я по поводу двушки на Пушкинской угол Троицкой. Какой там у вас этаж?

– Этаж второй, балкон во двор, но…

– Что?

– На балкон нельзя выходить…

– Почему?

– А вы не в курсе? Там многоэтажку, новострой лепят впритык. Наш дом уже трещиной пошел! У нас на доме баннер во весь фасад: «Гефест разрушает наш дом!».

– Гефест?

– Ну или Каддор, черт их разберет, третий год специально доводят в центре дома до разрушения, а на их месте свои высотки лепят.

Тем же вечером Гриша специально прогулялся на Пушкинскую угол Троицкой. За оголившимися платанами виднелся рекламный бигборд строительной компании. «Радуйтесь жизни в новой квартире! Каддор – бизнес с божьей помощью».

На следующий день он пил кофе и снова звонил.

– Алло! У вас на Греческой все в порядке?

– А что там может быть не в порядке?

– Балкон целый?

– А почему ему не быть целым?

– Я хочу снять на две недели, договоримся?

– А почему же двум приличным людям не договориться?

– Тогда я приду посмотреть. Когда можно?

– А когда вы хотите?

– Да, я уже здесь… Можно сегодня?

– А почему нельзя? Приходите. Там найти легко, от угла увидите, дыра рядом с парадной, это – к нам.

– Дыра?

– А что вы хотели увидеть? Водокачку?

– Почему дыра?

– А что бывает, когда делают взрыв?

– У вас был взрыв?

– Вы что, не читаете новости? Даже за прошлый год?

В прошлом и в позапрошлом годах в Одессе гремели взрывы. Обычно это случалось рядом с жилыми домами, в которых первые этажи занимали государственные учреждения. Однажды целенаправленно взорвали вход в ресторан «У Ангеловых». Слава Богу, никто не пострадал. Говорили, что взрывают для какой-то раскачки каких-то революционных или контрреволюционных масс. Что это означало, Гриша так и не понял. То ли сторонники принудительной украинизации хотели убедить горожан, что сепаратисты опасны и действенны, то ли – наоборот. После того как взорвали фугас у здания СБУ, «пиаровские взрывы», как их прозвали одесситы, на время прекратились.

* * *

– Здравствуйте! Вы квартиру сдаете?

– Конечно! А вы кто?

– В смысле? Человек…

– У вас говор российский. Вы из России?

– Ну… а это важно?

– Да нет, вы не подумайте, я нормально к россиянам отношусь, просто интересно, зачем вы приехали в Одессу в несезон? Ноябрь…

– Да просто приехал, жизни порадоваться.

– Порадоваться?

– А чем еще заниматься в Одессе? Здесь же все жизнерадостные, с юмором. Вот и я приехал, сдайте мне квартирку, пожить, жизни порадоваться…

– Странный вы, честное слово, подозрительный… Кто ж в ноябре в Одессе жизни радуется?

– Оптимисты. У вас есть для меня вариант? Только, пожалуйста, очень уютный. На одного, пусть будет небольшая квартирка, но – теплая, приятная. Игрушечка. Я – писатель, мне вдохновение нужно… Ну и – жизни порадоваться.

– Конечно-конечно! Мы писателей любим. Знаете, у нас жил писатель, такой приятный человек, такой милый был, почти не выходил из дома, еду заказывал домой, каждую неделю коробки из-под пиццы выносили стопками, а еще девки к нему ездили

каждую ночь, по двое, и по трое иногда, но – тихо было, соседи не жаловались, а мы подумали, ему, наверное, для вдохновения девки, а то как-то слишком тихо у него с ними, ну мы все понимаем, мы люди современные, а потом – он же в Одессу приехал, как же тут без…

– Извините, что перебиваю, но мне бы квартирку, красивую, с ремонтом…

– Конечно-конечно, приезжайте хоть сейчас смотреть. Будем очень рады писателю. Мы писателей любим, а вы про что писатель? Не про политику же, наверное, нет? А то у нас вся лестница в парадной зеленкой залита, правый сектор, ну – как правый? Правый-левый, кто их сейчас разберет… Мальчишки, шпана, облили зеленкой соседа будущего вашего, про него тут все говорят – сепаратист, он в фисбуке у себя пишет, чтобы русский язык сделали государственным и фильмы на русском показывали, зачем ему – непонятно, все про это и так знают, все на русском говорят и фильмы на русском в Интернете смотрят, а он зачем-то выступает об этом громко, так его зеленкой облили, когда по лестнице спускался, жалко лестницу, белый мрамор был итальянский, а теперь вся – в зеленке, но вы не переживайте, это – мальчишки, хулиганье, им кто-то по двести гривен дал, они и облили, а так – у нас все спокойно, вообще, двор тихий у нас, и писателей мы любим, милости просим, так когда вы…

– Спасибо, я в следующий раз, наверное.

На пятый день жизни в среднем отеле, непримиримо противостоящем любой приватности, Гриша перестал пить кофе по утрам. Вместо утренней чашки, глядя на слякотный ноябрьский город, он думал: «Чего я здесь делаю? Дался мне этот бывший военный прокурор Крыма! И бывший генерал МВД подождет, ему 75 всего! Надо валить отсюда, из темных переулков, заваленных раскрошившимся ракушняком, от ветреных площадей с вырытыми кем-то и забытыми до весны трамвайными рельсами. Прочь отсюда, в залитый праздничными огнями Киев или еще дальше – в Москву, где – хруст снега, денег и беспощадные огни, стирающие грань между днем и ночью. Туда, в комфорт. А здесь –

унылые серые улицы, застрявшие между осенью и весной, между веселым прошлым и неясным будущим. Здесь падающие балконы и измученные бытом домовладельцы. И – никакой надежды на домашний уют или хотя бы на приватность».

Гриша попытался позвонить владельцам апартаментов в Киеве, прощупать почву, но оказалось, ему заблокировали сим-карту. В справочной сказали, что это – правила компании Vodafone, сменившей на рынке сотовой связи агрессивно-маркетинговый МТС. Если с его номера исходило множество вызовов на разные не повторяющиеся номера, значит, его подозревали в автоматических рекламных рассылках.

Гриша швырнул телефон на кровать и – безоружный – отправился в бар. Там его напоила текилой очень взрослая женщина с круглыми глазами, каждую секунду готовыми заплакать.

– Что ж это такое? Разве ж это Одесса? – жаловался Гриша женщине, которая кивала головой в такт каждому его слову. – Вот приехал зимой жизни порадоваться. Неужели ж во всей Одессе не найдется красивой квартирки, чтоб отлежаться, привести себя в порядок, подышать влажным воздухом с полезными солями?

– Да что ты, – отвечала усталая собутыльница. – Мою мать посадили в тюрьму за то, что выращивала марихуану на огороде. Дали 3,5 года. А у меня самой – больной ребенок, и за квартиру два месяца не плочено. Скоро выселят. А клиентов мало. Поживи у меня?

Из бара он бежал, нетрезво петляя по темным улицам. Кошки шарахались от него, уличные девки отказывались брать его деньги, и даже нищие попрошайки не рисковали протягивать к нему свои костлявые руки.

На следующее утро он отыскал телефон под кроватью, проверил сигнал – симку включили. Дрожащими с похмелья пальцами Гриша отыскал в записной книжке так и не удаленный номер «Одесса. Маклер Татьяна», сделал вызов.

– Татьяна, это Гри…

– Да, здравствуйте, узнала вас! – голос Татьяны звучал так приветливо, будто и не было утренней размолвки шесть дней назад, будто он все эти шесть дней дарил ей цветы и сладкую сдобу. – Рада вас слышать! Нашли что-то?

– Нет…

– Вот и хорошо! А мы ковер перестелили. Теперь – хороший ковер, чистый, с упругим ворсом. Вы любите зеленый цвет?

– А ювелир… на ковре… в гостиной? Или – в спальне?

– Да не волнуйтесь вы так за ювелира, его вообще на лестничной площадке убили. Когда хотите заехать?

– Сегодня…

– На сколько?

– Недели на две для начала. Потом продлюсь, может быть…

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Сахр

Над объездной дорогой, которая огибала город по кромке лиманов, висела горячая пыль. Потоки машин двигались в обе стороны почти без перерывов.

Возле дежурной машины ГАИ страдал от жары сержант Васютинский. Пыль скрипела на зубах, воротничок рубахи мигом почернел и натирал шею, мучительно хотелось холодного пивка. А на середине лимана на надувной лодке удил рыбу какой-то мужик, и ему не было жарко! Хотя его коллеги, удившие на берегу, давно разошлись по домам.

По шоссе с дозволенной скоростью двигались тяжелые фуры. Между ними, как назло, тоже по правилам ехали иномарки с затемненными стеклами и маршрутки.

Звякнул мобильник – пришла SMS. Сержант отвернулся от солнца, чтобы прочитать текст.

Когда он поднял голову, то не понял, что произошло. Дорога, только что заполненная транспортом, была совершенно пустой. Пыль, только что поднятая фурой у обочины, висела в воздухе, а самой фуры не было даже в отдалении. А главное – тишина. Абсолютно ватная тишина, и ни дуновения ветерка.

«Какая жара, – подумал сержант. – И машин нету. Наверное, что-то случилось. Еще и с двух сторон. Может, кто-то пере-

* Продолжение. Начало в кн. 64-70.

крыл дорогу для начальства? А чего не предупредили? Пойду, позвоню».

Не успел он дойти до автомобиля, как со стороны поселка появились первые машины. Когда они приблизились, сержант не поверил своим глазам.

Впереди колонны мчались галопом четыре белых верблюда по два в ряд. На каждом верблюде висели по два огромных барабана. Четыре наездника в шелковых синих шароварах, красных расшитых золотом куртках и оранжевых чалмах ритмично били в барабаны колотушками. Руки их двигались медленно и торжественно, как при замедленной съемке. Звуков слышно не было, но при каждом ударе колотушки закладывало уши и екала диафрагма под солнечным сплетением.

Верблюды тоже двигались медленно, как будто плыли в мареве над дорогой, хотя было очевидно, что они скачут что есть сил.

За наездниками по шоссе двигались гуськом три черных джипа. Над первой машиной четыре огромных трехметровых негра несли красный балдахин с кистями на четырех шестах. Негры были совершенно черные, под цвет джипа, и такие же блестящие, в красных набедренных повязках, золотых ожерельях и страусовых перьях на головах.

Процессия поравнялась с Васютинским. Окна автомобилей были тонированы, и разглядеть пассажиров было невозможно. Сержант на всякий случай стал смирно и взял под козырек.

На крыше последнего джипа сидели два здоровенных павиана. Проезжая мимо Васютинского, павиан повернулся, открыл пасть, показав огромные клыки, и лапой что-то бросил сержанту. Тот машинально поймал и зажал в кулаке. Потом сержант крепко закрыл глаза и помотал головой.

Открыл – никаких джипов с верблюдами и павианами не было.

По шоссе в двух направлениях двигался поток машин.

Разжал ладонь. На ней ехидным вопросом лежала золотая монета, до отвращения реальная, с изображением двух пере-

секающихся треугольников и каких-то восточных букв. Монета была тяжелая и солидно лоснилась, отшлифованная сотнями рук.

Сержант еще раз посмотрел на монету, подошел к парапету, размахнулся и зашвырнул ее в лиман.

Петя

От увиденного Петя остолбенел, внутри все сжалось, навалилось осознание непоправимости и горя. Одновременно возникла мысль, что надо что-то делать, что это подстава, и что это только начало бедствий. Что же будет дальше?

Петя почему-то аккуратно поставил мясорубку возле стены и бросился вон из квартиры.

Времени запирать дверь не было – внизу слышались тяжелые торопливые шаги. Петя побежал вверх по лестнице. На четвертом этаже остановился и прислушался. Ему показалось, что хлопнула его дверь.

«И отпечатки пальцев остались! – возникла идиотская мысль. И тут же была отвергнута как идиотская. – Там же везде мои отпечатки – живу я там», – подумал Петя и удивился своей способности здраво рассуждать.

«Сейчас они увидят, что меня нет, и бросятся искать». Кто такие «они», Петя не сомневался. Вниз идти нельзя – засада, вверх некуда. Тут ему попалась на глаза дверь Жориной квартиры. Позвонил. Кто-то заглянул в глазок, дверь открылась, и появился жующий Жора.

– Можно от тебя позвонить, а то у меня чего-то... – Петя сделал неопределенный жест.

– В комнате на тумбочке, – Жора махнул рукой в сторону комнаты и отправился на кухню.

– Кофе будешь? – донесся оттуда не совсем членораздельный вопрос: Жора не переставал жевать.

Красный телефон стоял на тумбочке у дивана. Куда звонить? В милицию? И сказать, что я только что убил человека мясорубкой, и за мной гонятся джинны, спасите?!

Соломону? Так, вероятно, он это все и организовал, гандон надувной. Галине? Она же лежит в прихожей с раскроенным черепом.

Выхода не было. Сейчас сюда ворвутся джинны в какой-нибудь подходящей форме и заодно прихватят жующего Жору.

Петя вышел на балкон, постоял минутку и начал перелазить через перила.

– Ты куда лезешь, суицидный ты наш? – остановил его на полдороге к полету голос Жоры. – Сорвешься на хрен – одна печенка долетит.

Жора стоял в дверях комнаты с чашечкой кофе в руках.

Спокойный и будничный голос Жоры произвел на Петю отрезвляющее впечатление. Он обнаружил себя сидящим верхом на балконной ограде одной ногой над пропастью, вспомнил советы лилии, перед ним всплыло лицо Галины. Не лежащее с удивленным выражением в луже крови, а живое и смеющееся.

– Ах вы ублюдки драные, – сказал Петя, выговаривая раздельно каждое слово. – Так вот что вы для этого делаете. Я вам устрою кердык рукотворный.

Что-то в его голосе и выражении лица не понравилось Жоре. Он нырнул за дверь туалета и закрылся изнутри.

Распахнув дверь, Петя выбежал на лестницу и побежал вниз, пропуская ступеньки. Из его квартиры кто-то попытался выйти. Петя с разгону ударил в дверь ногой. Дверь с грохотом захлопнулась, внутри что-то упало.

Выбежав на улицу, Петя пробежал еще метров двадцать и завернул за угол дома. Остановился, выглянул.

Никакой погони не было. Было раннее утро. Только что прошел дождь. Куда-то спешили двое прохожих. Подобная безмятежность Петю не успокаивала. За ним мог следить любой воробей или вон тот толстый голубь. Надо было действовать, и притом быстро. План уже созрел, и Петя, бормоча про себя: «Ну, я вам покажу!» – направился к аптеке.

Аптека еще не открылась, и Пете пришлось подождать минут десять под дверью.

– Мне презервативов пачек десять, потоньше, – сообщил он девушке, как только она стала за стойку.

– Вам какие? У нас все тонкие и прочные, – спросила она, показав рукой на витрину.

– Мне все равно, давайте быстрее, и прочность совершенно не обязательна.

Получив заказ и расплатившись, Петя быстрым шагом вышел из аптеки.

– Недогулял, наверное, – с уважением предположила вторая дама, выходя из подсобки.

– И о демографическом положении страны заботится, – отозвалась первая. – Таких мужиков редко встретишь.

Остановив такси, Петя влез и сказал:

– В храм, быстрее!

– В какой храм? – спросил водитель в некотором недоумении.

– На Пушкинской, – уточнил Петя, поняв, что он говорит не все, что думает.

Выйдя возле церкви, Петя решил, что ему не во что будет набрать воду. Он зашел в супермаркет, купил двухлитровую бутылку «Лужанской» и вылил ее под дерево. Набрав в бутылку святой воды и кинув пять гривен в ящик для пожертвований, компенсируя затраты на освящение воды, Петя вышел из храма и обосновался в сквере на скамейке. Он стал доставать из оберток по одному презервативу и наливать в них освященную воду из бутылки. Наполненные колыхающиеся презервативы он завязывал узлом и аккуратно укладывал в целлофановый кулек, прихваченный в супермаркете.

Бомжи, отдыхавшие на соседней скамейке, на всякий случай снялись и удалились, позвякивая стеклотарой в сумках. Странный человек может быть опасным, решили они.

Через полчаса и пятьдесят гривен Петя выходил из машины на дороге над Куяльницким санаторием. Машина, развернувшись, уехала, а Петя бодро зашагал в поля, приговаривая:

– Вот я к вам сейчас вернусь. Посмотрим, кто покойник. Где тут ваши гребаные двери?

Ворота стояли на месте. Не мешкая, Петя достал первый снаряд и метнул в замок калитки. Задвижка с проушинами зашипела и исчезла. Замок упал на землю. Петя бросился вперед, распахнул дико скрипнувшую калитку и прошел через нее.

То же поле, те же бурьяны и лиман на горизонте.

– Так, значит, вот как у вас тут все схвачено, – пробормотал Петя. – Посмотрим, как вы будете высовывать из своей норы рыло, когда я выход завалю.

Он отошел шагов на пять от ворот и бросил еще один снаряд. Ворота зашипели, на левой створке появилась дыра в форме большой кляксы. Воодушевленный первыми успехами, Петя стал доставать по одному перекатывающемуся в пальцах наполненному водой презервативу и прицельно метать в остатки все уменьшающихся ворот.

От ворот оставался правый верхний угол, висящий в воздухе, когда Петя услышал у себя за спиной плаксивое завывание. Голос был человеческий, но с какими-то скулящими собачьими нотками.

– Ну нельзя же так, мы же пошутили, а ты такой хороший проход закрыл. Теперь ищи-свищи в поле. Я его три года искал.

Петя бросил снаряд в угол ворот, и от них вообще ничего не осталось.

Метрах в двадцати позади него сидел желтый песик и причитал, указывая передней лапкой на место, где раньше находились ворота.

– Ах ты ж сука, – прошипел Петя, нащупывая в пакете последний презерватив.

– Простите, кобель, – поправил его песик, приготовившись удирать.

– Тебе уже все равно, гавно собачье, кал еси, – закричал Петя, прицеливаясь «снарядом» в песика.

Песик рванул по огородам. Петя за ним. Бросить можно было только наверняка. Минут через пять такой гонки по пересеченной овощами местности, Петя понял, что собаку ему не догнать. Тем более – джинна в собачьей шкуре. Кроме того, Асаф во время бега зигзагами все время предлагал остановиться и поговорить.

Петя, запыхавшись, благосклонно принял предложение, так как бежать уже больше не мог.

Асаф сел поодаль, выглядывая из-за деревянного ящика, лежащего между грядок.

– Так, говоришь, это у вас шутки такие? – поинтересовался Петя с недоброй ухмылкой, пытаясь незаметно приблизиться к Асафу на расстояние верного броска.

Песик этот маневр разгадал и передвинулся за куст чертополоха.

– Труп моей Галки, которую я убил своими руками с вашей подлой подставки, и менты, что меня тут же и повязать должны были, – это тоже шутки в джинновском варианте?

– Да никого ты не убивал, все живы-живехоньки. Твоя Галка вот сейчас только приехала и в дом входит. Позвони – убедись!

– Не буду я звонить – опять ваши понты дешевые. Если вы Галку скопировали, то ее голос и подавно.

Выдав такую логически правильную фразу, Петя все-таки достал мобильник и позвонил к себе домой. После нескольких гудков трубку сняла Галка.

– Привет, Петя, – сказала она.

– Откуда ты знаешь, что это я? – удивился Петя.

– А только ты знал, когда я утром приеду.

– Да, конечно, – согласился он. – А как ты там? Жива, здорова, ничего у тебя не болит, голова, например?

– Петя, ты какой-то сегодня странный. Уж не загулял ли в мое отсутствие, что с утра о головной боли спрашиваешь? Ты где сейчас?

– Недалеко в городе. Я скоро приеду, поговорим. Целую.

Петя выключил мобилку.

– Ну, – ехидно сказал джинн, – убедился?

– Убедился я только в том, что я разговаривал с кем-то, кто говорил голосом Галины, и знает, что это я ей звоню, – логично заметил Петя.

– А когда ты с ней встретишься, ты будешь уверен только в том, что живешь с существом, полностью копирующим Галину во всем. И всю жизнь не будешь уверен, она ли это, или ее полная копия. И будешь придумывать способы

выяснения, пока окончательно мозгами не поедешь. И это отнюдь не шутки джиннов, а фокусы человеческого сознания. Хотя с точки зрения формальной логики, если два существа полностью идентичны, то это одно существо в двух экземплярах.

– Так ты, сволочь, еще издеваешься, – взревел Петя и бросил «снаряд» в песика. Презерватив с треском разбился о сухую землю. Песик отпрыгнул, но несколько капель все же попали ему на шкуру. Пораженные места задымились, песик заскулил и стал увеличиваться. Через несколько секунд между грядками стоял давешний старик в ветхой желтой хламиде с дымящимися подпалинами. Как будто одежду обрызгали серной кислотой.

– Зря ты это, Петя! Ну и чего ты добился? Хороший проход поломал. Сахру на это начхать – он эти проходы одним поднятием брови делает. А я отсюда в ближайшее время все равно никуда не двинусь. И шкуру мне попортил, теперь люди будут думать, что у меня лишай. Тебе ж от этого никакой пользы. Думаешь, тебя прессовать перестанут? Неа. И бросаться с Тещиного моста не советую. Хотели бы тебя убить – тебя бы уже не было.

– Говорите, больной, говорите… – пробурчал Петя, устало сев в траву. Злость прошла, но расслабляться было нельзя – понятно, с кем дело имеешь.

– Ты бы, Петя, не наглел, а спасибо сказал, что Сахр тебя не прикончил.

– И еще бы его в жопу облобызал за все его милости! – вызверился Петр. – Меня уже месяц вся ваша братия сожрать хочет по очереди. Но я не то колючий, не то ядовитый – что-то вам в глотку не лезу.

– Тебя как человека попросили: «Сделай одолжение, век будем благодарны».

– То есть убивать перестанете? Спасибо! Вот услуга так услуга, аж слеза прошибает. Благодетели!

– Ну подумай сам. У нас тут война назревает. Конец света – это, конечно сильно сказано, но идиоты есть и у нас. Затеять войну – раз плюнуть, остановить попробуй. Если джинну вож-

жа под хвост попадет – его сам Непроизносимый только убить может – иначе не остановишь. А тут такая штука: 5 километров – и все джинны в обмороке. Да может, эта штука мир в последнюю минуту удержит.

– Или вы ее уничтожите, и тогда вообще миру гамплык.

– Знаешь, Петечка, – старик тоже сел на траву, но на всякий случай от Пети подальше, и вид у него в его рваной дерюге стал усталый и замученный. – Я тут кое с кем поговорю – перестанут тебя прессовать. А ты подумай на досуге.

Джинновские войны – они ведь руками людей ведутся. Как у людей, война дубинами. Всякие там вулканы, ураганы, землетрясения – это уже крайняя мера. Так что, ты подумай, подумай! Я тебе свисток дам, как надумаешь – свистни. Тут к тебе кто-нибудь из наших придет и скажет, куда и как. А то пока на тебя жмут, ты из упрямства думать не хочешь, чтоб наш верх не был. Так что, пока, Петюня, до встречи!

И старик вдруг начал расплываться, теряя форму, на секунду стал серым туманным веретеном и вдруг превратился в желтого пса с подпалинами на клочковатой шкуре. Пес глянул на Петю желтыми с вертикальным зрачком глазами, задрав лапу, помочился на соседний куст картошки и, прихрамывая, побежал прочь.

Петр еле тащился по жаре, справа и слева от проселочной дороги тянулись пыльные ряды зеленых помидор. Вдали виднелся лиман, не обещающий прохлады.

Мысли одолевали его одна хуже другой. Особенно беспокоила мысль, что джинны воюют руками людей. Петя жил в Одессе всю жизнь и примерно знал, кого и как джинны могут пристроить воевать. И жизнь от этого лучше не казалась. На фоне этих размышлений свои горести уже не выглядели такими ужасными, но выхода все равно видно не было.

– А чего это я все сам и сам? – сказал себе Петя. – Мало ли какой лапши этот гад мне навешает. А пойду-ка я к Дионисию, он, в конце концов, тоже в этом деле интерес имеет. Опять же Никифор должен про эти дела знать больше нас всех.

Словно в ответ на его мысли он услышал грохот и увидел, что его догоняет потрепанный «Москвич» с багажником на крыше. На багажнике высилась груда алюминиевых бидонов, связанных веревкой, и жутко грохотала. «Москвич» остановился. В машине сидел пожилой дядька с усами.

– Садись, парень, – предложил он. – На такой жаре без шляпы – солнечный удар получишь.

– Да у меня только пятерик, – смутился Петя.

– Тоже деньги, – сказал мужик.

И Петя сел в машину

Продолжение следует

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Поэзия

170 **Наталья Королева**
Не бывает людей чужих

177 **Жанна Жарова**
Зябкая веток дрожь

183 **Феликс Гойхман**
Но если музыка жива

187 **Рита Бальмина**
Приговори меня к себе

194 **Наталья Резник**
«Что исправлять! Меня уже родили…»

199 **Евгений Петров**
На фестивале как-то раз…

Наталья Королева

Не бывает людей чужих

* * *

Прямой доставкой из серебряного века
в сиянии распахнутой строки
неравнодушье получите к человеку
в обвертках сероглазой сверхлюбви.
От незнакомки и булгаковского бега
до гумилевской огненной тоски.

* * *

Набираю чужих и своих.
В обезличенной тьме телефона
разрывается голос и стих
звуком зумера, песни и стона.

Набираю всем сердцем весну
и звоню я вам все ж не напрасно.
Позвоню и спокойно усну,
а поутру все будет прекрасно.

«Отойди от окна, отойди!
Здесь сквозняк пробирает тревожно».
Но у марта сквозные пути
по прямым, что достались так сложно.

Подышу и ворвусь сквозняком:
«Мама, дай мне душистого чая!
Распахнуть бы весь мир, как наш дом,
И не надо тогда было б рая.

Только трубку б подняли они.
Расскажу, что люблю и прощаю».
Хлещут ветки об окна мои,
Пробиваясь к подобию рая.

* * *

Не бывает людей чужих!
Кто уходит, кто остается –
им без нас, как и нам без них, –
одинаково достается.

Достается любить и жить
тех, кто был или будет рядом.
Только надо вернуть своих!
Пусть ненадолго, все же надо!

Возвращайте скорей любых –
всех когда-то не отогретых.
Обращайте людей в своих
и на людях не ставьте вето.

Не бывает мест неродных.
На просторе, страхом не сжатом,
вьется улочкой новый стих,
свежий, ветреный, грубоватый.

Нас по-свойски встретят друзья
от Приморского до Арбата.
Но чужими нам быть нельзя!
Все нормально будет, ребята.

* * *

Когда-то люди до времен завета
на всей земле натанцевали лето,
другие в танце с саблями посмели
здесь распушить февральские метели.

А кто-то навальсировал апрели,
из такта выйдя в болеро Равеля.
Чтоб, заломив горячую фуражку,
в кадрили август вышел нараспашку.

Да и сейчас пытливы кастаньеты,
чтоб с танго андалузским для планеты,
одним лишь па, воспламененным степом,
от Мориа летящим менуэтом
наколдовать несдавшееся лето.

* * *

Я не писала вам вчера –
весь день бродила по Одессе.
Зимой набухшая завеса
не скроет пролежни пера.

Я сторонюсь теперь людей.
Без оправдания вдоль улиц
бегут слова от грубых умниц –
от настоявшихся идей.
Особенно боюсь детей –
в их лицах спряталась Одесса.

Здесь словно чеховская пьеса:
без сада стали все грубей.
А сад изрублен и сожжен?
И вы в ответ мне промолчите
или со мною закричите,
что славный город чуть смущен.

Найдется ль новая броня,
одев надеждой тротуары?
Но я теперь иду на пары.
Вы помолитесь за меня.

* * *

Как зима бы скоро ни случилась,
я предвижу тихий разговор.
Хоть нет смысла принимать за милость
ноября обманчивый декор.

Все ж уступит он недолгой встрече.
Даже если будет снегопад,
снегопад не станет нам перечить,
мотыльками облепив наряд.

Чем бы там земля ни принакрылась,
я предчувствую ваш мягкий взор.
Я не зря бодрилась и божилась,
что не будет больше с вами ссор.

Как бы зло ни разыгралась буря,
представляю звонкую метель.
Разукрашены дома глазурью,
небо – распечатанная гжель.

Наши все раздоры и укоры
распушатся в белых мотыльках.
Сбудется предчувствие так скоро,
заискрившись в дорогих глазах.

* * *

К слову о хороших людях –
разные, как времена.
И по людям время судят –
их заслуга иль вина.

Кто по времени в почете,
сам, конечно, не судим.
Не останется в просчете,
выйдет из воды сухим.

На сухом живет расчете
наш приличный гражданин,
не конфликтен по природе
и к властям всегда терпим.

Всем хорош, всегда умерен,
при деньгах и при жене.
Европейской моде верен,
он при связях и в цене.

Отчего же дух бунтует
от слащавых плохишей,
что тихонечко жируют,
приодевшись под людей?

И, душевные банкроты,
хорошеют плохиши.
Может, резким апперкотом
одолжить и им души?

Кто хорош? Какой критерий
прилагает к нам мораль
мира, что теперь измерен, –
каждый вздох, кивок, деталь?

Как укрыться от неверий
в неизмеренность мою?
Не вините: я не гений,
я вас тоже виню.

Не виню и проходимцев,
подлецов или ханжей.

Ведь теперь не время злиться –
бунт мой против тиражей.

Математика бессильна
рассчитать сердца людей,
а рассудок, бед посыльный,
вновь блуждает средь теней.

Коротко, предельно ясно –
воздается по уму;
нелогично ж, но прекрасно
сердцу верю одному.

Этот мускул безотказный
мне кричит: «Не осуди!
Приглядись-ка беспристрастно –
и сотрутся тиражи.

Разглядишь под маской грязной
человеческую быль,
просто нас разнообразны
наполняют боль и пыль.

Каждый может быть отважным,
если чуточку любим.
Может, и плохиш однажды
ранен был, теперь – раним».

Присмотритесь к человеку –
и отыщете добро,
прибавляя жизни веку,
как советское кино.

Через бури, через штили
мы придем на суд времен.
Только нас опередили –
человек уже прощен.

Сводки с Земли: Восьмилетняя Джулия Ренальдо прикрыла собой четырехлетнюю сестру Джорджию и тем самым спасла ее во время землетрясения в Италии, в результате которого дом, где жила семья девочек, был разрушен. Джулия погибла, ее сестра осталась жива.

Жанна Жарова

Зябкая веток дрожь

* * *

Пакует время мой рюкзак,
И сжаты сроки.
А жесткий памяти наждак
Шлифует строки.

И слой за слоем шелуха
Слетает наземь.
И обнажается стиха
Литая фраза.

А ночи злой все гуще мрак,
Но я не трушу.
Стихом, шершавым, как наждак,
Шлифую душу.

До боли закусив губу,
Сдирая кожу,
Итожу годы и судьбу,
И жизнь итожу.

И рвется в клочья черновик,
Шлифуя совесть.
И остается дней моих
Простая повесть.

* * *

Старость – карикатура на человека.

Филлис Дороти Джеймс

Жребия у судьбы не прошу иного
И не желаю жалости Христа ради.
Сяду и свой портрет нарисую снова,
В зеркало глядя.

Карандашом простым, скупыми штрихами –
Не экспонат для модного вернисажа!
Солью волос, морщинами и стихами,
Без макияжа.

Грех горевать: какая ни есть – натура…
Не артефакт – реликт из былого века.
Лишь улыбнусь, коль выйдет карикатура
На человека.

Тайм-аут

Что ж – слава богу, я еще жива.
Беседуя с бессонницей часами,
Еще ищу и нахожу слова,
А то они меня находят – сами.
Мне снова интересен мир земной,
Что был – казался – и сухим, и пресным…
И знаю я – когда придут за мной,
Чтобы доставить в мир иной – небесный,
Скажу посланнику: повремени!
Не торопи меня – я не готова!
Я растранжирила земные дни
И главного не отыскала слова!
Его я поздно начала искать:
Мы оба знаем – часто так бывает.
…Ночная собеседница – кровать –
Скрипит сердито. Время убывает.

Рассвет. Но нет посланника пока.
Заря в окне вывешивает флаги.
Мне дан тайм-аут. И дрожит рука,
Не смея тронуть белизну бумаги.

Новый год

Это всего-то точка отсчета,
Дата в календаре.
Вечного времени малая квота,
Пауза в январе

Сроком в каких-нибудь две недели
(старый и новый стиль) –
Время, когда кружатся метели
Где-то за сотни миль…

Ну а у нас – зима или осень,
Толком не разберешь:
Словно у неба милости просит
Зябкая веток дрожь.

…Время итогов, время отчета
Перед самим собой.
Время сведения старых счетов
С Богом или Судьбой.

Час, когда, наряжая елку,
Чуда невольно ждешь.
Боль укола зеленой иголки –
Словно под сердце нож.

Ночь, когда, подавляя зевоту,
Пялишься на экран.
Миг – ты страстно желаешь чего-то,
Зная, что все – обман.

* * *

Чужим стал город – и дома, и лица…
И то, что прежде не могло случиться,
Произошло – и может повториться
В любой момент.
Когда сердца разделены границей,
Золой и пеплом пишется страница
Истории, где над страной вершится
Эксперимент.

Но эти опыты, увы, чреваты
Утратами – и мы не виноваты,
Что в бой идут безусые солдаты,
И коротка
Дорога в небеса, где Бог распятый…
Что в жизнь былую больше нет возврата,
Где мы когда-то сравнивали с ватой
Лишь облака.

Поездка в Томашполь

Вот дом – не дом, а просто хата,
Где два окна подслеповато
На мир глядят из полумрака,
Где во дворе живет собака,
Исправно на цепи сидит
И дом хозяйский сторожит.

Провинциальное местечко,
Где в хате – кладка русской печки.
Степенный деревенский быт,
Где даже время мирно спит.
Где дети в город улетели,
А крюк для детской колыбели
Еще свисает с потолка.

Где вкус парного молока
И запах хлеба знают люди…
Все это было, есть и будет.
Но здесь хранится с давних лет
Былой войны суровый след.

Вот дом остался, где в подвале
Семью еврейскую скрывали,
И страшно слушать нам сейчас
Хозяйки сбивчивый рассказ.
Нам это все запомнить надо:
Что ход в подвал зовется «ляда»,
Рядно с ведерком нечистот,
Что закрывает в погреб ход,
На нем трехлетняя Мария,
Отец и мать, едва живые:
Приклады – в дверь! В двери солдат,
К виску приставлен автомат,
И во дворе – овчарок свора,
И мамин крик: «Дитина хвора!
Облиш дитину – в неї тиф!»…
А нам твердят, что это миф,
Что, мол, такого не бывает –
Людей, как скот, не убивают…

…Вот у погоста длинный яр,
Где шли толпою – млад и стар –
Евреи смертною дорогой…
Здесь обелиск поставлен строгий,
А там, на кладбище, стоит
Другой среди могильных плит.

А в синем небе солнце светит,
И нет войны на белом свете –
Давно закончилась война.
Над сонным миром тишина…
Лишь эта боль сутулит плечи,

И обелисков белых свечи,
Как часовые на погосте,
Хранят рассказ о Холокосте.

Реомюръ

На градуснике надпись – «Реомюръ»,
И слово – с твердым знаком, по старинке.
И я не знаю, сколько бы купюр
Он затянул на Староконном рынке.

Но он не продается. На стене
Висит по праву у меня в гостиной,
В наследство от родни доставшись мне,
Не хвастая ни родословной длинной,
Ни списком послужным. И я храню
Его, как он хранит свои секреты.
Служа исправно нынешнему дню,
Себе он верен и зимой, и летом.

Признаться, я не коллекционер,
Хоть антиквариат – на гребне моды.
Но «Реомюръ» вписался в интерьер
И бережет мой дом от непогоды.

Феликс Гойхман

Но если музыка жива

Кажется…

Ночью немного странным
кажется все кругом,
кажется бездыханным
наш многолюдный дом.

Лампа чадит немного,
кажется, на беду
бабочка недотрога
прячется на виду,

Кубарем, неуклюже
крылышками семеня,
без интереса, вчуже
смотрит она на меня.

Мечется тень по стенам,
словно душа, легка.
Кажется незабвенным
шорох издалека.

* * *

Среди толпы и суеты
ты – компас мой и теорема,
и если б не твои черты,
я не узнал бы наше время.

Но если музыка жива,
из песни выпадут слова,
из пепла пламя возгорится,
и наше время повторится.

Стрелочник

В мареве жаркой ночи
спать не могу, горю,
выйду из спальни молча,
тихо дверь притворю,

Скупо пахнув прохладой,
свежесть сойдет на нет.
Лучше бы было правдой
то, что грядет рассвет.

Мне темнота постыла,
как нищета и страх,
и тишина застыла
стрелками на часах.

Сдвиги едва заметны
времени колеса,
памяти злые ветры
пробуют голоса.

Где-то плывут зарницы –
тысячи мегаватт.
В том, что душа – не птица,
Стрелочник виноват.

Он никому не виден
и не исповедим,
и не сидит он сиднем,
времени господин.

Ходит и ходит по небу,
и не находит приют.
Это ему на потребу
черные ветры поют.

Где-то вступают тучи
в траурный хоровод.
Жизнь – это частный случай,
вечности поворот.

В этой игре навылет
Стрелочник ходит вспять:
то ли петлю намылит,
то ли отправит спать.

Занавеска

Это пустое место:
стены и потолок,
на окне – занавеска,
как «живой» уголок.

Ни стыда, ни секрета
под луной проливной –
занавески и ветра
полонез продувной.

Эротизм этой пары
объяснят колдуны:
потаенные чары
полоумной луны.

Нежит, словно голубку
кавалер-удалец,
то ныряет под юбку,
то срывает с колец,

то с лукавой ухмылкой
тянет песни свои
о превратностях пылкой
негасимой любви,

что закончится жалко,
гробовою доской,
а пока аморалка
под луной колдовской.

Королева

Ночи прозрачное чрево,
гибельный звездный тупик.
Где ты, моя королева,
в доме червей или пик?

Где тебя носит, родная,
что у тебя на уме?
Звезды горят, не сгорая,
не исчезая во тьме.

Израиль

Рита Бальмина

Приговори меня к себе

* * *

по наклонной вниз я жила в нью-йорке
как в одесском детстве скользила с горки
и при этом над всеми и вся глумилась
я впадала в панику и в немилость
выходила в тираж не за тех из комы
навсегда забыла всю жизнь искомых
я плохая мама и дочь плохая
и пою пустотами громыхая

нахлебавшись грязи с богемной кодлой
поступала пошло грешно и подло
все мои лирические чертовки
просто грубый фейк или фокус ловкий
на ходу меняя задач условия
под ответ подгоняла строки злословие
виртуальных оваций срывала лаву
и теперь пожинаю дурную славу

я словесный мусор сметаю в строки
и от критиков слышу одни упреки
я на ветер пускаю свои зарплаты
и оставлю сыну одни заплаты
я давно растеряла родных и близких
вместо них лишь даты на обелисках
впереди распад по его закону
я прошу не пишите с меня икону.

«Lost»

подземный свет и черный дым
бог погибает молодым
в своем языческом костре сгорая
ведь легче дерзким и крутым
чем умудренным и седым
искать по впадинам пустым
обломки рая

там грех поднявшийся со дна
и злая фурия война
и ребрами зарытый в хвощ
медвежий остов
там жизни жалкая цена
и ложный выбор нахрена
искать над картами таро
свой остров

но нет в лагуне этих скал
не в тех широтах ты искал
задорный роджера оскал
за тачкой ржавой
где страсти исчерпав накал
очаровательный нахал
густые шутки выдыхал
над мертвой жабой

уже не отыграть потерь
в лесах тропических потей
балдей ботаник грамотей
миры стирая
сквозь время от дурных затей
с реинкарнацией людей
сигай герой и лиходей
за кромку края

* * *

все мы родом из теплых семейственных уз
из квартир коммунальной советской эпохи
но распался прекрасных советов союз
а отрыжка его давним странникам похер

сквозь галактики дряхлых чужих языков
по руинам разрушенных дружб и любовей
мы швыряемы ветром фискальных оков
и не станем уже ни щедрей ни фартовей

наших грез не нашарить в загашниках google
чудо памяти сдулось смотреть неприятно
как меня второклашкой поставили в угол
и с тех пор позабыли позвать обратно

* * *

эх старик-рыбак
я опять тебя не узнала
было все не так
и всего всегда не хватало
вот и жизнь прошла
от проклятия до заклания
я была золотой
исполняла желания
но теперь гляжу на свое корыто
а оно как сердце мое разбито

* * *

Приговори меня к себе,
Уговори меня остаться.
Мне посвящай сонеты, стансы,
Слова чеканя на судьбе.

Стреляй в меня, в ногах валяйся,
Дари алмазы и цветы,
И даже перейди на ты,
Кружа меня в объятьях вальса.

Я, может быть, тебе отвечу
Глубокой темнотой окна,
В котором треснула луна,
И дом соседний покалечен.

Но вероятней – промолчу,
Поскольку в золоте молчаний
Воскресший мой однополчанин
Слезами припадет к плечу.

* * *

Я – памятник себе:
Когда умру – исчезну,
И с памятью моей
Сотрется целый мир.
Простуженной судьбе,
Ограбленной, но честной,
В финале слушать фальшь
Расстроившихся лир.

Зачем в забытых снах
Опять искать приметы
Того, что не сбылось,
Не сбудется, увы?
Так посылает нах
Учебные предметы,
Ваш нерадивый лось
И троечник с Невы.

Мы будем долго жить,
Но навсегда исчезнем.

Никто и никогда
Уже не вспомнит нас.
И я, ваш Вечный Жид,
Бреду к небесным чреслам,
В которых, растворясь,
Растаю, как баркас.

* * *

человек-петух
вспыхнул и потух
громоздя плиту
на бессмертный дух

человек-петух
ссохся и протух
получив недуг
от пустых потуг

человек-поэт
это мой ответ
в мире меры нет
мор и море бед

* * *

Кто следующий? Кто следующий, скажи?
Мне кажется, тебе теперь виднее.
Но растворились дружбы миражи,
И свод небес увидела на дне я.

На дне реки в подземной пустоте,
Где ты напрасно дразнишь Персефону,
На ум приходят строки, но не те.
Ну, помнишь, как тогда по телефону…

Молчит Харон, и мне бы помолчать.
Дай от меня ему измятый доллар.
И это будет на уста печать –
Взамен расплаты на грядущих толлах.

Аид – не Ад: сочти за благодать.
Орфея корчить по пути не надо…
И сплетники не станут утверждать,
Что, как всегда, всему виной менада.

* * *

одинокий вечер с видом на west manhattan
на языке проглоченном древним хеттом
звони по скайпу на брошенную планету
спроси почем у них вдохновение по курсу доллара
так ли дорого
там отвечают что можно по бартеру несмотря на санкции
пока еще в бездну падают строки акции
в черные дыры и скважины книг пустот
доллар в дырявом кармане растет
доллар зелен но покрытый плодами
чуть надкусишь и вспомнишь о еве и об адаме
значит время пришло заплатить сполна
за пробелы проблем а иначе опять война

* * *

ограда городского сада
у ворот всегда засада
а за воротами шпана
не надо говорю не надо
но мне упрямо скажет надо
вожак по кличке сатана
и я в разноголосой стае
опять от страха уступая
иду на умысел дурной

коленок ссадины пластая
пыльца клубится золотая
и пахнет морем и войной
куда бежать от поздних знаний
от тех давно снесенных зданий
от однокашек-поросят
в немилость их воспоминаний
река забвения впадает
шпане уже под шестьдесят

* * *

я не была прекрасной дамой
скорее дамой без прикрас
но на меня глядел упрямо
лиц покерных иконостас

я дамой не была крестовой
но может быть еще распнут
поскольку джокер арестован
и в доме карточном капут

бубновой дамой стать не светит
заткнитесь бубны и тамтамы
не буду ни за что на свете
уверенной в себе гранд-дамой

и дамой пиковой не стану
раз ты шестерка а не туз
очком играешь непрестанно
в дерьме корпоративных уз

я буду дамою червей
что в мертвом чреве копошатся
и всей колоде верь не верь
не избежать такого шанса

Нью-Йорк

Наталья Резник

«Что исправлять! Меня уже родили…»

Поехать согласилась только крыша…

Я всех умней, но это незаметно.

Хотелось бы кому-нибудь хотеться…

Гиппопотам – как много в этом звуке!

Национальность у меня не очень…

Не вас ли стриг безрукий парикмахер?

Хотелось бы чуть-чуть всемирной славы…

Под шубой оказалась не селедка.

Давай я сверху. Хорошо, подушка?

Больной, проснитесь! Вас уже вскрывают.

«Ты действуй. Я посплю», – сказала совесть.

Пойди приляг. Желательно на рельсы.

Да, я не пью, но я не пью не это.

Всей правде обо мне прошу не верить.

Забудь меня. Сожги мои расписки.

Люблю тебя как брата. Но чужого.

В кровати было весело и шумно…

Контрольный выстрел мало что исправил…

Напрасно я опять геройски гибну…

Два дня не сплю, не ем уже три ночи…

Упал кирпич на голову. К чему бы?

Печальный взгляд… Вы не сексопатолог?

Ну что тебе сказать о логарифмах?..

Бежать за пивом помешали ноги.

Вас прямо не узнать! Несите паспорт.

Страхует жизнь лишь тот, кто не бессмертен!

И все б сбылось!.. Но зазвонил будильник.

Кругом такое!.. Хоть иди участвуй.

И выпили немного – три флакона…

Что исправлять! Меня уже родили…

Твои б мозги да к моему диплому!..

Вчера лежу и думаю: «Доколе!..».

Верна троим. Но не предел и это.

Я проверялся. Вы больны не мною.

Призвание – патологоанатом!

Не опоздай. Во вторник. В десять. В ванной.

На минус 2 кило я похудела.

Как, Брут! И ты… в «Единую Россию»?..

Тефтеля – это вам не фунт изюма!

Не хочешь исповедаться? Расколем!

Я не умру! – вот план на пятилетку.

Хотелось бы увидеть вас в одежде…

Люблю стихи. Особенно о сексе.

Не пропустить бы эрогенной зоны!

Вы идиот?! Нет, нет, не отвечайте!..

Я честь отдам, но большего не требуй…

Теперь о вечном. Вечно ты поддатый!

Какая прелесть! Это ваши ноги?

Три раза отдалась. Один – удачно.

Ребенок мой. Хотя подпорчен школой…

При Брежневе и я была невинна…

Вот это вот зарплата?! Не похожа…

Да вы пьяны! Причем который месяц!

Я ухожу! По сокращенью штатов.

Свое еврейство доказал наглядно…

Черт! Мы же не того похоронили!

Хранила верность в силу обстоятельств…

Люблю вас, как евреев Солженицын…

Ну, раз послали в жопу, заходите…

Нет, что вы, я не замуж, я по делу…

Да бросьте: «Врач, не врач…» Вы раздевайтесь!

Как вы похожи! Прямо Ленин с Крупской!

Приму-ка я лекарство напоследок…

Хотите пива? Подставляйте водку!

Люблю детей! В хорошем смысле слова.

Я не целуюсь! Это отвлекает.

Какая ночь! Пора предохраняться.

Ты мне знаком. Оденься… Встань… Андрюха!

При слабонервных я не раздеваюсь.

Я замужем. Давно и безответно.

Сегодня дел полно! Во-первых, завтрак…

И в пятый раз… Так я ли всех прекрасней?

А ты-то почему меня не хочешь?

Сударыня!.. (Всё. Дальше нецензурно.)

И я, как все, противник конформизма!

Любуйся мной. Правее… Вон оттуда.

Не спи, а то запишут добровольцем.

Когда умру, прошу – без ликованья…

IQ хорош, но мог бы быть трехзначным…

Разделась бы, но люди… и сугробы…

Стремлюсь к бессмертью, и пока успешно.

Чего б еще разумного посеять?

Стихи пишу не в стол, а сразу в урну.

Прощай! Пиши. Смешное – публикую.

Лень продолжать. Пусть будет одностишье…

На фестивале как-то раз…

В третий раз прошел в нашем городе Международный литературный фестиваль, который организуют энтузиасты фестивального движения Ганс Рупрехт (Швейцария) и Ульрих Шрайбер (Германия).

Сразу же подчеркну, что все три года реализацию идеи фестиваля поддерживали Одесский горисполком и областная администрация, а также Всемирный клуб одесситов.

В этом году на литературном фестивале было представлено более 50 писателей из 20 стран мира. Так что встретиться на фестивале и раз, и два, и три… было с кем.

Первое событие фестиваля, проходившее под эгидой Всемирного клуба одесситов, очень точно соответствовало международному статусу. Трудно найти более космополитическую фигуру, чем «украинский отец русского футуризма»

Давид Бурлюк. Формула придумана инициатором выставки Евгением Деменком. И она очень точная. Бурлюк родился в Украине, учился в Украине, России, Германии, Франции, работал в России, затем в Японии и Америке. Его судьбой, его творчеством несколько лет занимается член Президентского совета ВКО Евгений Деменок. Он автор книги «Новое о Бурлюках», автор многих публикаций его стихов и организатор выставок картин Д. Бурлюка. Его личная коллекция и стала основой выставки «Давид Бурлюк – поэт, издатель», которая открылась 27 сентября в Золотом зале Литературного музея.

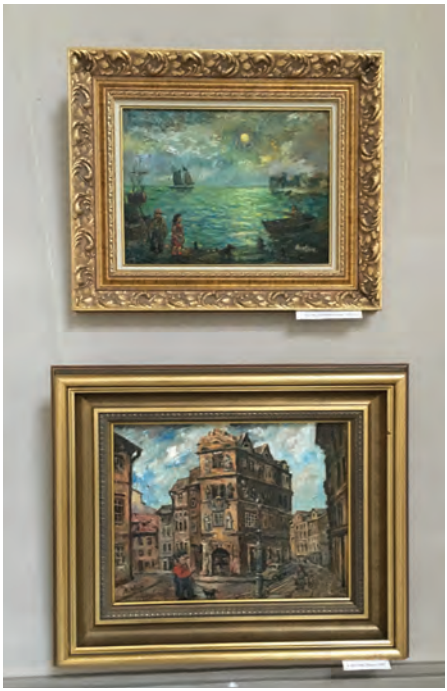
Обрадовало, что зал был полон. Множество молодых лиц. Кстати, молодой украинский поэт Андрей Хаецкий мне рассказывал, что опоздал на десять минут, вошел в зал и не нашел свободного места. Так и простоял всю презентацию у дверей…

История Одессы, а Бурлюк часть ее истории, развитие авангарда волнует и интересует молодых людей. Темпераментно, ярко рассказывал Евгений Деменок о своем герое. Важно было и то, что рассказ подкреплялся удивительным визуальным видеорядом. В витринах лежали подлинные письма, рукописи, карандашные рисунки, журналы «Цвет и ритм», издававшиеся Бурлюком, большая подборка футуристических альманахов (1910-1918 годы), а на стене при входе в зал висели подлинные четыре картины мастера.

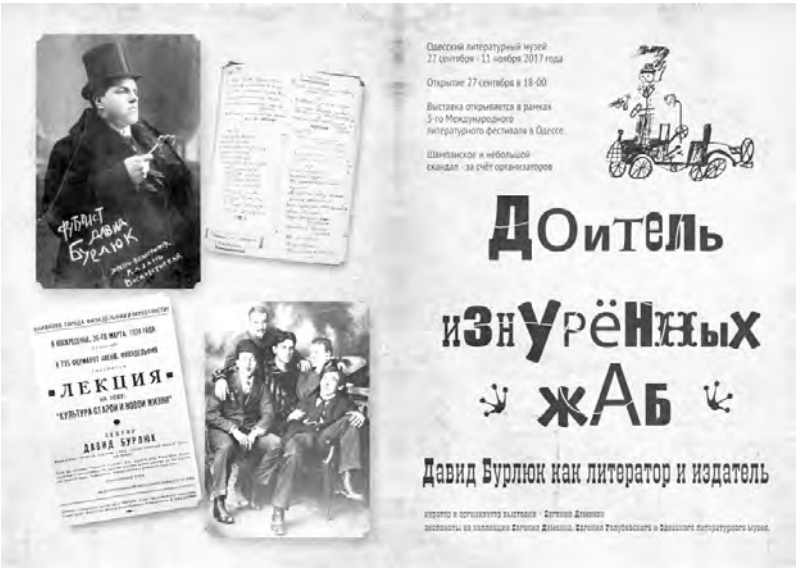
На следующий день работа фестиваля началась в нескольких локациях – в Театре кукол (литература для детей), в Доме ученых и Строительной академии (будущее Одессы), в Терминале 42, в Литературном музее. Но само торжественное открытие прошло 28 сентября в гостинице «Лондонская». С приветствием, задающим тон всему фестивалю, выступила немецкий поэт Нора Гомрингер. Она говорила, как важно сегодня единение писательских голосов, как важно будет после фестиваля рассказать миру, что жива, как всегда, гостеприимна, легендарная Одесса.

И утро следующего дня, первого официального дня работы фестиваля, началось с презентации книги «Пока Бог улыбается», выпущенной студией «Зеленая лампа» при содействии Всемирного клуба одесситов.

Одесский Литературный Музей
Доитель
изнурённых
жАб



DAVID BURLIUK
most stores
have things



И дальше, пунктиром пробежав по дням фестиваля, я остановлюсь на тех событиях, к которым причастны авторы и создатели альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», члены Всемирного клуба одесситов.

Семнадцать авторов, семнадцать рассказов в сборнике «Пока Бог улыбается». Представляя его, составитель Евгений Голубовский объяснил, что целью издания было развеять новые мифы о том, что литература в Одессе умерла, что город живет лишь памятью о своем прошлом. Но вот книга. Известный литературовед Ольга Ладохина, автор монографии об «Одесском тексте в русской литературе» написала, что 17 рассказов это 17 жемчужинок. И с ней трудно не согласиться. Среди авторов люди очень молодые, как Ирина Фингерова, врач, только что окончившая мединститут, создатель «Театра ушей». Анна Костенко, преподаватель университета, чей второй роман об Одессе на изысканном украинском языке вышел в сентябре этого года в Киеве. Елена Андрейчикова, переводчик, чьи женские рас-

сказы стали бестселлерами. Анна Михайлевская, психолог, создающая трепетную ткань психологической прозы. Виктория Корытнянская, биолог, дебютировала притчей о непрерывности человеческой жизни…

Не буду перечислять всех 17 авторов. Но обязательно скажу, что это уже девятая книга студии, выпущенная меценатскими заботами Евгения Деменка, который и сам представлен в книге тревожным рассказом-размышлением о наполненности человеческой жизни.

Присутствовавшие в зале литмузея авторы – Майя Димерли (ждем выхода ее первой книги прозы), Яна Желток (уже дебютировавшая сборником рассказов), Алексей Гладков, Галина Маркелова, Елена Андрейчикова – приняли участие в автограф-сессии.

Евгению Юрист по праву можно назвать душой литфестиваля. На всех трех она была и переводчиком, и гидом, и организатором, и самой открытой улыбкой, приветствующей гостей. Я спросил Женю в одном из перерывов: «Фестиваль заканчивается. Самое радостное событие для вас?».

– Детское счастье в Театре кукол. Полный зал детей. И вот с ними общаются писатели, авторы детских книг из Нидерландов. Никаких языковых барьеров. Они понимают друг друга по импульсам добра. Фантастический успех локации.

Все дни фестиваля проходило кулуарное общение. Феликс Кохрихт переговорил с украинским писателем Андреем Курковым о возможности публикации в нашем альманахе. Виктор Ерофеев, который спешил из Одессы в Париж на конференцию по судьбам людей, высланных из советской России и из советской Украины ровно 95 лет назад, в 1922 году, на так называемых «философских пароходах», с интересом узнал о статьях Евгения Деменка, посвященных одесситам на самом первом украинском пароходе, – А. Флоровском, Б. Бабкине… Это как бы служило мостом к циклу чтений, задуманных устроителями фестиваля, под девизом «Память, говори!».

Научный секретарь Одесского литературного музея Елена Каракина рассказывала об Иване Алексеевиче Бунине. Как не ощутить связь времен – в этом же зале Одесского литературно-

артистического общества выступал Иван Бунин. Эти стены помнят его голос. Но в эти же часы предпринималась попытка уже в который раз разрушить остатки дома на Херсонской, где жил Бунин, женившись на Анне Николаевне Цакни.

Все те же Евгений Деменок и Евгений Голубовский постарались понять, почему Сталин уничтожил журналиста № 1, как его называли в СССР, Михаила Кольцова. Всего четыре месяца проработал Михаил Кольцов в 1920 году в Одессе (ему было 22 года), но он, руководитель ЮгРОСТа, командировал И. Бабеля в Конармию, дав ему удостоверение корреспондента К. Лютова. Уже это могло бы обессмертить его.

О Кольцове можно много чего рассказывать. Но прочувствовать, насколько это высококлассный журналист, можно было по очерку «Троцкий», который был напечатан в 1919 году в киевской газете «Куранты» и прочитан спустя 98 лет на литфестивале. Может быть, из-за этого блестящего очерка и казнили М. Кольцова? Так предполагал его брат Борис Ефимов. Но, скорее всего, не из-за этого. Кольцов, который два года был корреспондентом «Правды» в Испании, дружил с Хемингуэем, Мате Залкой, слишком много знал…

Феликс Кохрихт прочитал эссе, посвященное М.А. Булгакову, и, поскольку, в отличие от остальных разгильдяев, которые импровизировали свои рассказы устно, он написал мистический рассказ и прочитал на фестивале, у нас есть возможность опубликовать его полностью (страница 216).

И вновь пересечение пластов времени. В этом зале выступал еще молодой Зеэв Жаботинский, тогда еще Володя Жаботинский. И тут же, сейчас, в 2017 году, через сто лет после октября 1917, звучат юношеские стихи и переводы Зеэва Жаботинского в исполнении редактора альманаха «Мория» Геннадия Кацена.

А внук Исаака Бабеля Андрей Малаев-Бабель прилетел из США, чтобы показать свой фильм об Исааке Бабеле, прочитать его рассказы.

Все это естественно легло в русло размышлений сегодняшних писателей. Автор нашего альманаха, известный киевский поэт Александр Кабанов читал стихи:

Я вас прощаю, слепые глупцы, творцы
Новой истории, ряженые скопцы,
Тех, кто травил, и сегодня травить привык
Мой украинский русский родной язык.

Это тоже внесло свою краску в палитру многоязыкого фестиваля.

И еще одним фрагментом из выступления Виктора Ерофеева закончим этот обзор. Удивительно красивый образ нашел писатель. Но не только красивый, еще и точный. И вновь мост – вчитайтесь, насколько это перекликается с пророчеством Исаака Бабеля, что «литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда – из солнечных степей, обтекаемых морем».

Слово Виктору Ерофееву:

«Черное море для меня – это материнское лоно, из которого я еще не вышел. Литература, искусство до сих пор находятся в антагонизме с природой, ведь природа – это то, что культура до сих пор безуспешно пытается упорядочить, одновременно черпая в природе свое вдохновение. И Черное море – это та природа, которая оказала огромное влияние на русскую литературу. Для русской культуры, для русского человека вообще Черное море – это бикини из виноградных листьев, надетое на холодное тело. Поэтому русская культура отличается от финской, норвежской – она пропитана солнцем Черного моря, и это солнце Черного моря сделало то, что не могли сделать ни политика, ни что другое. Этим солнцем озарился Пушкин, Лермонтов и все остальные».

Евгений Петров

Первые шаги

206 Одесское «Море талантов»
Подготовила Инна Ищук

Одесское «Море талантов»

В этом году Одесский литературный конкурс «Море талантов» собрал юных авторов со всей Украины. Как показали прежние конкурсы, правильно поставленные темы вызывают интерес юных писателей и поэтов, которые художественно отражают реальность, фантазируют, ищут новые решения и экспериментируют. Именно эту задачу и ставит литературный конкурс «Море талантов»: проявить способности ребенка и воплотить образы в текстовую форму.

На конкурс было подано более 300 произведений: стихотворений, сказок, рассказов, отрывков из повестей и романов. Мы представляем наилучшие работы участников, которые вошли в альманах «Море талантов».

Александра Ненова, 9 лет, Одесса, ООШ № 15

Лето в лесу

Солнце ярко светит
в небе голубом,
И река искрится,
будто серебром.
Пчелы запасают
ароматный мед,
Делая запасы
в улее на год.
Разговор кукушки
слышен вдалеке.
И играет в прятки
стайка рыб в реке.

Кукушка

Кукушка говорит: «Ку-ку!» –
Наслушаться я не могу.
Кукушка – пестрая красавица,
Она мне очень-очень нравится!

Александра Заварухина, 10 лет

В Новый год

В Новый год к нам прилетели
Аисты и журавли.
Через бури и метели
Чудеса нам принесли.
Попросили птиц чудесных
Мы тогда совсем немного,
Чтобы больше было песен,
И легка была дорога.
Замечательные птицы,
Принесите нам скорей
Семь подушек,
Одеяла,
Кошку Мурку на крыльце,
Чтоб она не заскучала,
Солнца луч повеселей!
Детям – кошек,
Кошкам – рыбку,
Рыбке – чистые пруды.
Чтобы рыбкам всем хватало
Пропитанья и воды.
Всем отменного здоровья
Бодрости и красоты!

Влада Котик, 10 лет, Одесса, ООШ № 22

Попугай

Жил разноцветный попугай
Среди своих родных.
Любил родной свой южный край,
Не знал краев других.
Доволен был родней своей,
Прекрасной, шумной, яркой,
И до утра могли они
Чирикать с перепалкой.
Но птицу браконьер поймал
И в клетку посадил.
И попугай игрушкой стал.
В неволе загрустил.
У попугая был свой дом,
Большой, просторный, светлый,
Но не было свободы в нем,
В железной прочной клетке.
И не было его родни,
Веселой, сладкозвучной,
Не пели песенки они.
И стало ему скучно.
Мальчишка птицу пожалел.
И подарил свободу.
И попугай сам полетел
К любимому «народу».
Жизнь в радость нам с тобой дана,
Тогда удачна доля.
Но каждому из нас нужна
Для счастья только воля.

Юлия Байда, 14 лет, Одесский УВК «Гимназия № 7»

Все, что нужно для чуда

Все, что нужно для чуда, –
Холст, палитра и краски.
Улыбается город,
Начинается сказка.
Изумрудное море
С голубыми мечтами,
Белокрылые яхты
Здесь сковали цепями.
Как им хочется небо
Парусами измерить,
Вольный чувствовать ветер
В частом пульсе артерий!
Быстрокрылые яхты
Под шальными мазками
Превращаются в чаек,
Я машу им руками…
Толстяки сухогрузы
Загудели печально:
«Преврати нас в дельфинов.
Мы устали морально…»
Поправимы печали!
Кисти взмахом единым
Из глубин выплывает
Стайка шумных дельфинов.
Разноцветные брызги!
Трюкачи! Шоумены!
Вот вам фраки и платья
С кружевами из пены.
Из палитры оттенков
Добавляю лазури,
Позолоту мешаю
В золотом абажуре.
Здесь поправлю немножко,

Там штришок дорисую.
Рассердилась… и краску
Подбираю другую.
Потемнело вдруг море,
Пригрозило волною,
Беспросветные тучи
Наступают стеною.
Громыхает и злится
Клякса черного цвета,
Тянет длинные пальцы,
Подбирается к лету.
Принимаю сраженье!
Холст, палитра и краски,
Темноту я закрашу
Бирюзой без подсказки.
Оживает картина,
Необычна завязка.
Улыбается город,
Продолжается сказка…

Татьяна Олейник, 14 лет, Одесский УВК № 67, ООШ 1-3 ст., лицей

* * *

Порой мы опускаем руки,
И праздник жизни – не для нас.
Так хочется уйти от скуки
Без лишних слов и глупых фраз…
Мы можем бросить все старанья,
Не погрустив о них ничуть,
И даже позабыть желанья,
Что освещали раньше путь.
Но забывать мечту не стоит –
Так важно верить и мечтать,
Идти упорно к своим целям,
Мечту в реальность воплощать.

Афина Каракян, 13 лет, Одесса, школа № 65

Рисунок

Я на листе черчу карандашом,
Из черточек составлена картина.
И вот уже понятно: над кустом
Повисла кружевная паутина.
А рядом, посмотрите, белоснежный
Цветок весенний, ранний-ранний!
И прорисую я движеньем нежным
Все очертания его и грани.
Цветок не уступает в красоте
Земным цветам. И он не отцветет.
Все потому, что он лишь на листе,
Но и ему есть на картине счет.
И лепестки – все бархатом покрыты,
И сам он выступает, как король!
И тайны появленья не раскрыты,
Но он играет тут большую роль.
Цветок пока что безымянный,
Но я уверена, он где-нибудь растет.
И если он пока что и не явный,
Мой лист его картинкой обретет.

Маргарита Антипова, 14 лет, Одесса, ООШ № 22

* * *

Жила-была кошка
по имени Матрешка.
Рано просыпалась,
усердно умывалась.
Была она чистюлей,
а вовсе не грязнулей,
поэтому так часто
вылизывала шерсть.
Была она красива,

породиста, игрива,
за это все Матрешке
была хвала и честь.
Однажды на рассвете
лай громкий услыхали.
За кошку мы в ответе,
на помощь побежали.
Накинув лишь халатик,
что с кошкою, как знать,
бежали по ступенькам
Матрешку мы спасать.
Лишь выбежав на улицу,
чуть воздуха вдохнув,
застыли в изумлении,
на кошку мы взглянув.
Она сидела в ящике,
встревожена слегка,
а рядом на подстилочке
лежали два щенка.
Она их приютила,
как мама, помогла.
Щенков усыновила
и нежно берегла.
Послушайте, ребята,
истории конец:
важна для дружбы помощь
и чистота сердец.

София Помогаева, 7 лет, детский сад № 195

Разноцветная сказка

Девочка Соня – очень любознательный человек. Она задает много вопросов обо всем на свете: о звездах и космосе, о бабочках и оленях, о людях, рыбах, о дожде и любви…

Однажды Соня спросила бабушку:

– Из чего сшиты мои платья и футболки? Как люди научились делать материалы для одежды?

Бабушка ответила, что люди всему научились, изо дня в день наблюдая за природой. Паучки ткут паутинку, птицы вьют гнезда. Есть птица ткачик, которая ткет гнездо в виде мешочка.

Слушала Соня бабушку, слушала, и родилась у девочки сказка. Какая? А вот послушайте.

Жила-была птичка Ткачик. Набрала много тоненьких травинок, сплела гнездышко и снесла в него пять яичек.

Настал день, когда вылупились птенчики. Они были голенькими, совсем без перышек, даже без пуха. Решила птичка мама, что их надо одеть. Полетела, набрала самых мягоньких травок и соткала распашонки. Когда собралась надеть распашонки на птенцов, оказалось, что у них уже отросли перышки. Пришлось ей заняться новой одежкой. Птица Ткачик полетела к розам и сказала: «Розы, дайте мне, пожалуйста, три лепестка: желтый, красный и розовый, ведь у меня три дочки». А потом полетела к василькам и вежливо попросила: «Васильки, дайте мне, пожалуйста, два лепестка – синий и фиолетовый для моих сыночков». Красивые наряды получились.

Детки оделись, выпорхнули из гнезда и расселись на кустике вокруг мамы. Они стали петь и веселиться. Этот шум услышал двуглавый дракон, ведь он жил неподалеку. Прилетел он и очень удивился: «Ой, откуда у нас колибри?». Засмеялись ткачики: «Мы не колибри, а ткачики. Это наша мама такая выдумщица и мастерица».

Лиза Иванова, 13 лет, Одесса, литературная студия Игоря Потоцкого (сейчас учится в гимназии в Вене)

История маленького пингвиненка

«Трык. Трак. Треск», – лопнула скорлупа яйца, и на свет появился маленький пушистый, нежный и любопытный пингвиненок. Он был не совсем обычным птенцом. К сожалению, его мама и папа погибли во время сильной антарктической бури, и наш бедный Пингви, так его зовут, остался круглым сиротой.

Этот малыш был не обыкновенным черно-белым пингвином, а разноцветным. Голова была покрыта ярко-желтым пушком, тельце – тонкими голубыми перышками, а хвостик был красно-огненным.

Он был милым, смешным, добрым и отзывчивым птенчиком. Но из-за его странного и редкого окраса с ним никто не хотел дружить. Это расстраивало его.

Однажды наш маленький пингвиненок сидел на льдине и болтал ножками.

Неожиданно он увидел вдалеке беленький кораблик. Он, не раздумывая, бросился в ледяную воду, догнал кораблик и поинтересовался у него: «Куда ты направляешься?».

Кораблик ответил: «Я плыву в чудесную и красочную страну Бразилию, где всегда тепло и много ярких птиц». Пингвин, услышав такие слова, почувствовал, что его маленькое сердечко забилось сильнее. Ребята, наш герой никогда не понимал, кто он такой. Ему захотелось увидеть этих прекрасных ярких птиц. И он решил поплыть с корабликом к далеким берегам Латинской Америки. Он робко попросил: «Милый кораблик, пожалуйста, возьми меня с собой!». Кораблик согласился, ему понравился этот маленький разноцветный птенчик, и они отправились в путь.

Плыли они долго, но одним прекрасным солнечным утром Пингви увидел землю, ярко-зеленую, покрытую деревьями с удивительными цветами. Кораблик сказал: «Вот мы, дружок, и приплыли в Бразилию». Кораблик поплыл дальше, а Пингви через полчаса оказался на берегу. Возле него стали собираться разные экзотические птицы, чем-то похожие на него самого. Они были так рады пополнению в их дружной семье, что подхватили малыша на крылья и взлетели над деревьями. Пингви был очень счастлив, ведь у него появилось столько друзей!

Долгими бразильскими вечерами наш маленький, но отважный пингвиненок рассказывал попугаям, туканам и фламинго о льдинах, снежных бурях и айсбергах своей родины – Антарктиды.

Подготовила Инна Ищук

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

216 **Феликс Кохрихт**
«Тьма, пришедшая со Средиземного моря...»

223 **Феликс Кохрихт**
«Я изучаю мир»

227 **Михаил Сеславинский**
В отблеске таланта

236 **Евгений Голубовский, Олег Губарь**
Вечное обновление

241 **Евгений Деменок**
Давид Видгоф и Альфонс Муха. История одной дружбы

254 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

273 **Феликс Кохрихт**
Из зоны отдыха – в «Зону турбулентности»

281 **Роман Бродавко**
Карл Фаберже: успех и бессмертие

287 **Вероника Коваль**
«Где же истина, что с душой едина?»

Феликс Кохрихт

«Тьма, пришедшая со Средиземного моря...»

Где-то в сентябре, когда до начала Международного Одесского литературного фестиваля оставалось недели три, мне позвонили из его берлинского штаба и предложили, чтобы на сей раз я принял участие в новом проекте «Память, говори!». Суть его такова: мы – журналисты и музейщики – должны каждый за 30 минут рассказать участникам и гостям фестиваля о выдающихся писателях, чей вклад в мировую литературу неоспорим, и привести как бы в доказательство этого либо их короткие произведения, либо фрагменты из длинных. Каждому из моих коллег были предложены следующие персоналии: Иван Бунин, Михаил Кольцов, Владимир (Зеэв) Жаботинский, Исаак Бабель... Мне же достался Михаил Булгаков.

Знаменательно, что в буклетах фестиваля – в кратких аннотациях к сообщениям под рубрикой «Память, говори!» – в четырех случаях содержится слово «Одесса».

Бабель и Жаботинский родились в нашем городе, и их творчество в основном или во многом посвящено ему.

Бунин жил здесь в Окаянные дни и рассказал о них всему миру.

Кольцов часто бывал в Одессе.

А вот Булгаков об Одессе не писал, был здесь всего один раз и жил в гостинице, которой уже давно нет.

Если включить поисковик, то обнаружишь, что ни имя нашего города, ни одесские адресаты писателя практически не упоминаются.

Разумеется, Михаил Афанасьевич Булгаков – один из самых значимых для меня авторов, я, как и многие, прочитал, стараюсь и сегодня разыскивать все, что о нем сообщают уважаемые авто-

ры, но – не более. Никак не могу себя полагать не только «булгаковедом», но просто исследователем или комментатором наследия этого могучего и многогранного писателя и философа.

Поблагодарил собеседницу за честь и отказался.

Наступила ночь, и мне приснился сон.

Женщина, в которой я почему-то сразу признал Елену Сергеевну Булгакову, прошлась по комнате, держа в руках две журнальные книжки в тусклых переплетах, весьма потрепанных. Я даже углядел на одной из обложек большое пятно – видимо, от пролитого кофе…

И внезапно, как-то естественно, Елена Сергеевна исчезла.

Еще во сне, а затем и проснувшись, ничуть не удивившись появлению столь высокой и значительной гостьи, стал соображать: а что за периодические издания она мне как бы невзначай предъявила и с какой целью? А цель, несомненно, была. И зачем столь важная гостья явилась к столь скромной особе, как я?

Я вспоминал подобные коллизии: режиссеры, литераторы, артисты признавались в том, что их именно во сне посетила вдова Михаила Афанасьевича (скорее –Маргарита), и какие были на то причины, а затем – последствия… Весьма веские, что ощутили деятели искусства и литературы…

И тут я в своем напряженном воображении внезапно вновь увидел при свете дня эти журналы и удивился, как же я их не признал сразу. Два номера журнала «Москва», разделенных годом издания, а фактически месяцем: № 11 за ноябрь 1966 года и № 1 за январь 1967. Именно так, с перерывом, впервые увидел свет роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Вышел он тщаниями Константина Симонова с большими купюрами, но *вышел* и сразу стал предметом охоты наверняка сотен тысяч наших соотечественников. Редко кто тогда подписывался на «Москву», и все книгочеи устремились в библиотеки и в газетно-журнальные киоски.

Мне улыбнулась удача. В то время я служил, несмотря на молодость, беспартийность и национальность, в газете «Знамя коммунизма» (для молодой публики и иностранцев – в обычной областной газете, правда, с одиозным названием, но, поверьте, не самой коммунистической и знаменосной). Работал выпускающим –

отвечал за технологический процесс выхода газеты, на стыке редакции и типографии.

В том же здании на Пушкинской, 32, в полуподвале находился диспетчерский пункт «Союзпечати», распределявший газеты и журналы по киоскам города. Заведовал им милейший почтенного возраста человек, имя и отчество которого, к стыду своему, позабыл, но фамилию помню с благодарностью: Брандис. Он оставлял журналистам дефицитные особо интересные издания, даже иногда журнал «Америка»…

Я умудрился первым прибежать к нему с ночного дежурства и получить один из трех имевшихся в его распоряжении журналов с Булгаковым (ноябрьский 1966) – а потом, уже в январе 1967, окончание публикации. Разумеется, мы с Таней проглотили каждый за ночь, а потом давали читать друзьям, один из которых опрокинул на обложку чашку кофе…

Прошло время, и в 1973 году в «Художественной литературе» вышел желтый однотомник с «Мастером», «Белой гвардией» и «Театральным романом» – тоже ставший предметом желаний… Нам повезло: Танин брат Виктор, живущий в Мюнхене, подарил ей эту книгу – на радость нам и друзьям. Сегодня книга передо мной, но цитирую «Мастера…» я по пятому тому из пятитомника 1990 года, где он опубликован вовсе без купюр… Во всяком случае, так считается.

А вот те два зачитанных, отмеченных пометками на полях и кофейным пятном журнала «Москва» мы, получив однотомник, подарили, о чем сейчас сожалею – мог показать их собравшимся в Золотом зале Литмузея…

…Итак, вернемся к тому дню, когда, пробудившись ото сна с полной уверенностью, что Елена Сергеевна хотела от меня именно этого, я позвонил вездесущей на фестивале Жене Юрист и сказал, что сожалею о своем отказе и готов участвовать в проекте с темой «Булгаков». Признаюсь, я понятия не имел, как же справлюсь с этим, ибо сомнения в своих возможностях не только оставались, но и усилились. И услышал знакомый милый узнаваемый голос Жени, бывшей на РГФ университета студенткой Татьяны Диомидовны… Явно смущаясь, она сказала, что тема эта после моего отказа уже отдана другому участнику.

Признаюсь, узнал об этом с облегчением.

Спустя несколько дней та же Женя сообщила мне, что заменивший меня как бы исчез, и я могу готовиться к выступлению…

Видимо, Елена Сергеевна все же настояла на своем.

И к ней прислушались.

И тут я вспомнил внезапное исчезновение одного из персонажей «Мастера и Маргариты» – Степы Лиходеева, который как-то помешал планам Воланда, и тот, используя свои возможности, в мгновение ока переместил (нуль-транспортировал) его из Москвы в Ялту. Все для Степы в общем закончилось благополучно, как, надеюсь, для неизвестного, уступившего мне свое место в числе тех, кто 1 октября выступит с сообщением под рубрикой «Память, говори!». Сам этот девиз и подсказал мне, о чем же я могу в течение 30 минут говорить с компетентной, но и уставшей к последнему дню фестиваля, да еще разноязычной аудиторией. Я просто вспомню, что случилось со мной если не при непосредственной встрече с Михаилом Афанасьевичем, но зато на месте, где состоялись важнейшие события его Саги о Иешуа, и о том, кто представился великому предшественнику Булгакова – Гете: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

К месту или не к месту, но вдруг подумал о том, что Сталин с гораздо большим на то основанием мог начертать свою сакраментальную инвективу: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете» – не на поэме Горького «Девушка и смерть», а на романе «Мастер и Маргарита», тем более что оба автора в разной степени, но находились в сфере его пристального внимания.

…Итак, несколько лет назад мы были в гостях у старого друга Игоря, который давно уже живет в Иерусалиме, но не теряет связей с Одессой. Мы жили в доме, построенном по его проекту (по образованию он – архитектор). В этом комфортном и со вкусом обставленном здании по воле проектанта мраморная лестница, ведущая на второй этаж, где мы поселились, не имеет перил: Игорь и его жена, не говоря уже о детях, – люди спортивные и ловкие. Но для меня эта лестница стала чем-то схожим с бутылкой с подсолнечным маслом, которую Аннушка разбила на трамвайных рельсах.

В тот шабатный – субботний – вечер здесь собрались друзья: Игорь Губерман, с которым я был знаком по встречам в Одессе, иллюстратор его книг художник Окунь и мы. С вечера пятницы супруга Игоря, происходящая из древнего рода йеменских евреев, поставила на плиту медный котел, в котором бурлило, пофыркивало, источало неведомые доселе ароматы трав и кореньев, произрастающих в пустыне Негев, блюдо из баранины… На столе – красное сухое для дам, холодная водка для нас с Игорем и виски, почитаемое Гариком Губерманом…

Мы с Таней, вернувшись из Старого города, отдыхали перед ужином, обещавшим быть интересным и долгим. И вот нас позвали. Легконогая Таня спешила со ступеньки на ступеньку, а я, словно бедняга Берлиоз, споткнулся и загремел вниз, пересчитывая левым боком удары, приходящиеся в основном как раз на почку… Тут я подумал, что как никогда ранее близок к тому, чтобы быть похороненным в Иерусалиме, и, быть может, чаяниями Игоря, имеющего вес в определенных службах, не где-нибудь, а на знаменитом священном кладбище – на холме. Боль была дикая, но сознание я все же не потерял – жестами и гримасами успокоил Таню, встал и поплелся к столу. Меня встретили с сочувствием, но не могли скрыть и улыбок – уж больно я смешно выглядел со стороны кухни, где всем уже не терпелось выпить и зачерпнуть ложкой из котла…

Выпил водки и я, и даже отведал потрясающее йеменское варево, и даже пытался перешучиваться с Гариком, но Игорь, прошедший не одну войну, взял меня под локоть, и мы отправились в его кабинет, буцем-то смотреть картины. Там он уложил меня на диван, порылся в сейфе и заставил проглотить внушительного размера таблетку, причем целиком, не раскусывая. Таблетка была из аптечки спецназа: она снимает болевой шок и позволяет бойцу какое-то время держаться на ногах… Через несколько минут боль утихла, бок одеревенел, я немного полежал и вернулся к отмечавшим шабат острякам и детям.

На ночь я принял еще одну таблетку, спал относительно нормально, а утром (вечером мы улетали) попросил Игоря отвезти нас на то место, где когда-то стоял дворец царя Ирода, где Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, беседовал с проповедником Иешуа Га Ноцри.

Сегодня я удивляюсь, не понимая толком, что же заставило меня, все сильнее чувствуя возвращающуюся боль и понимая серьезность травмы (все же учился в военно-морском медучилище), отважиться на эту поездку…

И вот мы оказались на высоком холме, с которого террасами спускались сады. Безоблачное небо, солнце, освещавшее крепостные стены, башни, храмы.

И вдруг: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город…» (глава 25).

Умом я понимал, что эта тьма накрывает уже другой Иерусалим, а события, которые Михаил Булгаков описал в своем романе, происходили более двух тысяч лет назад. Что нет уже давно ни тех дворцов, ни тех храмов, да и крепостные стены были не раз разрушены, а главный Храм и вовсе исчез с лица земли…

Но голос, схожий с тем, которым мой друг Веня Смехов в незабвенном спектакле Театра на Таганке читал этот монолог в далекие 70-е годы, продолжал:

«…Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна… Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма…

…Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган… Вместе с водяной пылью и градом на колонны несло срезанные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад…»

Все это время над нашим Иерусалимом свирепствовал ливень, от которого нам негде было укрыться, – машина осталась на стоянке внизу… Промокнув насквозь, мы добрались до нее и приехали домой, где сменили одежду, выпили водки, и все взоры обратились на меня: «Как ты? Сильно болит?». Болело, но на удивление не сильно, более того – исчезло чувство страха, которое грызло меня: я ведь хорошо знал, что ушиб и что от этого бывает…

В Одессе сразу помчался в редакцию, решив, что к врачу на рентген пойду завтра утром. Но и завтра не пошел. А между тем на месте ушиба играли краски, сменяя друг друга, как и положено при такой травме… Таня ужасалась и требовала немедленной госпитализации, но я отшучивался и вел себя легкомысленно…

Синяки-красняки сошли, но припухлость сохранялась несколько лет, и на непогоду ныло. Со временем я рассказал обо всем приятелю хирургу, и тот не поверил мне, но Таня подтвердила. А у нее репутация безупречно правдивого человека.

– Это чудо, – сказал приятель, – чудо, что ты не расшиб почку, и мне не пришлось ее удалять.

Минули немалые годы. По необходимости я недавно прошел комплекс самых серьезных исследований на самом современном оборудовании. Нашли у меня всякое и разное, но не на месте того иерусалимского ушиба… И все же чудо – не в моем исцелении под ливнем из Тьмы, пришедшей в Иерусалим со Средиземного моря.

Главное чудо – в другом.

Ни в сочинениях Иосифа Флавия, ни в изысканиях византийских ученых, сопровождавших царицу Елену, разыскавшую Голгофу, ни в хрониках крестоносцев, ни в апокрифах… Ни в трудах современных ученых нет упоминаний о подобных погодных катаклизмах, о Тьме, внезапно приходящей со Средиземного моря…

Видимо, это случается здесь крайне редко…

Но Михаил Булгаков описал ее так, что я ее сразу узнал Тьму, пришедшую со Средиземного моря. И она в точности повторилась в тот осенний день в Иерусалиме, когда я, кряхтя и прихрамывая, взобрался на холм, где когда-то стоял дворец царя Ирода.

Булгаков же, как известно, в Иерусалиме не был.

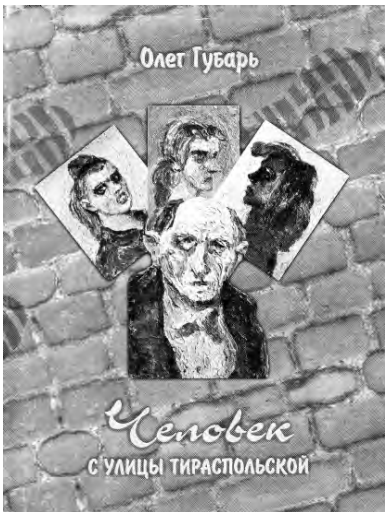
Феликс Кохрихт

«Я изучаю мир»

Так однажды много лет назад Юрий Андреевич Коваленко ответил на докучные вопросы типа: «А чем же ты занимаешься?». Любопытствующие явно ждали от колоритного собеседника – кряжистого бородача в куртке со следами разных красок – вычурного или уклончивого ответа, такого, который стал бы поводом для дальнейших подначек. Я не знаю, где происходил этот разговор, но, скорее всего, в одной из одесских винарок, где художник бывал часто, и вовсе не только для того, чтобы выпить красного сухого или иного напитка, а понаблюдать над завсегдатаями, побеседовать с занятным колоритным человеком…

Те же причины побуждали к посещению довольно-таки злачных мест и молодого тогда Олега Губаря, уже начинавшего свой титанический труд по систематизации и осмыслению истории градостроительства Одессы начиная с ее первых лет. Спустя годы выйдет его фундаментальный труд, а тогда мой друг был занят составлением маршрутов, Большого и Малого алкоголических кругов, частью которых и были подвалы, где разливали безакцизные и вполне казенные напитки.

Скорее всего, Юра и Олег познакомились в одной из винарок и сразу же ощутили, что каждый – одной с ним группы крови. Понимаю, что первая встреча могла произойти и в мастерской общего знакомого художника, и на выставке, и в библиотеке наконец… Но для интереса и зачина этих заметок решил, что это было питейное заведение, может быть, и «У Зоси» или на Новом базаре, или… См. Малый круг – маршрут по Большому был многим, в том числе и мне, не под силу…



Я познакомился с Коваленко в 70-е годы на его персональной выставке в фойе кинотеатра «Родина», куда меня привело любопытство. Я не представлял себе художника, смирившегося с тем, что его произведения будут доступны лишь пришедшим на сеанс, чтобы посмотреть фильм. В действительности же все оказалось иным. Я увидел работы не только профессиональные, но и отмеченные талантом – самобытным и, как казалось, не вписывающимся в привычный круг, в который входили одесские художники.

Да и любители живописи, и уже тогда имевшиеся поклонники Юры все же проникали в фойе – между сеансами и во время: спасибо тогдашнему директору «Родины». Я написал в нашей газете рецензию на эту выставку – первую из многих последующих. Мы подружились. И сегодня его работы согревают нашу квартиру…

Вступление получилось длинноватым, а ведь эти заметки вовсе не о том, как Губарь или я познакомились с «Человеком с улицы Тираспольской». Так Олег назвал свою книгу о нем, которая увидела свет в 2000 году – за четыре года до ухода Юрия. Вскоре она стала библиографической редкостью, настолько, что когда мы ехали на встречу с Димитаром Тучковым, выяснилось, что у автора и у меня осталось по одному экземпляру, и подарить ее генеральному консулу Болгарии в Одессе, к большому огорчению, у нас сегодня не получится…

А повод подарить был – да еще какой!

Господин Тучков представляет Болгарию в нашем регионе уже во вторую каденцию. Кадровый дипломат, он имеет и архитектурное образование. И дома, и в государствах, где ему довелось служить, Димитар и его супруга Антонетта были завсегдатаями

Ю. БОВАРЕНКО 94

музеев, выставок и галерей, подружились с художниками. Сегодня в их обширной коллекции – работы мастеров разных стран. Есть и одесситы: Лев Межберг, Станислав Сычев, Валентин Хрущ, Стас Жалобнюк, Иван Паламарь…

Юрий Коваленко, рассказывает Димитар, ворвался в его жизнь с первой работы, которую он увидел. Начались поиски картин и рисунков мастера, а они в наши дни в большинстве своем в музейных и частных коллекциях, многие за рубежом.

Управление культуры Одесской облгосадминистрации
Одесский литературный музей
Всемирный клуб одесситов

(графика Ю. Коваленко «Дед с котом»)

ОДИН ПЛЮС ОДИН

Выставка новых и новейших работ художника
Юрия Коваленко.
Презентация книги Олега Губаря
«Человек с улицы Тираспольской».

Пригласительный билет на выставку Юрия Коваленко

Сегодня в собрании Тучковых более ста работ Коваленко.

Однажды одесский приятель показал ему книгу Губаря «Человек с улицы Тираспольской». Все в ней поразило Димитара – и личность художника, поэта, философа, и его неординарность, и судьба, рассказанная автором откровенно и тактично… Тучкова захватило повествование Олега, и он стал искать возможность познакомиться с ним, чтобы поделиться ощущением от встречи с Гражданином Мира – таковым он считает Юрия Коваленко. Для Тучкова было важно увидеться с Губарем именно в середине ноября, перед открытием выставки работ Юрия Коваленко из его коллекции в Одесском литературном музее. Так сложилось, что Олег долго был в отъезде, но за несколько дней до вернисажа вернулся в Одессу.

Я не очень прислушивался к их разговору…

Замечу лишь, что среди работ, приобретенных Тучковым, оказалось и несколько подделок, что, естественно, огорчает коллекционера. Но Губарь заметил, что их наличие свидетельствует о том, что сей художник значителен и стоит того.

В нашей беседе Димитар и Олег определили суть Коваленко как Гражданина Мира. Да так оно и есть. Я встречал таких вот крепких бородатых мужиков с мощным лбом эллинского философа под беретом а-ля апаш, хитроватыми глазами простолюдина из Прилук при аристократических пальцах питомца школы великого петербуржца Николая Акимова в кафе Монмартра, в кабачках мюнхенского Швабинга, в закоулках нью-йоркского Гринвич-Виллиджа, в духанах Тбилиси, на крутых скалистых тропах библейского Цфата. И, разумеется, в легендарных одесских «Двух Карлах» (они сейчас возродились!), где однажды встретились Юра, Олег и я. Посидели, поговорили, и они пошли дальше – к Зосе… А я остался за своим стаканом – ибо отставал от них.

О ноябрьской выставке работ Юрия Коваленко из коллекции Антонетты и Димитара Тучковых в залах Литературного музея ко дню выхода в свет этого номера нашего альманаха, несомненно, напишут в одесских и не только изданиях, и мы с удовольствием их прочтем.

P. S. В этот день Олег подарил Димитару единственный сохранившийся у него буклет к выставке Коваленко 2000 года – с цветными иллюстрациями.

Если у кого-то из наших читателей есть книга О. Губаря «Человек с улицы Тираспольской», с которой он готов расстаться (обмен, продажа подарок), то мы уполномочены приобрести ее для Димитара Тучкова – человека с улицы Посмитного, где расположено Генеральное консульство Болгарии в Одессе.

Михаил Сеславинский

В отблеске таланта

125 лет со дня рождения К.Г. Паустовского. Автографы в моем собрании

Летний отпуск нынешнего года я провел одновременно в двух местах – горах Швейцарии и на улицах Одессы. Если среди читателей этого небольшого очерка будет врач-психиатр, то он, вполне вероятно, от радости захлопает в ладоши, ибо раздвоение личности (диссоциативное расстройство идентичности) – довольно редкое заболевание. Так что прочитать литературные изыскания такого пациента – несомненная врачебная удача. Но поспешу его разочаровать. Ларчик открывается просто: со мной на отдыхе было скромное издание очаровательной повести К.Г. Паустовского «Время больших ожиданий» (М.: «Советский писатель», 1960).

Нет смысла рассказывать одесситам о том, как погружаешься в это эмоциональное повествование о пребывании молодого Константина Паустовского в Одессе в начале 1920-х годов. Чего в нем только нет: живые зарисовки одесских жителей («чтоб мне не дойти туда, куда я иду»), газетно-журнального мира («мы завинтим такую газету, что перед ней померкнут романы Дюма-отца и Буссенара»), бытописание тех трудных лет («во время оно <…> я в рот бы не взяла эту мамалыгу, когда я имела каждый день пшеничный арнаутский хлеб», «дрова мы воровали преимущественно в Аркадии»), портреты Ильи Ильфа (который «еще не был писателем, а ходил по Одессе в потертой робе, со стремянкой и чинил электричество») и Исаака Бабеля («мы все жили в легком отблеске его таланта»). При чтении повести возникает давно забытое детское ощущение от увлекательной книги, когда нестерпимо хочется, чтобы она подольше не заканчивалась.

Выбор «Времени больших ожиданий» в качестве одного из произведений для летнего чтения был вполне очевиден. Ведь

только-только закончилась череда мероприятий, связанных со 125-летием со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского. И мы уже жили в отблеске таланта и этого замечательного писателя.

Мы вспоминали Константина Георгиевича не только как классика советской литературы. Его гражданская позиция – редкий пример благородного и порядочного поведения. Достаточно вспомнить полуторамесячное пребывание на Южном фронте в 1941 году в качестве военного корреспондента, подписание в 1966 году знаменитого письма двадцати пяти деятелей науки и культуры генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина, поддержку А.И. Солженицына, А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля.

А чего стоит телефонный разговор с председателем Совета Министров А.Н. Косыгиным в самом конце жизни:

*– С вами говорит умирающий Паустовский. Я умоляю вас не губить культурные ценности нашей страны. Если вы снимете Любимова, распадется театр, погибнет большое дело.**

Как и многие другие писатели и поэты, Паустовский принадлежит России и Украине одновременно, что, как мне кажется, в наше время особо ценно. Он не только носил образ Украины в своем сердце, но и не уставал повторять о ее влиянии на свое творчество:

* Чуковский К.И. Дневник. 1901-1969: в 2 т. / [Подгот. текста, коммент. и подбор ил. Е.Ц. Чуковской; вступ. ст. В.А. Каверина]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – Т. 2: 1930-1969, с. 528.

*– Мы не часто задумываемся над тем, как та или другая страна, где мы провели хоть часть своей жизни, особенно молодость, отражается на нашем сознании, на самом строе наших мыслей и чувств. В книгах почти каждого писателя просвечивается, как сквозь легкую солнечную дымку, образ родного края с его бескрайним небом и тишиной полей, с его задумчивыми лесами и языком народа. Мне, в общем-то, повезло. Я вырос на Украине. Ее лиризму я обязан многими сторонами своей прозы…***

Но такие же пронзительные цитаты мы найдем и про русскую природу. И как тут не вспомнить его любовь к Тарусе-городку, который он наполнил новым звучанием и содержанием, в том числе инициировав выход знаменитого сборника «Тарусские страницы», столь любимого книгочеями и библиофилами. Приведу лишь две цитаты, которые мне особо близки и любимы.

– Поверьте мне, – я много видел просторов под любыми широтами, но такой богатой дали, как на Ильинском омуте, больше не видел и никогда, должнобыть, не увижу.

*Это место по своей прелести и сиянию простых полевых цветов вызывает в душе состояние глубочайшего мира и вместе с тем странное желание: если уж суждено умереть, то только здесь, на слабом этом солнечном припеке, среди этой высокой травы****.*

** Паустовский К.Г. Образ Украины я носил в своем сердце… // Мир Паустовского. – 2006, № 24, с. 2.

*** Паустовский К.Г. Ильинский омут / [Послесл. Г.П. Трефиловой; ил. А.К. Яцкевича]. – М.: Сов. Россия, 1984, с. 345.

Марине Раковой – за проявленное ею гражданское мужество, – с благодарностью и восхищением.
К. Паустовский
(он же Капустовский – в бакинском произношении).
29/VIII-60
Москва

Автограф К. Паустовского

*– Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску – на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу**.

Но вернемся к повести «Время больших ожиданий». Взятый мной на отдых экземпляр был не таким уж простым.

На переднем форзаце синими чернилами выведен любопытный содержательный автограф:

«Марине Раковой – за проявленное ею гражданское мужество, – с благодарностью и восхищением. К. Паустовский (*он же «Капустовский» – в бакинском произношении*). *29/ VIII – 60 Москва».*

Адресат – Марина Адольфовна Ракова (1921-2010) – известная артистка эстрады, мастер художественного слова, проработавшая около 30 лет в филармоническом отделе Ленконцерта. М.А. Ракова была яркой, талантливой и весьма востребованной артисткой, не только активно работавшей на сценических площадках Ленинграда, но и много ездившей по стране. Ее хорошо знали по двум пластинкам фирмы «Мелодия» и многочисленным выступлениям по радио и на «голубом экране». В репертуаре Марины Раковой были две литературные программы по прозе Паустовского – «Вечер рассказа» и «Золотая роза».

Об обстоятельствах знакомства, общения и появления данного инскрипта Марина Адольфовна обстоятельно рассказала в очерке «Цветок на краю окопа», опубликованном в книге ее воспоминаний «Иглы памяти».

Дадим ей слово:

* Паустовский К.Г. Муза дальних странствий / [Вступ. ст. А.И. Павловского; примеч. Л.А. Левицкого]. – М.: Сов. Россия, 1988, с. 33.

М.А. Ракова около Большого зала Бакинской филармонии

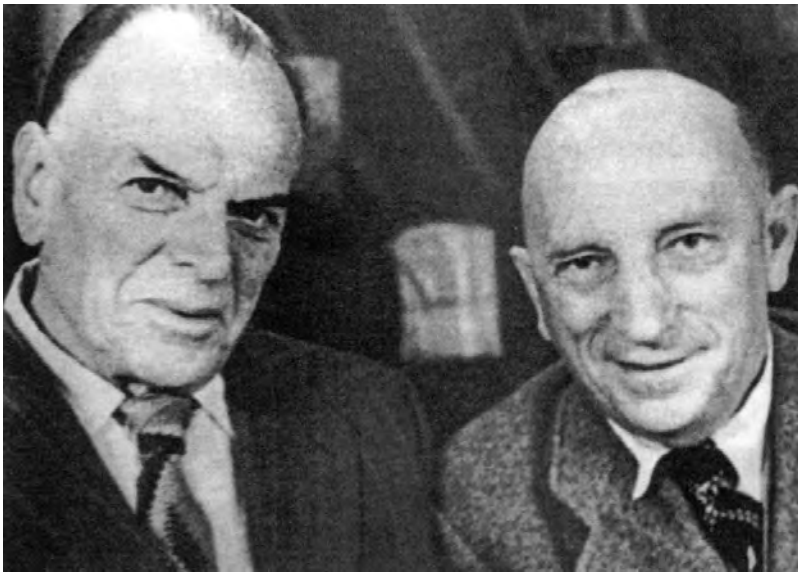
«Тогда я только что вернулась из Баку, куда привезла программу по рассказам Паустовского. Концерт предстоял в Большом зале Бакинской филармонии. В гостиницу за мной прислали администратора – ему приписывалось отвезти меня на концерт. Когда мы с ним спустились в вестибюль, машина уже ждала у подъезда. Администратор попросил меня подождать и куда-то ушел. Через некоторое время он вернулся, кого-то поискал в холле и снова исчез. Время шло. Я начала нервничать, что могу опоздать, но сопровождающий не возвращался. Я вышла к машине и спросила, где же может быть мой провожатый. Водитель пожал плечами и загадочно ответил.

– Ищет.

Прошло еще какое-то драгоценное время, и, когда я совсем отчаялась, администратор, наконец, появился. Я бросилась к нему:

– Мы опаздываем!.. Что случилось? Кого мы ждем?!

– Не надо волноваться, мадам. Мы ждем Капустовского. Он выйдет – и мы поедем.



К.Г Паустовский и С.М. Алянский

– Кого?!

– Капустовского. Вас же в афише двое…

*Я не знала, смеяться или плакать. Мы помчались на концерт. Все билеты, даже входные, были проданы. Это меня утешило».**

Рассказ этот прозвучал на дружеской встрече в квартире М.А. Раковой, на которой также присутствовал Самуил Миронович Алянский – родной дядя ее мужа и большой друг писателя. А сама книга с теплым автографом была прислана Паустовским уже из Москвы.

Любители автографов знают, что в библиофильской жизни редко случается такая удача, когда вместо стандартного «Уважаемому Ивану Ивановичу от автора» подвернется книга с дарственной надписью, вокруг которой разворачивается столь интересная и веселая история.

* Ракова М.А. Иглы памяти. – СПб.: Лики России, 2006, с. 113.

Также нам хорошо известно, что в большой библиотеке автографы и книги часто ведут своеобразную перекличку друг с другом, когда одно имя цепляет другое и образует гирлянду событий и взаимоотношений.

Так случилось и на этот раз.

Рассказ М.А. Раковой с упоминанием имени С.М. Алянского самым чудесным образом ведет нас к еще двум предметам из моего собрания.

Один из них – фотопортрет К.Г. Паустовского, сделанный, по всей видимости, в Тарусе в 1950-е годы.

На лицевой стороне фотографии автограф: *«Взыскательному и верному / другу – Самуилу Мироновичу / Алянскому с глубокой любовью / К. Паустовский / 29/VII-[19]59 г. / Москва».*

Напомню, что Самуил Миронович Алянский (1891-1974) – создатель и глава легендарного петроградского издательства «Алконост» (1918-1923). После закрытия «Алконоста» Алянский, окончивший искусствоведческий факультет Института истории искусств, работал в издательстве Наркомпроса, затем заведовал книжными магазинами издательств «Книга» и «Международная книга». Возглавлял «Издательство писателей в Ленинграде» (1929), заведовал производственным отделом в Ленинградском отделении издательства «Молодая гвардия» (1932). В годы войны был в эвакуации в Ташкенте, но К.И. Чуковский организовал его вызов в Москву. С 1943 года – член редколлегии и художественный редактор журнала «Мурзилка» и издательства «Детгиз», где до конца жизни был консультантом по оформлению детской книги.

К.И. Чуковский писал В.М. Конашевичу в 1950 году: «*Кстати, я в Детгизе заговорил об Алянском. Сказал: «Мы все его любим, а собственно*

за что?» И вдруг накинутся на меня Эмден[*] и другие. «Как за что?!! Это рыцарь. Это гордый человек! Это – принципиальнейший человек! Это – культурнейший человек! Это скромнейший человек! Это…»

– Это уютнейший человек! – прибавил я. Но моей прибавки не приняли, а посмотрели на меня с такой укоризной, что мне стало совестно, почему я не Алянский».[**]

Последние годы жизни Паустовского были тесно связаны с С.М. Алянским. Завязались не только деловые отношения, но и настоящая многолетняя дружба двух творческих людей. В 1958 году Паустовский писал Алянскому из Тарусы: «*Вы сделали мне царский подарок, – автограф Блока, да еще на книге, которая его, очевидно, очень интересовала. <…> Дня через два-три я окончу четвертую автобиографическую книгу… – 1921-22 годы в Одессе. <…> Увидимся, когда Вы вернетесь из Дубултов, я в это время еще буду здесь, и Вы приедете, так как с меня врачи сняли запрет общения* (*они проводили его очень строго*). *Я очень хочу видеть Вас, поговорить за жизнь и за все прочее, включая литературу*».[***]

А относительно недавно мою коллекцию пополнил еще один замечательный документ, связанный с именами А.А. Блока, С.М. Алянского и К.Г. Паустовского. Ранее он был описан лишь художником Л.А. Токмаковым, видевшим его у Паустовских.[****]

Это самодельное удостоверение, выданное С.М. Алянскому А.А. Блоком с его карандашной печатью, меняет наше представление о поэте, которого мы даже не представляли веселым человеком, склонным к розыгрышам и шуткам.

Лучше меня об этом документе расскажет сам Самуил Миронович: *«Это было летом 1919 года. Как-то я засиделся на Офицерской у Блока до того часа, когда хождение по улицам без специального пропуска уже запрещалось. «А Вас не задержат?» – спросил Алек-*

---

* Эсфирь Михайловна Эмден (1906-1961) – писательница, редактор отдела дошкольной литературы издательства «Детская литература».

** Цит. по: Ефимов Е. «Вы всегда были истинным праздником»: (О дружбе К.И. Чуковского и С.М. Алянского.) // Наше Наследие. – 2010, № 96, с. 71.

*** Паустовский К.Г. Собрание сочинений в 9 т. – М.: Худож. лит-ра, 1981-1986. – Т. 9: Письма, 1915-1968. – 1986, с. 342.

**** Токмаков Л.А. Как я стал художником книги [Электронный ресурс] // Booksplim.ru: блог о детской литературе. – М., 2015-2077. – URL: http://booksplim.ru/statya/lev-tokmakov-kak-ya-stal-hudozhnikom-knigi.html (дата обращения: 18.08.2017).

сандр Александрович, прощаясь. И вдруг он улыбнулся чему-то, попросил меня минуточку подождать. Подошел к столу и быстро написал вот это удостоверение. Передал его мне и серьезно сказал: «С этим Вас пропустят». На следующий день, когда я рассказал Блоку, что у самого моего дома меня все же задержали, что патруль после внимательного изучения моего удостоверения отпустил меня, Александр Александрович долго смеялся продолжению его шутки».[*****]

М.А. Ракова, К.Г Паустовский и С.М. Алянский

К оборотной стороне удостоверения прилагается записка со следующим текстом: «Дорогой Константин Георгиевич, Александр Александрович Блок был очень веселый человек. И я сегодня рад подарить тебе эту шутку, написанную рукой поэта, тоже веселому и бесконечно любимому мною человеку и поэту. 31 мая 1962 года. Самуил Алянский».

Текст же самого удостоверения следующий:

«С.Р.Ф.С.Р. / Болит / от / дел / № 8910111213000т (dlkm) / Удостоверение / Сим удостоверяется што / Самуил Миронович дей- / ствительно. / Председатель Ал. Блок».

Этот уникум – драгоценный подарок от уже упоминавшейся Галины Алексеевны Арбузовой. Вместе с ним ко мне попало еще несколько книжек из домашней библиотеки писателя (преимущественно – почитанные и несколько усталые сборнички Серебряного века и первых лет советской власти). Для них я заказал специальный штемпельный экслибрис, чтобы они не затерялись среди других книжек и могли в дальнейшем путешествовать по книжным собраниям именно в таком качестве.

Юбилейный год Константина Георгиевича Паустовского подходит к концу, но проза писателя и его автографы, периодически всплывающие на антикварно-букинистическом рынке, надеюсь, будут сопровождать нас на протяжении всей жизни.

***** Цит. по: Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей» / Сост. Л.Г. Ларионова // Про книги. Журнал библиофила. – 2016, № 3 (39), с. 105-106.

Евгений Голубовский, Олег Губарь

Вечное обновление

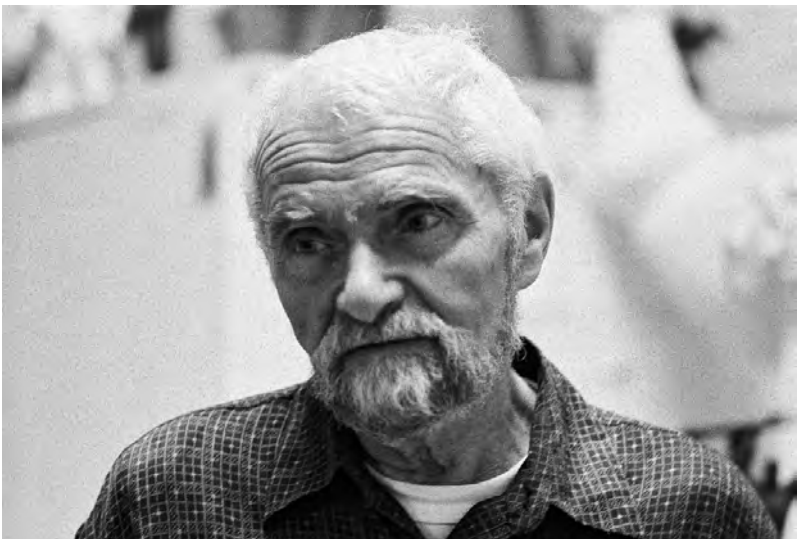
Нашему другу, замечательному одесскому скульптору Александру Вениаминовичу Князику (в дальнейшем – Алику) исполнилось 31 августа 2017 года 85 лет. Можно было бы считать, что паспортистка лет на двадцать ошиблась, но нет, всё документировано.

Родился в Днепропетровске (нынешнем Днепре), там же – школа, художественное училище. Институт, уже в Киеве, окончил в 1959 году. И приехал в Одессу. Сразу – и навсегда. Здесь в 1985 году стал заслуженным художником Украины.

У Князика множество работ, монументальных, камерных. Он трудоголик. Но если попытаться назвать одну, которая выразила бы его суть, мы бы назвали композицию, получившую в 1990 году золотую медаль Международной биеннале скульптуры в Равенне, – «Обновление». Это не только про каждого из зрителей, даже скорее не столько про нас, зрителей, сколько о себе. Да, в основу легли строки Данте, как требовало жюри, но человек, избавляющийся от скверных привычек, скверного прошлого, стягивающий их с себя, как кожу, чтобы обновленным творить дальше, – это метафора жизни А. Князика.

Первый вариант работы хранится в музее Равенны, второй можно увидеть в Одесском художественном музее.

Е. Г.: – Уже точно и не вспомню, когда я познакомился с Аликом Князиком. Мне помнится, что знакомил нас Слава Божий. Но впервые в работе я увидел его лет тридцать назад. На Гагаринском плато тогдашний мэр Валентин Симоненко разрешил провести первый Одесский международный скульптурный симпозиум. Туда привезли каменные глыбы, из которых и нужно было вырубить…



Вот там я увидел, что такое работа скульптора. Соревновательная. Изнуряющая. Счастливая. Никаких заказов. Воля вольная. Жюри возглавил Георгий Франгулян. Из одесситов, помню, как работали Николай Степанов, Николай Худолий, Юрий Коваленко. Ответственным там был Алик Князик. Главным, значит, работал больше всех.

Но, пожалуй, друзьями мы стали чуть позднее, когда Алик поставил в начале Дерибасовской улицы своего Иосифа Дерибаса. Меня привез на площадку друг Валентина Симоненко, известный одесский строитель Игорь Авербах. Уже раздавался ропот: «Дерибас с лопатой!». Как видно, представляли его со шпагой в руке в мушкетерской позе. А мне понравилось. И то, что не гигантская скульптура, и то, что осознан Дерибас как первостроитель, а не воитель…

С того такого далекого 1994 года уже в мастерской видел эскизы всех монументальных работ.

Никогда не спрашивал Алика: «А сколько тебе лет?». Повода не было. Настолько в своей работе он молодой.

О. Г.: – В присутствии Алика Князика ощущаю себя стариком, хотя он на 20 с хвостиком лет постарше будет. Всякая наша встреча неизменно начинается его восторженным восклицанием: по поводу вновь прочтенного текста, вновь открытого художника, вновь увиденного ландшафта, вновь обретенного друга и т. д. Алик соткан из счастливого ребяческого изумления. И это так заразительно, так оживляет!

Когда-то мы встречались на посиделках у блистательного акварелиста Кости Силина, весело, задушевно пели под гитару с не менее блистательными живописцами Орестом Слешинским, Адольфом Лозой. Иных уж нет, а те далече. Но когда рядом Князик, печаль моя светла, жизнь продолжается.

Е. Г.: – Круг ближайших друзей – это очень точный портрет самого человека. А ближайшими друзьями Алика кроме уже названных были Александр Ацманчук, Александр Фрейдин, Владимир Власов. В мастерской Князика висит его замечательный портрет, который написал Саша Ацманчук, а он портретировал не каждого. И подарки – работы Фрейдина. Именно заботами Князика были в последние годы проведены выставки этих художников. И одну из своих выразительных скульптур, «Птицелов», Александр создал в память Александра Фрейдина. И человек, и птица в одной клетке. Как это созвучно творчеству умершего друга…

Князик в своих работах не боится быть литературным, философским. Это Маяковский писал: «Мы диалектику учили не по Гегелю». Князик учил Гегеля. С ним разговариваешь – и вспоминаешь Льва Толстого, вспоминаешь Юрия Трифонова, и вдруг Алик на память прочтет пассаж из Гегеля. Знания не мешают художнику, они сопрягают его с эпохой. Нет, он не «книжный червь», он веселый человек.

Наш город он полюбил потому, что сам для себя сформулировал: «Одесса – город, в котором люди живут для того, чтобы радоваться жизни». Вот этим умением жить, радуясь жизни, он заражает окружающих.

О. Г.: – Сколько-то лет назад развернулся проект международного поэтического фестиваля «Пушкинская осень в Одессе», вы-

зрела идея пешеходного пушкинского маршрута с устройством серии арт-объектов. Привел в мастерскую к Князику организатора этого форума поэтов, замечательного Олега Борушко, и работа, что называется, закипела. Никто никому ничего не диктовал, намечался лишь смутный абрис предполагаемого мемориального знака. У Алика были развязаны руки, он по обыкновению с радостным простодушием упоенно рисовал многочисленные эскизы, предлагал варианты, светился доброжелательным соучастием.

Не стану нахваливать вот эти конкретные его работы: у него есть множество произведений покруче, особенно в жанре мелкой пластики. Хочу говорить о другом. О том, например, как он воссоздавал фрагмент городских тротуаров времен Воронцова – элемент ретроспективной уличной фурнитуры, – теперь это дивный экскурсионный объект. Да, так вот Алик с ломом наперевес отправился на какие-то задворки, где добыл потребное количество плитчатого известняка, так называемого «звонкого камня», на собственном горбу доставил к месту будущей экспозиции, а затем укладывал в соответствии со СНиПами 200-летней давности. Это подвижничество!

Е. Г.: – Не уверен, что все читатели знают, какие мемориальные доски сделал А. Князик в нашем городе. Я считаю большими удачами памятные знаки И. Бабелю и И. Ильфу, С. Липкину и В. Хлебникову. Они очень разные. Но в каждом из них есть точный выразительный образ человека. Помню, как Алик над каждым из них работал. Читал Семена Липкина. И хоть нет на доске трагических строк из стихотворения «Зола», они во взгляде поэта.

Творчество Хлебникова было внове для скульптора, но он вчитался, вдумался, ему стал интересен образ «Председателя земного шара»…

Размышления над творчеством Ильи Ильфа не ограничились мемориальной доской. Сейчас в Одесском литературном музее к 85-летию А. Князика прошла выставка «После гламура». Кстати, очень удачное название. Живопись Серафима Чаркина (к его творчеству наш альманах еще обратится) и скульптура Александра Князика. И зрители сразу же обращают внимание на композицию «Беседа». Сидят, покачиваясь на стульях, Илья Ильф и Евгений

Петров. Немой диалог. Как было бы справедливо, если бы Литмузей (обращаюсь к Татьяне Липтуге, к Леониду Липтуге) приобрел для Сада скульптур эту работу! И к уже установленным там работам Князика «Одесса-мама», «Сашка-музыкант» добавилась и эта.

Выставка дала возможность увидеть несколько десятков работ в дереве, в бронзе, в камне. Камерную скульптуру. Философскую скульптуру.

Как важно представить, что в «Изгнании из Рая» идут несломленными наши прародители.

А вот скульптура «Проблема» – человек ходит по остриям ножей, но ходит, хоть они создают ему проблемы…

«Высота». Вроде бы герой уже стоит ногой на вершине, но смотрит не вниз, а вверх. Что там еще? Как бы оборотка звучащему сегодня «Дна нет». А может, немой вопрос Богу – что еще придумаешь?

«Преодоление». Человек, вырывающийся из камня. Вспоминается Мюнхгаузен, вытаскивающий себя за волосы из болота. Но эта ситуация менее смешная, более глубокая.

Назвал смыслы. А каждая скульптура как математическая формула. Пластическая точность и простота. Ориентир на античную архаику.

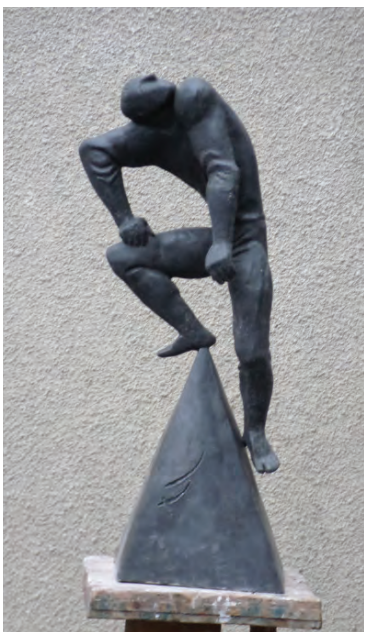
И еще одну работу не могу не упомянуть. Недавно ее установили у входа в Одесский художественный музей, прямо у пандуса, ведущего в залы музея. «Зритель». Стоит, склонившись у пустой рамы, человек, удивительно похожий на директора музея Виталия Абрамова. И, напряженно вглядываясь в пустоту, он олицетворяет и искусствоведов, и зрителей. «Король голый!» кричать не нужно. Мы видим, что холста нет, что взор ласкает пустоту.

Если бы только одна эта работа Александра Князика была в нашем городе, можно было бы, не напрягая голос, сказать: «Классик!».

О. Г.: – Надо бы избегать речевых штампов, пафоса и патетики, но как же не сказать о выдающейся порядочности, доброте, бескорыстии, позитивной энергетике, легком характере любимого Друга, о прицельности, уместности его щедрых подарков!

По словам Гарика Голубенко, Одесса – это улыбка Бога. Алик Князик – один из тех редких людей, которые придают этой улыбке зримость, рельефность. С чем и поздравляю Город, да и всех нас!

АЛЕКСАНДР
КНАЗИК
ALEXANDER
KNVAZIK
КАТАЛОГ
CATALOGUE



ПОЭТ
ЖИЛ
ЛЕТО 1119 10
НА ВЕЛИКОГО 13

Евгений Деменок

Давид Видгоф и Альфонс Муха. История одной дружбы

Одним из шедевров пражского Музея Альфонса Мухи – единственного в мире официального музея художника – является, безусловно, «Автопортрет в русской рубашке», выполненный им в 1899 году.

Автопортреты – тема, часто встречающаяся в творчестве Мухи, но у этого автопортрета – особенная история. Он был написан в год первого визита Мухи на Балканы, поездки, которая усилила и укрепила его панславянские убеждения. А самое интересное – то, что рубашка была подарена ему его другом из Одессы, художником Давидом Видгофом, который был евреем. Вряд ли Видгоф, родившийся в Одессе и проживший большую часть жизни во Франции, разделял идеи панславизма, но, безусловно, ему, выходцу из Российской империи, идеи эти были знакомы и близки. А кроме того, он просто хотел сделать хороший подарок давнему другу – ведь «славянский» стиль был «фирменным знаком» Альфонса Мухи.

Альфонс Муха и Давид Видгоф познакомились в Мюнхенской академии художеств в 1886 году. Мюнхен был в то время одним из главных центров европейского изобразительного искусства – в первую очередь именно благодаря академии, в которой учились десятки художников, чьи имена известны сегодня любителям изобразительного искусства во всем мире. Достаточно назвать Василия Кандинского, Пауля Клее, Джорджо де Кирико… Но наши герои учились в академии задолго до них.

Давид Видгоф поступил в Мюнхенскую академию 22 февраля 1884 года и был сразу зачислен в натурный класс – несмотря на то, что ему на тот момент было всего шестнадцать лет. В те же

Муха и Видгоф в Мюнхене

годы в академии учились еще двое одесситов, знакомых Видгофа по Одесской рисовальной школе Общества изящных искусств – Исаак Пастернак, более известный нам под именем Леонид Пастернак, и Соломон Кишиневский. Оба были зачислены в академию в один день – 26 октября 1883 года, но в разные классы – Пастернак в натурный, Кишиневский в «античный» – класс рисования с античных слепков. Пастернаку было в тот момент 22 года, Кишиневскому – 18 лет.

Спустя три года, 12 мая 1886 года, в натурный класс академии был зачислен Альфонс Муха. Ему было в тот момент двадцать пять лет. В книгах академии указано, что он был католического вероисповедания.

Все довольно быстро сдружились. На знаменитой фотографии 1885 года, которая экспонируется в Музее Альфонса Мухи, вместе с ним позируют его соученики – в самом центре фотографии сидит Давид Видгоф, за ним стоит Леонид Пастернак, рядом –

студенты-чехи Карел Машек и Людек Марольд. Муха писал, что Мюнхенская академия была в то время не только серьезной школой, но и прекрасным художественным сообществом.

Альфонс Муха

Леонид Пастернак в своей книге «Записи разных лет» оставил великолепные воспоминания о годах учебы в академии; по нескольким фрагментам перед читателем вырисовывается живая картина тогдашней художественной жизни в баварской столице:

«Мюнхен и Королевская мюнхенская академия художеств в начале 80-х годов прошлого столетия славились как второй после Парижа европейский центр, куда стекались иностранцы со всего света (особенно американцы) для получения художественного образования. Об этом я давно слыхал от одного знакомого одессита, художника Вербеля, первым открывшего дорогу русским художникам в Мюнхен. Вместе со мною поехал художник Кишиневский; потянулись за нами учиться там: Алексомати, Фукс, Видгопф из Одессы; из Петербурга – Браз; последователями нашего «начала», но уже значительно позднее, были Грабарь, Кардовский, а также московские ученики мои – Щербатов, Зальцман и другие.

<…> Я поступил в Мюнхенскую академию в последний год пребывания в ней директором художника Пилоти, всемирно известного своими историческими – огромными и скучными – картинами. Он, правда, поставил академию на небывалую ни до, ни после него высоту, так что учиться – особенно рисунку – многие предпочитали не в Париже, а в Мюнхене. Но живопись, как ее преподавали в большинстве хваленых мастерских академии, мне лично была не по вкусу; меня гораздо больше тянуло

к живописи французской, которая уже тогда была мне знакома и несомненно близка. В те времена Мюнхенская академия делилась на классы (так наз. «Schule»), подобно мастерским: 1) Antikenschule – самый низший класс, тут преподавали рисунок только с гипсов; 2) Naturschule (соответствовавший нашему натурному классу), где преподавали исключительно рисунок с живой натуры; 3) Malereischule – живописный класс и 4) Komponierschule – композиционный класс, где под руководством профессора «писалась картина» на заданную тему».

Пастернак вспоминает о двух соучениках-чехах – Мухе и Марольде:

«К выбранному мною профессору Гертериху, мастерская коего тогда очень славилась, я попал номером первым. У Гизиса в соседней мастерской первым номером был принят и, как и я, все время первым шел молодой человек, очаровавший всех, с доброй, чистой, детской улыбкой на ясном лице, красивый блондин – Людвиг Марольд, чех, ставший впоследствии известным и в Париже, куда он переехал, бросив академию по окончании натурной мастерской.

Заговорив о Марольде, я должен упомянуть другого его соотечественника – Муху, приобретшего европейскую известность своими плакатами и ставшего модным в Париже, куда он попал после окончания академии».

Кстати, Муха в Мюнхене был активен и в общественной жизни – довольно скоро из активного участника «Škréta spolek», сообщества студентов-художников из Центральной и Восточной Европы, стал его председателем.

Пастернак вспоминал также, что во время учебы в Мюнхене Давид Видгоф познакомил его с матерью Валентина Серова, Валентиной Семеновной, происходившей из одесской семьи Симонович. Замечательные воспоминания о самом Видгофе (который учился у того же Макса Гертериха) оставил Соломон Кишиневский:

«Когда Видгопф приехал в Мюнхен, то и ему пришлось отряхать прах [обучения в Рисовальной школе] от ног своих, и ему пришлось отделываться от губительной «зернистой» тушевки – но он быстро освоился с техникой угля. Живописная и художественная его манера рисования углем в академии превзошла работы Пастернака.

На «Komponierverrein» он у всех здесь имел большой успех [«независимо от академии, частным образом по инициативе студентов мы основали так называемый «Komponierverrein» (общество изучения композиции)] и был любимцем профессора Лицен-Майера, стоило ему разок не придти, как кругом уже слышно было: «Wo ist der kleine Widhopf?», «Was macht der kleine Widhopf?» (где маленький В., что делает маленький В.). Небольшого роста, но ловкий, с красивым и чистым лицом, брюнет с живыми глазами, восприимчивый и жизнерадостный, он в сравнении со степенным Пастернаком казался самородком».

Как же провел ранние годы Давид Видгоф, прекрасный рисовальщик, который был всеобщим любимцем и дружил, кажется, со всеми?

Давид Осипович Видгоф (в России его фамилию часто писали как Видгопф, во Франции – Widhoppf) родился в Одессе 5 мая 1867 года. Способности к рисованию проявились у него очень рано; в 1881-м, в возрасте четырнадцати лет, Давид Видгоф поступил в Одесскую рисовальную школу, где проучился три года. Его сразу же заметили – в «Отчете о деятельности Одесского общества изящных искусств» за 1881 год отмечено, что Давид Видгопф награжден 1-м похвальным листом за отличные успехи по рисованию фигур с оригиналов; в 1882 году Давид Видгоф был отмечен IV премией (средней бронзовой медалью) за отличные успехи по живописи пейзажей и II похвальным листом по рисованию с гипса. В том же году I премией и большой серебряной медалью были награждены Исаак Пастернак и Соломон Кишиневский.

В своей речи по итогам 1883 года вице-президент Одесского общества изящных искусств Ф.О. Моранди отметил:

«В течение девятнадцатилетнего существования своего наши школы (рисовальная и музыкальная. – **Прим. автора**) выпустили много таких учеников, которые своими талантами и успехами приобрели себе известность, и много таких, которые хотя не заявили себя талантами, но, благодаря знаниям, вынесенным из наших школ, приобрели возможность изыскать источники для безбедного существования. В прошлом году отправились для продолжения образования следующие ученики наших школ: в петербургскую академию художеств: Терентий Зубков, Георгий

Альфонс Муха. Автопортрет в русской рубашке. 1899

Дамир, Иван Евсевский, Антон Полиано, Герасим Головков и Анастасий Брянцев; в московскую академию художеств Феодосий Загайдан; в венскую академию Эмилия Скута; во Флоренцию Камилл Боссалини; в мюнхенскую академию: Абрам Фукс, Давид Видгоф, Соломон Кишиневский; в парижскую Соломон Цивис… <…> По полученным мной сведениям, эти ученики, как хорошо подготовленные, были приняты по проверочным испытаниям и с успехом продолжают свое образование».

Как видим, ученики с еврейскими фамилиями поехали продолжать образование не в Москву и Петербург, а в Мюнхен и Париж. Это неудивительно. Если начальное художественное образование художник иудейского вероисповедания еще мог получить в Одессе, находящейся в черте оседлости, то о высшем художественном образовании в пределах Российской империи можно было забыть – поступить в Санкт-Петербург или Москву было в те годы делом практически нереальным. Поэтому и ехали художники-евреи в Европу. Две тогдашние столицы европейского изобразительного искусства дополняли друг друга – в Мюнхене была отличная графическая школа, в Париже – живописная. Вот что писал об этом Леонид Пастернак:

«Перейдя с медалью из натурной в живописную мастерскую, я оставался там недолго. Направление и приемы мюнхенской живописи меня не удовлетворяли. Я твердо решил оставить академию и не поступать в композиционную мастерскую, считая это лишней тратой времени.

Для живописи центром теперь был Париж – туда значит и надо ехать, там и надо работать; немецкая же живопись не удовлетворяла меня вовсе. <…> Удивительно также, что к середине 80-х годов мы в Мюнхене – в такой близости от Парижа – ничего не слыхали и даже понятия не имели о французском импрессионизме, о зарождении его и о его завоеваниях».

Пастернак был не одинок. В Париж стремились практически все. В 1887 году туда переезжают Альфонс Муха, Карел Машек и Давид Видгоф, чтобы продолжить обучение в Академии Жюлиана.

Частная академия художеств, основанная в 1868 году Родольфо Жюлианом, представляла собой тогда главную альтернативу центру французского классицизма – Школе изящных искусств. Обучение в академии могло служить подготовительным этапом для поступления в Школу изящных искусств; в ней широко практиковалось рисование обнаженной натуры, а также допускались к учебе женщины. Жюлиану удалось привлечь к преподаванию четырех членов жюри Парижского салона: Вильяма Бугро, Тони Робера-Флери, Жюля Лефевра и Гюстава Буланже, а также других известных художников: Жан-Поля Лорана, Габриэля Ферье, Анри Ройе.

Академия была популярна как среди французов, так и среди иностранцев – англичан и немцев, поляков и канадцев, русских и американцев. В разное время в академии Жюлиана учились Анри Матисс и Жан Дюбюффе, Пьер Боннар и Жан Арп, Петр Кончаловский и Леон Бакст, Феликс Валлотон и Андре Дерен, Жак Липшиц и Джон Сингер Сарджент, Марсель Дюшан и Эдуар Вюйар.

Именно у Лефевра, Буланже и Лорана и продолжил обучение Альфонс Муха. Видгоф учился у Лефевра и Тони Робера-Флери.

Париж в конце позапрошлого века буквально фонтанировал новыми художественными движениями и направлениями. Учеба Мухи и Видгофа в Академии Жюлиана совпала с формированием группы «Наби», которую создали ученики академии Поль Серюзье, Морис Дени, Пьер Боннар, Поль Рансон, Эдуар Вийяр, Феликс Валлотон и другие. «Набиды» (от древнееврейского «пророк», «избранный») представляли собой одно из важнейших направлений искусства конца XIX-го и начала XX-го века; они создали свой вариант стиля модерн, аналога австрийского и немецкого сецессиона. С самого начала в живописи «Наби» развивались две

линии: символико-спиритуалистическая, представленная творчеством Дени, Серюзье, Рансона, Веркаде, пытавшихся возродить церковную монументальную живопись, и искусство «интимистов», как называли Вюйара, Боннара и Русселя за их стремление к поэтизации повседневной действительности.

Одним из важных новшеств, введенных «набидами», стремившихся к синтезу искусств, стало непосредственное участие художников в создании рекламы, декораций, плакатов, книжной и прикладной графики, костюмов; они рисовали постеры, делали книжные иллюстрации и даже создавали дизайн обоев, тканей, керамики, мебели, фарфора и ковров. В творчестве «набидов» проявились характерные черты стиля модерн – плоскостность форм, декоративность цвета, прихотливая изогнутость контуров, гармония ритмов, что дает право некоторым исследователям причислять эту группу к ар-нуво.

Все это, безусловно, оказало решающее влияние на становление и Альфонса Мухи, и Давида Видгофа. Долгие годы они будут заниматься созданием книжных и журнальных иллюстраций, созданием постеров и рекламы, сотворив множество великолепных графических произведений, – сказалась мюнхенская выучка. И лишь постепенно, с годами, оба художника все больше и больше начнут заниматься живописью.

Давид Видгоф проучился у Жюлиана три года – с 1887 по 1890-й. Альфонс Муха уже в 1888 году переходит в Академию Коларосси, частную художественную школу, основанную итальянским скульптором Филиппо Коларосси, – еще одну альтернативу консервативной Школе изящных искусств.

Условия жизни художников кардинально различались. Видгоф с трудом сводил концы с концами, Муха мог быть уверен в завтрашнем дне благодаря многолетней поддержке графа Куэн-Беласи. Общими были талант и мастерство, которые замечали все.

Соломон Кишиневский писал в своих воспоминаниях о парижских годах Давида Видгофа:

«Изучив блистательно технику угля, он переселяется в Париж, где посвящает себя искусству иллюстрации. На выставке Парижского Salon'a его углевые работы портретного характера, привезенные из Мюнхена, имели успех. Издатель журнала «Kokoriki»

пригласил его быть сотрудником журнала в качестве рисовальщика, каковым он и состоял вплоть до смерти издателя этого самого журнала. Теперь журнал этот прекратил свое существование и Видгопф остался не у дел. В Париже много блестящих рисовальщиков, многие из них приняты сотрудниками в лучшие журналы Франции, но очень и очень много рисовальщиков остаются за шторой… Предложение больше, чем спрос…

Альфонс Муха

Сжившись с Парижем, с французским искусством, Видгопф изменил манеру рисования, достигнутую им в Мюнхене, и теперь рисует в манере лучших французских рисовальщиков – Форена [Жан-Луи, 1852-1931] и Steinlen'а [Теофил-Александр Стейнлен, 1859-1923].

В свое время Видгопф был приглашен занять пост профессора где-то в Бразилии, где он, однако, долго не остался. Русская печать не раз отличала его на своих страницах».

Журнальная иллюстрация действительно стала основным источником существования для Видгофа – наряду с портретами. В 1899 году, когда Куэн-Беласи прекратил финансовую поддержку Альфонса Мухи, искать работу пришлось и ему. Он создает рекламные постеры, делает журнальные и книжные иллюстрации. Оба художника сотрудничали с известным в те годы журналом «Cocorico».

В 1896 году Муха начинает сотрудничать с журналом «La Plume». Основанный в 1889 писателем Леоном Дешаном,

«La Plume» публиковал стихи, короткую прозу, обзоры выставок и иллюстрации современных художников. С журналом сотрудничали Пьер Боннар и Анри Тулуз-Лотрек. Журнал организовывал также регулярные выставки, известные как «Salon des Cent», «Салон ста». Для двадцатой по счету выставки, состоявшейся в том же, 1896 году, Муха нарисовал вошедший в историю плакат-афишу. Сотрудничал с «La Plume» и вернувшийся из Бразилии Давид Видгоф – ему принадлежит известный шаржированный портрет Леона Дешана. Именно для «La Plume» нарисовал он и ставший знаменитым портрет Альфонса Мухи.

Видгоф нарисовал Муху в 1897-м, за два года до появления на свет знаменитого автопортрета художника. На портрете Видгофа, который также выполнен как шарж, Муха изображен в русской рубахе и брюках, подпоясанных кушаком. Портрет быстро стал популярным – да так, что его до сих пор печатают на открытках и постерах.

Русские косоворотки и рубашки, начиная с 1890-х, стали фирменным стилем Мухи. Известно множество его фотографий и несколько фотографических автопортретов в таких рубашках. Фотография вообще стала неотъемлемой частью его жизни и работы после 1893-го, когда он купил свой первый фотоаппарат. Увлекался Муха не только фотографией – после знакомства с братьями Люмьер он принимал участие в их кинематографических экспериментах.

В конце 1890-х пути Альфонса Мухи и Давида Видгофа разошлись. Подававший большие надежды Видгоф, за творчеством которого следил с интересом сам Валентин Серов, остался в большей мере «газетным» художником-графиком. Хотя со временем живопись занимает все большее место в его творчестве.

Давид Видгоф прославился как портретист – он рисовал Эмиля Золя, Владимира Немировича-Данченко, А.В. Амфитеатрова, Сару Бернар, певицу Н.Т. Ван-дер-Брандт. С 1908 года Видгоф сотрудничал с парижскими журналами «Courrier Français» и «L'assiette au beurre», его рисунки публиковались в петербургских журналах «Огонек», «Лукоморье» и целом ряде других российских журналов. Видгоф выполнил иллюстрации к испанскому изданию «Братьев Карамазовых».

Художник выставлялся в парижских салонах: Осеннем, Независимых и Тюильри. В 1906-м он устроил персональную выставку в галерее на бульваре Клиши.

В 1910-х Давид Видгоф писал пейзажи, натюрморты, декоративные панно. Провел несколько персональных выставок в парижских галереях Blot, M. Bernheim и B. Weil; в 1912 участвовал в Русской выставке в галерее Devambez. В 1920-30-х рисовал эскизы для фабрик гобеленов в Париже и Бове.

В течение многих лет Давид Видгоф коллекционировал произведения французского народного искусства; после его смерти коллекция была показана на специальной выставке в Париже.

Видгоф оставался всеобщим любимцем, отличаясь веселым дружелюбным характером. Знаменитая Хана Орлова выполнила в 1924 году его скульптурный портрет под названием «Курильщик с трубкой», в полной мере отражающий характер и жизнелюбие художника. Скульптура эта установлена сегодня во дворе Израильского музея в Иерусалиме, в 2011 году она была представлена на выставке «Парижская школа» в ГМИИ имени А.С. Пушкина в Москве. Одно время Видгоф был даже председателем Союза русских художников в Париже и председателем Салона рисовальщиков-юмористов.

Давид Видгоф умер 20 июля 1933 года и похоронен во французском городке Сен-Клер-сюр-Эпт неподалеку от Парижа.

Альфонс Муха, как любой творец, ставший знаменитым, смог использовать свой миг удачи. Всем известна история с его плакатом к спектаклю «Gismonda» великой Сары Бернар. Успех плаката был таким, что многие коллекционеры просто срезали его ночами с афишных тумб. Случилось это в 1894 году, и на следующий год великая актриса заключила с художником шестилетний контракт. Специально для нее Муха конструировал сценические костюмы, ювелирные украшения и декорации. А главное – ему не было равных в создании рекламных плакатов и программ, которые и сегодня выпускаются миллионными тиражами в качестве открыток.

Но Муха работает не только с Сарой Бернар. Он рисует рекламу и афиши, разрабатывает дизайн сигаретных пачек и ювелирных украшений; среди его клиентов – производители шампанского

Хана Орлова. Давид Видгоф. Иерусалим

и шоколада, автомобилей и модной одежды. От желающих сотрудничать со знаменитым художником нет отбоя.

В 1899 году художник получает от правительства Австро-Венгрии заказ на оформление павильона Боснии и Герцеговины на Всемирной выставке в Париже. И вновь он использует эту возможность на все сто процентов – получает за свою работу серебряную медаль выставки, а затем в 1900 г. французское правительство награждает его орденом Почетного легиона. В ходе работы Альфонс Муха посещает Балканы и еще больше проникается идеями панславизма. Именно там он задумал свое главное произведение – живописный цикл «Славянская эпопея».

В 1906 году Альфонс Муха знакомится с Марией Хитиловой, которая станет его женой и музой. В 1910-м художник возвращается в Чехию и восемнадцать лет в Хрустальном зале замка Збирог работает над «Славянской эпопеей». В 1928 году он передает все полотна в дар городу Праге.

После оккупации Чехословакии гитлеровской Германией Альфонс Муха стал одним из первых, кто подвергся аресту и допросам в гестапо. Причиной этому, на которую указывает в своих интервью его внук, Джон Муха, возглавляющий сегодня основанный им же в 1992 году Фонд Альфонса Мухи, стали еврейские корни и панславистские взгляды Альфонса Мухи (я говорил с чешскими искусствоведами – они опровергают информацию Джона Мухи о том, что у Альфонса Мухи и его жены были еврейские корни,

а основной причиной ареста указывают то, что Муха был масоном. – **Прим. автора**). И хотя художника вскоре выпустили, эти события стали для него роковыми. Вскоре он заболевает пневмонией, которая привела к смерти в июле 1939 года.

Художники уходят, но остаются их произведения. И сегодня мы можем любоваться автопортретом Альфонса Мухи и его портретом работы Давида Видгофа, которые напоминают нам об удивительной дружбе людей, чьи судьбы сложились поразному, но объединяло их многое, и в первую очередь – страсть к искусству.

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

В.В. Маяковский и М.А. Денисова

«Будет любовь или нет? Какая – большая или крошечная?» – этот вопрос Владимир Маяковский задавал себе в жизни несколько раз. Его романы развивались стремительно, одни длились пару месяцев, другие больше десяти лет, но ни один из них так и не привел к браку.

Тот самый дом на Толстого, 16

С Марией Денисовой Владимир Маяковский встретился в Одессе в 1914 году – во время турне футуристов, в котором кроме него участвовали поэты В.В. Каменский и Д.Д. Бурлюк. В тот день – 16 января – проходил поэтический вечер в Русском театре. Поэт Василий Каменский первым заметил «совершенно необыкновенную девушку: высокую, стройную, с замечательными сияющими глазами, словом, настоящую красавицу». По его воспоминаниям – в первый же день знакомства (ошибка: см. ниже. – **Л. А.**) Маяковский и Мария Денисова гуляли до самой ночи, и поэт вернулся «улыбающийся, рассеянный необычайно, совсем на себя не похожий». Они проводили вместе много времени, но на предложение руки и сердца Денисова ответила отказом. Зато родилась поэма «Облако в штанах», а Денисова стала ее лирической героиней.

Вы думаете, это бредит малярия?

Это было,
было в Одессе.

«Приду в четыре», – сказала Мария.

Восемь.
Девять.
Десять…

Именно так или примерно так начинается повествование о встрече этих двух незаурядных молодых людей в большинстве доступных (а их – множество!) литературных источников. Сразу укажу, что из всего этого множества больше других привлекли и легли в основу моих представлений книги известного одесского автора, создателя и первого директора нашего литературного музея Н.А. Брыгина «Времен стремительная связь» и А.А. Михайлова «В.В. Маяковский».

Мария Александровна Денисова-Щаденко (1894-1944) родилась 21 ноября 1894 года в деревне Старая Гжатского уезда Смоленской губернии, где постоянно проживала крестьянская семья ее родителей.

В хранившемся в ЦГАЛИ архивном личном деле М. Денисовой, относившемся к 1920-м годам, только один листочек содержал упоминание об Одессе. Позже Мария Александровна писала, что, будучи в Одессе, она училась в частной женской гимназии мадам Бален де Балю. Однако все архивы этой гимназии погибли во время Гражданской войны. Через старожилов Никитой Брыгиным были найдены сестры Алексинские, выведенные, в частности, Валентином Катаевым в повести «Зимний ветер» (об одной из них – «сиреневой Ирен» – и посвященных ей стихах я читал в одесских публикациях А. Яворской, Е. Голубовского и А. Дроздовского. – **Л. А.**). Сестры окончили эту гимназию. Они помнили Марию. Денисова действительно училась в этой престижной частной гимназии, но потом исчезла из их поля зрения. Подруга Алексинских Марица Федоровна Смирнова, тесно связанная с одесскими литературными кругами, помогла напасть на след Марии. Было установлено, что Мария жила в Одессе в семье старшей сестры Екатерины Александровны, которая вышла замуж за инженера Филиппова и в замужестве некоторое время носила двойную фамилию: Денисова-Филиппова. Так стал известен адрес, по которому она проживала в Одессе, – ул. Толстого (ранее – Гулевая, а в те годы – Карангозова. – **Л. А.**), 16, квартира 4. В эту квартиру, как на огонек, сходились видные одесские литераторы и журналисты, потому что здесь устраивались по средам шумные литературные «обеды», на которых непременно старались попотчевать какой-нибудь приезжей знаменитостью или просто интересным человеком.

Бразды правления литературными средами, со слов Брыгина, находились в руках беспечной и милой Екатерины Александровны, ее активной помощницей была младшая сестра – очаровательная Маша, Мария Александровна Денисова, жившая в их доме на непонятном положении – то ли бонны при дочурке Филипповых Лелечке, то ли родственницы. На одном из таких званых литературных обедов побывал и Маяковский с компаньонами по турне. Прочитав гостям все лучшее, что было им написано к тому времени, он вызвал немалый восторг одних и смятение других. Мария Александровна, как вспоминал друг Маяковского поэт-авиатор Василий Каменский в книге «Жизнь с Маяковским», пред-

ставлялась гостям бесконечно обаятельной и веселой, она искренне обрадовалась приходу поэтов. Обед превратился в поэтическое торжество: они почти все время читали стихи, говорили какие-то особенно праздничные вещи. «Володя был в ударе. Его остроты могли рассмешить памятник герцогу Ришелье. Он говорил много, умно и весело. Он во что бы то ни стало хотел нравиться всем присутствующим и, конечно, в первую очередь Марии Александровне. Ему легко удалось достичь желанного впечатления. Дружески подшучивая, он придумывал про меня невероятные фантастические истории… Читал он в этот вечер необычайно. Вернувшись в гостиницу, мы долго не могли успокоиться от огромного впечатления, которое произвела на нас Мария Александровна».

Еще в 1911 году Маша Денисова, не обратив внимания на общественное мнение, неожиданно прервала учебу в гимназии и поступила на частные курсы художника Ю.Р. Бершадского, чем немало шокировала свою родню. Брыгин считает, что поступок ее казался не столько непозволительным, сколько необъяснимым.

М.А. Денисова в те годы

А она завела дружбу с местными скульпторами и художниками, которые сразу и безошибочно признали у нее природный талант ваятеля. Внутрисемейные разногласия внешне не отразились на жизни в семье Филипповых, которая текла размеренно и респектабельно. Екатерина Александровна по-прежнему устраивала литературные среды со зваными обедами, Мария же все больше замыкалась, изредка принимая участие в городских конкурсах красоты, на которых неизменно занимала первое место.

Суммируя поступки и высказывания Маши, о которых обильно и подробно рассказывали ее бывшие знакомые, Брыгин соглашается с мнением Василия Каменского, который в своей книге «Юность Маяковского» писал впоследствии, что «Семнадцатилетняя (так ли? – **Л. А.**) Мария Александровна принадлежала к числу избранных девушек того времени, в которых сочетались высокие качества пленительной внешности и интеллектуальная устремленность ко всему новому, современному, революционному». Из этого же источника узнаем, что встреча Маяковского и Денисовой в Одессе не была первой. В конце декабря 1913 года в Москве на вернисаже выставки Общества художников «Мир искусства» Марии повстречался красивый иронически настроенный юноша, манерами, одеждой, смелостью суждений совсем не похожий на своих сверстников. Во время мимолетного знакомства он даже не назвался ей, предложив именовать себя «некто в черном». А через три с лишним недели они снова увиделись уже в Одессе, возле памятника Эммануилу Арману дю Плесси де Ришелье, или попросту – Дюку… «Встретил московских знакомых», – уклончиво отвечал Володя на недоуменные вопросы компаньонов по турне по поводу своего неожиданного исчезновения с Приморского бульвара вместе с красивой девушкой. А потом не выдержал, признался. Еще одно свидетельство Василия Каменского: «Колесо жизни вертелось».

Друзьям-футуристам надо было ехать в Кишинев, но Маяковский задерживал отъезд. Они волновались. Дело в том, пишет Каменский, что Маяковский влюбился здесь в красавицу Марию Александровну и по этому неожиданному случаю сходил с ума, рвал и метал и вообще не знал, как быть, что предпринять, куда деться с этой нахлынувшей любовью… Стройная, обаятельная,

«с глазами южной ночи» – поэт видел одно: «Вы – Джиоконда, которую надо украсть!..». И далее: «Двадцатилетний Маяковский, еще не знавший любви, впервые изведал это громадное чувство, с которым не мог справиться».

Меня заинтересовало это «не знавший любви…». А «Сонка», Софья Шамардина, которой он увлекся осенью 1913 г., очевидно, не в счет?.. Или Каменский не в курсе дела? Удалось найти ряд публикаций (И. Аброскин (1971), Н. Дардыкина (2001 г.), Е. Обоймина и Е. Татькова (2004)), аргументированно подтверждающих, что первое серьезное чувство Маяковский испытал именно к С.С. Шамардиной в 1913, а может быть, даже осенью 1912 г., и неоднократно заявлял, что именно ей собирался посвятить задуманную поэму. «Оно («Облако»), – говорил Маяковский позднее, – начато письмом в 1913/14 году». А вот как плотно (в романтическом плане) выглядят эти годы в публикации «Основные даты жизни и творчества В.В. Маяковского»: 1913 – Вера Шехтель. 1913-1914 – романы со скульптором Марией Денисовой, художницей Антониной Гумилиной, художницей Софьей Шамардиной. 1913-1915 – роман с Эльзой Каган (позже Триоле).

Но вернемся к Марии. Теперь мы представляем, как начиналось знакомство художника и поэта Владимира Маяковского с будущим скульптором Марией Денисовой, продолжавшееся с перерывами многие годы.

Замысел поэмы «Облако в штанах» и начало ее возникли во время турне футуристов по России. В Одессе Владимир Владимирович познакомился с прелестной юной Марией Александровной, девушкой редкого обаяния, тут же и нареченной им Джиокондой. И в поэме она появляется как Мария, а потом: «Помните? Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть», – а я одно видел: вы – Джиоконда*, которую надо украсть!».

Тогда еще у многих в памяти было похищение знаменитой картины Леонардо да Винчи из Лувра и возвращение ее в музей (1911-1913). В Одессе произошло то, что должно было произойти с Маяковским. Ему было двадцать лет. Сердце молодого поэта еще не обожгло любовное пламя, его страстная натура еще не подверглась испытаниям любви. Мария Александровна –

* Вариант транслитерации (итал. La Gioconda, фр. La Joconde). – **Л. А.**

Из «молодых» фотографий В.В. Маяковского

Машенька Денисова – была не только хороша собой, но вообще оказалась незаурядным человеком. Недаром и Каменский, тоже познакомившийся с Денисовой, отметил в ней «высокие качества пленительной внешности и интеллектуальной устремленности ко всему новому, современному, революционному». Михайлов

подтверждает, что встреча Маяковского с «младшей Денисовой» была не первой. Тремя неделями раньше они виделись в Москве на вернисаже художников «Мира искусства». Встреча была мимолетной, Маяковский тогда даже не назвался. (Видимо, поэтому эту встречу многие не считали знакомством. – **Л. А.**) В Одессе он сразу влюбился. Любовь вспыхнула в нем с необыкновенной силой. Встречи с Марией (очевидно, снова цитируя Каменского), буквально преобразили Маяковского. Он не находил себе места, метался, звал своих друзей посмотреть на ночное море, надолго исчезал, а на вечере в театре, кажется, превзошел себя, читая стихи как никогда вдохновенно и все время поглядывая туда, где сидела его Джиоконда. Маяковский был влюблен. Он невероятно торопился со своими чувствами и страдал, не желая считаться ни с какими условностями. А Мария Александровна, девушка достаточно независимая (на этой почве они и расходились с сестрой), тем не менее не расположилась к футуристам, не прониклась сочувствием к богемной стороне их жизни. Маяковский ей нравился, она увлеклась им, но от решительного шага отказалась. И не потому, что была нерешительна. Наоборот, вся ее последующая жизнь – цепь смелых, иногда даже сопряженных с огромным риском решений и поступков. Было что-то другое, что мешало сделать еще один шаг навстречу Маяковскому, что-то другое… «Любовь – тайна, и никому не дано разгадать ее!» – пишет Михайлов.

Фото из собрания
Одесского литературного музея

В конце концов Маяковский назначил решительное объяснение на последний день пребывания в Одессе. Таким образом, как считают комментаторы, действие «Облака в штанах» – тот самый

вечер, «хмурый, декабрый» – был в действительности ясный, «январый», 20 января. На другой день после объяснения Маяковский был мрачен и молчалив и решительно сказал:

– Едем.

Комментарии, как говорится, излишни…

Очевидно, следы этого драматического объяснения обнаружил Р. Дуганов на обороте рисунка Бурлюка, изображающего Марию Денисову. Им расшифрован «текст», который, как он считает, был игрой в угадывание по отдельным буквам. Текст этот, с его точки зрения, за исключением одного слова, и после этого выглядит так:

«Я вас люблю… н. л (?)… симпатичная дорогая милая, обожаемая поцелуйте меня, вы любите меня?» И тут же два рисунка: пронзенное стрелой истекающее кровью сердце и виселица. Спасительная самоирония до поры не покидала Маяковского даже в самые напряженные, драматические моменты жизни! Он терпел поражение и он подшучивал над собой в глазах любимой. Наедине и с друзьями ему было не до шуток. Вместе с Бурлюком и Каменским они продолжили свое турне, и в купе вагона, когда ехали из Николаева в Кишинев, Владимир Владимирович медленно, с большим напряжением, прочел своим друзьям первые строки поэмы… Боль претворялась в стихи. Лирический герой поэмы «Облако в штанах», как и герой трагедии «Владимир Маяковский», стоит в центре мира, «стягивает весь мир к человеку», как очень точно выразил это еще один «маяковед» – исследователь творчества Маяковского В. Альфонсов (1984). Грубая жестокая реальность в поэме представлялась враждебной ее герою, здесь слышатся отголоски начавшейся империалистической войны. Работа над «Облаком» была закончена в 1915 году в Куоккале, где Маяковский, «шатаясь пляжем», вышагивал раскаленные строки поэмы. «Это продолжалось часов пять или шесть – ежедневно, – вспоминал К. Чуковский. – Ежедневно он исхаживал по берегу моря 12-15 верст. Подошвы его стерлись от камней, нанковый синеватый костюм от морского ветра и солнца давно уже стал голубым, а он все не прекращал своей безумной ходьбы». Так Владимир Маяковский писал свою первую поэму «Облако в штанах». Чуковский, по мнению Альфонсова, ошибается толь-

ко в том, что тогда еще, по его словам, начала поэмы не было. Может быть, Маяковский не считал начало законченным, и потому не читал его. Свидетельство Каменского о рождении первых строк и их прочтении в вагоне поезда тоже вызывает сомнения. Вряд ли поэма о любви, когда Маяковский весь был наполнен, жил этим чувством, могла начаться, как утверждает Чуковский, отрывком о Северянине и Бурлюке. Любовь не отпускала его в Куоккале, образ Марии двоился в сознании, отталкивая и в то же время привлекая своей недоступностью:

М. А. Денисова-Щаденко
после перенесенного тифа

Мария!
Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величием равное богу...

Давид Бурлюк сказал Маяковскому: «Я не верю в удачу. Из первой любви никогда ничего не выходит. Джоконда только произведение. На него можно лишь смотреть, а если она скажет родным, что любит поэта, ее сочтут за помешанную и запрут». Видимо, Мария запертой быть не захотела.

Маяковский вернулся в Москву, а Мария Денисова вскоре вышла замуж за инженера Василия Львовича Строева. Жила вместе с ним в Швейцарии, в Лозанне, где у них родилась дочь Алиса, затем в Женеве. Однако их супружество не сложилось: Строев уехал в Англию, а Мария Александровна с дочерью – в революционную

Россию. В годы Гражданской войны Денисова заключила второй брак – с революционером, членом Реввоенсовета 1-й Конной армии Ефимом Афанасьевичем Щаденко, и сама вступила в ее ряды. Она создавала агитплакаты, оформляла агитпоезда, участвовала в боях, дважды переболела тифом.

После Гражданской войны Мария Денисова-Щаденко «доучивалась» на курсах ВХУТЕМАС, работала с глиной и камнем. Но муж всячески противился ее творческому увлечению. Брак был очень трудный, несколько раз она уходила из квартиры на десятом этаже знаменитого «Дома на Набережной» – куда угодно, хоть в общежитие РАБИСа: ревниво любящий и невероятно скупой муж не понимал ее, не давал заниматься скульптурой, пытался превратить в домашнюю рабыню. В двадцатых она много выставлялась, но вечно страдала от проблем с материалами, с отливкой, – Щаденко в это время жил на пенсию (как оказалось – временно), а позднее, вернувшись на службу, дослужился до заместителя наркома обороны СССР.

Поэт часто помогал Денисовой, в том числе и материально, они переписывались, иногда виделись. Она с негодованием писала Маяковскому: «Уйти нужно – работать не дает. Домострой. Эгоизм. Тирания». Скульптор она была первоклассный, ученица Коненкова. Мария Денисова-Щаденко была монументалистом, ее скульптурные работы выставлялись на международных биеннале в Женеве, Венеции, Варшаве, Цюрихе, Берне, Копенгагене. Несколько ее выставок было в Москве. Сделала она в 1927 году и прекрасный скульптурный «остроугольный» портрет Маяковского – «своего остроугольного друга», по ее словам.

Сохранились несколько писем к нему – отчаянных, депрессивных, о невозможности работать, о тошном быте, благодарила за «Баню», в которой увидела в том числе протест против семейного насилия. Достать мрамор было негде, отливка стоила дорого. Денисова писала Маяковскому, с которым после долгого перерыва встретилась в 1927 году на одной из выставок: «Дорогой Владимир Владимирович! Щаденко категорически не разрешил мне брать у Вас денег – думал он, что я пошутила в 1-й раз, говоря, что Вы будете оплачивать натуру и отливку. Все же я наделала долгов – прошу Вас в четверг в 4 часа или в пятницу в 4 часа

быть дома. За Вашу помощь я Вам бесконечно благодарна, и если бы я когда-нибудь могла бы быть Вам полезной, то я бы сделала что-то для Вас».

Член Реввоенсовета 1-й Конной армии, позднее – генерал-полковник Е.А. Щаденко

«Главная женщина» Маяковского, Лиля Брик, негодовала, и в одном из рукописных вариантов воспоминаний утверждала, что Денисова добывала у Маяковского деньги чуть ли не шантажом. (Чем, любопытно, могла она его шантажировать? «Я всем расскажу, что вы делали мне предложение»?) Щаденко, со своей стороны, не одобрял жизни в долг. О том, как страдала Мария, узнав о самоубийстве Маяковского, рассказывала сестра Ефима Афанасьевича Щаденко. Когда до Марии дошла эта страшная весть, она, бледная, в слезах, ворвалась в комнату сестры мужа. Потом началась истерика. Никого не слушала и не слышала – ходила, как потерянная. Два дня перед похоронами Мария никуда не выходила, а потом стояла на могиле молча, как натянутая струна. Тогда же она принялась за создание второй скульптуры поэта. Ее дочь рассказывала, что Марии очень трудно давался этот портрет Маяковского. Все время хотела чего-то большего, настоящего, но у нее не получалось. Так что портрет создавался мучительно долго. В конце концов он был закончен, выполнен в камне.

Вторую скульптуру Маяковского она делала в «Доме на Набережной», в 25-м подъезде, в квартире № 505. В 33-м семья Щаденко переехала в первый подъезд, в более просторную квартиру, а прежняя осталась за Марией Александровной как творческая мастерская. Одна большая комната и огромный крытый балкон площадью 50 кв. метров на южную сторону, с видом на стрелку Москвы-реки и частично на Кремль.

Скульптурный портрет В.В. Маяковского, выполненный М.А. Денисовой-Щаденко в 1927 г.

Умерла она, говорила дочь, так же, как и ее Маяковский, – сама ушла из жизни. Было ей немногим за 50. По одной версии, трагедия произошла в Кремлевской больнице, по другой – она бросилась с десятого этажа берсеневского дома. Но нужно ли знать все до конца? Дело в том, что со второй половины тридцатых Денисова тяжело болела. По версии А.А. Гуляева и С.Е. Лазарева (2015), болезнь настолько ослабила женщину физически, что она не могла больше заниматься ваянием, не работала. Не выставлялась. Поскольку скульптура была для Денисовой смыслом жизни, это и послужило причиной самоубийства – 10 декабря 1944 года. Как известно, среди женщин Маяковского это не первое и не последнее самоубийство (последним был добровольный уход Лили в 1978 году). Похоронена на Новодевичьем кладбище (участок 4, ряд 9, могила 14). Могила ее долгое время была заброшена, пока работники музея Маяковского сами не установили на ней памятник. Это ее беломраморный автопортрет с дочерью «Материнство» – талантливо воспроизведенные, необыкновенно светлые и нежные образы ее самой и ее маленькой дочери… Скульптура долгое время хранилась в музее Маяковского. Не сохранилось ни одной работы Марии Денисовой-Щаденко, выполненной после 1936 года. Были ли они уничтожены, или их просто не было…

Маяковский выбирал всегда красавиц, а союз поэта и красавицы далеко не так идилличен, как пишет Пастернак в «Охранной грамоте»: правота в том, что Маяковского с Марией роднит исключительность, и красота Марии была в самом деле исклю-

чительной, такой же тревожной и беспокойной, как прекрасная и абсолютно дисгармоничная поэма. По единодушному мнению большинства критиков, поэма оказалась лучшей, и женщина эта была самой одаренной, самой неотразимой и, вероятно, единственной из всех, в чем-то равной ему. Судя по сохранившимся работам, она была настоящим большим художником, вне школ и направлений – авангард прошел мимо нее, словно и не было никакого авангарда. Как она относилась к поэме – неизвестно, но об авторе думала с редкой нежностью и бережливостью: Д.Л. Быков в интервью Л. Велехову говорит о том, что подобие фабулы в «Облаке» все-таки есть, истоки ее – в Одессе, прообраз героини – Мария Денисова, в которую Маяковский влюбился с первого взгляда. Но, как уже говорилось, все не так просто и однозначно у Маяковского.

Увлекшись поиском ответа на вопрос о том, кому посвящена поэма, представляющая самостоятельный интерес независимо от этого ответа, я решил «поверить гармонию (или – дисгармонию…) алгеброй». В поэме всего 725 строк. Из них непосредственно к Марии относятся с 30 по 50, затем с разрывом – до 170, затем – с 530 по 545 и с 575 по 660 (наиболее сильно), то есть 215, не более $^1/_3$… В итоге склоняюсь к выводу о том, что поэма была задумана, когда Маяковский был еще влюблен в Сонку (см. выше – Софья Шамардина, предмет ревности К. Чуковского и причина его конфликта с Маяковским. – **Л. А.**), написана она о Марии, а посвящена, как точно известно, Лиле (Л.Ю. Брик), и оказалась (словами Быкова) «повествованием обо всех его последующих увлечениях, со всеми их обязательными фазами: бурный штурм – неудача – поиск утешения в лирике, в толпе, в вере – полное поражение по всем фронтам, равнодушие женщины, переходящее в равнодушие Вселенной, – и сочинение гиперболического богоборческого симфонического текста как универсальная компенсация за все это». И далее, говоря о самоубийстве Маяковского, со свойственной ему безапелляционностью Быков заявляет: «Знаете, я мог бы вам ответить с большой долей серьезности, что это главный творческий акт Маяковского, что из всех сочинений Маяковского, его поступков, именно его самоубийство сегодня наиболее обсуждаемо. И если раньше он был автором «Облако

в штанах» или «Послушайте», сегодня он, прежде всего, тот, кто застрелился»… Мне представляется, что все приведенные факты, безусловно, интересны и позволяют узнать многое о людях, о жизни и делах которых они повествуют. Но когда обращаешься к строкам поэмы:

Тело твое
я буду беречь и любить, как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу!

или:

Мария, ближе!
В раздетом бесстыдстве,
в боящейся дрожи ли,
но дай твоих губ неисцветшую прелесть:
я с сердцем ни разу до мая не дожили,
а в прожитой жизни
лишь сотый апрель есть.
Мария!

Поэт сонеты поет Тиане,
а я –
весь из мяса,
человек весь –
тело твое просто прошу,
как просят христиане –
«хлеб наш насущный
даждь нам днесь».

Мария – дай!

…понимаешь, что самое важное то, что была и есть поэма. Была Мария. Было яркое и всеохватное чувство. И была Одесса!

Удалось добыть краткую информацию о потомках нашей героини.

Дочь Марии Александровны Денисовой и ее первого мужа Василия Львовича Строева – Алиса Васильевна Строева (Аля), первая жена Юрия Львовича Карпова, впоследствии крупного ученого и конструктора в области экспериментальной аэродинамики и баллистики. После развода замуж не выходила. Дети Алисы Васильевны от этого брака – дочери Татьяна Юрьевна и Ольга Юрьевна К;арповы – внучки Марии. Дочери Ольги Юрьевны – Юлия Константиновская и Анна Асаркан – правнучки Марии. Все они, вместе с матерью и третьим мужем Ольги Эймоном Хейли, проживали в Англии. Муж Анны Асаркан – Тобаэс Плэтт. Их дети – Теодор, София, Бенедикт, Елизавета, Николай и сын Татьяны Юрьевны Кирилл – многочисленные правнуки Марии.

Памятник-автопортрет «Материнство» на могиле М.А. Денисовой-Щаденко на Новодевичьем кладбище

Нельзя не упомянуть, что образ Марии творчески вдохновил не только Маяковского, и это тоже связано с Одессой. Отсвет этого образа виден, как считает американский бабелевед Г. Фрейдин, и в образе главной героини пьесы И. Бабеля «Мария» (1934). По странной иронии судьбы, «Джиоконда в терновом венце революций» явилась культурному миру в той же Флоренции, где в 1914 году был выставлен обнаруженный после кражи из Лувра портрет женщины с загадочной улыбкой, принадлежавший кисти бессмертного Леонардо да Винчи. В театральном сезоне 1964-1965 гг. именно там, на сцене флорентийского театра

«Пикколо», была поставлена пьеса Бабеля «Мария». Великовозрастный ученик Одесского коммерческого училища Исаак Бабель еще в 1910 году при совершенно случайных обстоятельствах познакомился с красивой гимназисткой Марией Денисовой. Потом, многие годы спустя, они неожиданно встретились в Первой конной армии, куда Бабель был направлен как корреспондент ЮгРОСТа. Молодого писателя поразили перемены, произошедшие в жизни и характере Марии. И он тогда еще загорелся желанием написать о ее судьбе. Однако за пьесу Бабель возьмется много позже в Сорренто. После резкой принципиальной критики первого ее варианта А.М. Горьким он заново ее переработал, создал более оригинальный вариант. Кроме подлинного имени Марии писатель насыщает пьесу целым рядом деталей, которые не оставляли никаких сомнений у людей, знавших М.А. Денисову. Ефим Щаденко выведен под именем Акима, названы точный номер дома и квартиры Марии по улице Гулевой в Одессе, хотя действие и отнесено в Петроград на Фурштадтскую… Участники событий тех далеких лет, хорошо помнившие Марию по Одессе, также единодушно сравнивают судьбу Кати и Маши Денисовых с судьбой литературных Кати и Даши Булавиных из трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». Из монографий о творчестве А.Н. Толстого известно, что, подготавливая третью часть трилогии и собирая материал для завершения «биографии» героини – Даши Телегиной, – Толстой, также знавший Марию по Одессе, неоднократно встречался с мужем М. Денисовой, командармом Е.А. Щаденко, бывал в их гостеприимном доме…

Вот вкратце, что известно об этой незаурядной женщине, которая охарактеризована бесстрастной «Википедией» как «…одна из адресатов любовной лирики В. Маяковского».

P. S.

Казалось бы, с датировкой событий все более-менее ясно. Но вот появляется исследование нашего одесского автора Е.Л. Деменка, давно и основательно изучающего жизнь и творческое наследие Д.Д. Бурлюка, да и всех Бурлюков, судьба которых связана с Одессой. В своей работе «По одесским следам Бурлюков» он приводит выдержку из письма Бурлюка к нашему покойному другу – одесскому краеведу и писателю

А.Ю. Розенбойму, датированного 14 августа 1964 г., и прекрасно сохранившуюся копию самого письма. Вот этот текст: «В 1913 г. в Одессе выступления с Петром Пильским, и Володя имел свой роман с Марией – младшая-бедная сестра Катерины, жены румынского помещика. Я ее (Катерину) знал в 1906 г. в Харькове – они были богатые люди, и художник Митрофан Семенович Федоров писал ее портреты. Мария и Катя приезжали в Москву в 1915 год апрель. Я их тогда не видел, так как у нас родился 11 апреля младший сын Никифор Давидович. Фамилию Марии и Кати ее старшей сестры – я записал в своем манускрипте «Романы Маяковского»…

Напутал что-то восьмидесятидвухлетний Давид Давидович?.. Вот и я о том же.

Феликс Кохрихт

Из зоны отдыха – в «Зону турбулентности»

Пятая одесская биеннале современного визуального искусства

Для начала – о терминах, вынесенных в заголовок этих заметок

Турбулентность. Так ученые определяют бурные процессы, происходящие в газовой среде, обычно не ощущаемые населением в обыденной жизни.

Но есть и иной смысл этого термина, который не только нам знаком, но и связан с весьма неприятными ощущениями. Они возникают внезапно, на фоне комфортного полета на воздушном лайнере, как правило, в тот момент, когда стюардессы разносят кофе… Чашечка начинает подрагивать на откидном столике, вы стараетесь не подавать виду… У каждого – своя реакция. Одни остаются спокойными даже притом, что самолет проваливается в воздушную яму, другие начинают паниковать при слабом покачивании. Нас роднит то, что любая степень турбулентности вызывает у каждого в разной степени чувство дискомфорта, тревоги, неприятных ощущений, а то и страха за себя и близких.

Вполне допустимо и логично сравнение двух систем, несущихся в некой среде: самолета – в воздушной, и Земли – в космическом пространстве. В последние десятилетия мы, пассажиры, все чаще ощущаем, что наше путешествие становится не только менее комфортным, но и тревожным, а порой и опасным. Учащаются настойчивые вызовы, по-разному ощущаемые в разных частях планеты, в разных странах, социальных и национальных сообществах. Они исходят от увеличивающихся по экспоненте

Даниил Галкин. Когда они пришли

Яэль Торен. Пьета

Владимир Кожухарь. Портал

turbu|ence

Зоя Фалкова. Крой

Светлана Бедарева. Морфология войны

Открытие Пятой биеннале в Музее современного искусства Одессы

факторов: возрастают угрозы новой и последней мировой войны (локальные идут полным ходом), цивилизационных конфликтов, экологической катастрофы (за время написания этих заметок на земном шаре практически на всех широтах случилось несколько страшных бедствий), голода и эпидемий.

Можно свидетельствовать, что тревога охватила всех, кто задумывается о сегодняшнем дне и о будущем.

Вот почему девиз Одесской биеннале – «Зона турбулентности» – был услышан во многих странах мира и нашел отклик у тех, кто занимается современным визуальным искусством (художники, кураторы, искусствоведы), у влиятельных международных фундаций, помогающих поисковым новаторским акциям, у государственных структур Украины и Одесского региона.

Теперь о том, что же такое биеннале. Если коротко – отчет деятелей изобразительного искусства о проделанной за два года работе: перед собой, коллегами, спонсорами, публикой, потенциальными покупателями. Придумали встречаться раз в два года венецианцы, и не так уж давно – в 1895 году. Этот формат прошел проверку

Вагрич Бахчанян. Капля в море (1990-е годы)

временем, и нынче биеннале проходят в разных городах планеты.

Наша, одесская, родилась в 2008 году на базе Музея современного искусства Одессы. О пройденном пути, об уже Пятой биеннале, мы беседуем с директором музея Михаилом Кантором и искусствоведом Михаилом Рашковецким. С 26 августа по 30 сентября 2017 года у них были звучные титулы: комиссар и куратор биеннале. Сегодня они – собеседники альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

М. К.: – Идея проводить регулярные международные фундаментальные выставки-проекты раз в два года родилась не у нас, а у мецената и учредителя музея Вадима Мороховского. Казалось бы, Миша Рашковецкий был куда осведомленнее в реалиях современного искусства, он не раз входил число экспертов, отбирающих тех, кто будет представлять Украину в Венеции. Но именно Вадим Викторович предложил освоить в Одессе этот проверенный временем и не стареющий формат.*

Ф. К.: – Давайте вспомним, что термин «зона» не раз входил в девизы одесских выставок современного искусства. Ты, Миша, и Александр Ройтбурд в 90-е годы были кураторами проекта «Свободная зона», который был навеян витавшими тогда надеждами на возвращение нашему городу статуса порто-франко.

М. Р.: – Но и вы, Феликс, писали текст концепции второй биеннале – «Зона отдыха» (куратор Стас Жалобнюк). Ее участ-

* Любопытно, что в далеком 2000 году имя нашему альманаху «Дерибасовская – Ришельевская» придумали не члены редколлегии – журналисты со стажем, а лидер ПО «Микрон» Владислав Вайсман, давший старт выходу первого номера, а нынешние заметки публикуются уже в 71-м, при многолетней поддержке АО «ПЛАСКЕ» – просвещенных партнеров деловых людей Одессы.

ники были призваны показать привлекательность Одессы как города с самобытными и значимыми традициями в области культуры и искусства, морского курорта, региона с уникальным колоритом…

Ф. К.: – Прошло всего несколько лет, и мы от идеи выявить, образно говоря, через поисковое искусство некоторую особую праздничность, карнавальность, эксцентричность «Жемчужины у моря» сосредоточились на том, что последователи автора теории футуршока Элвина Тофлера формулируют как жизнь всего человечества в «турбулентном потоке» нестабильности, неопределенности, двусмысленности…

По их убеждениям, ситуации турбулентности циклично повторяются и являются следствием культурной деятельности человека. Я бы добавил, что гораздо полнее и точнее пагубное влияние современной цивилизации не только на сознание и состояние людей, но на нашу планету, на близкий и дальний космос выразил в теории ноосферы наш великий соотечественник академик Вернадский…

Итак, кто же откликнулся на девиз «Зона турбулентности»? Как шел отбор претендентов на участие, и были ли случаи, когда вы отказывали авторам проектов? И по какой, в основном, причине?

М. Р.: – Заявки приходили практически со всех континентов: поэты, писатели, музыканты, художники острее других ощущают вызовы времени. На нашем сайте есть фамилии участников и страны, которые они представляли. У нас реализовались несколько международных проектов, на мой взгляд, представлявших особый интерес, – в них отображались чувства, объединяющие людей, живущих в странах, порой враждующих, представителей разных рас, убеждений, темпераментов.

Случалось, что замысел автора заявки так и не осуществлялся. В одних случаях мы не имели возможности по техническим причинам помочь ему воплотить идею в Одессе. Несколько предложенных интересных проектов, к сожалению, не соответствовали провозглашенной концепции.

Ф. К.: – Предыдущие биеннале проходили в основном на базе МСИО – в старом и новом помещениях. Пятая порадовала и количеством, и разнообразием локаций, что значительно расширило возможности показа проектов в наиболее подходящих для этого помещениях. Что скажет об этом комиссар?

М. К.: – На сей раз площадками стали кроме основной в МСИО музеи: западного и восточного искусства, историко-краеведческий, имени Александра Блещунова, истории евреев Одессы, Всемирный клуб одесситов, галереи «Худпромо». «Invogue Art», завод шампанских вин. (Приняло экспонаты и коворкинговое пространство 4City – вот где есть простор и воля для Турбулентности! – **Ф. К.**) Пожалуй, впервые столь разные по тематике и стилистике деятельности государственные учреждения культуры, клубы и частные галереи объединились в столь масштабном проекте. Стоит подчеркнуть, что при этом они не получали специальной финансовой поддержки. За это мы благодарны коллегам и уверены, что наше сотрудничество будет продолжаться.

Ф. К.: – Для меня, да и для всех, кто стремится объединить усилия в деле продолжения традиций, изначально заложенных представителями разных народов, культур, верований, образовавших общность, именуемую «одесситы», важно, что они (традиции) возрождаются в наше непростое и противоречивое время. Можно говорить о синергии – сложении усилий структур, составляющих гражданское общество: громады, просвещенных бизнесменов, общественных организаций, творческих людей и, что особенно отрадно, государственных институций. Таким образом, стало возможным проведение в Одессе масштабного концептуального действа – биеннале «Зона турбулентности» с участием ярких мастеров искусства, представлявших многие страны.

С. К.: – Среди тех, кто оказал нам поддержку, Министерство культуры Украины, Одесский городской совет, Областная государственная администрация, международный фонд «Відродження», культурные центры Франции, Польши, Чехии, Герма-

Евгения Белорусец. Например

нии, зарубежные и отечественные частные фундации. Впервые мы обратились к распространенной в мире системе сбора средств на издание каталога: адресовались к тем, кто поддерживает культурные инициативы. Мы создали и выпустили сувениры с символикой биеннале, проводили кураторские экскурсии по площадкам и локациям.

Ф. К.: – В один из осенних дней незадолго до закрытия биеннале я присоединился к группе молодых людей, которых Михаил Рашковецкий повел по залам старого особняка, где располагается наш Музей современного искусства. Я уже не раз видел эти работы, но, быть может, ощущение того, что вскоре они вернутся к своим создателям, а иные исчезнут – инсталляции, к примеру, живут недолго… В общем, в тот дождливый день я словно впервые увидел, как бредут по пустыне вереницы людей, словно слепленных из глины. Они напомнили знаменитых китайских солдат из древней императорской гробницы, но безоружных, потерпевших поражение, несущих на руках тела своих товарищей. Бредут в надежде на погребение. И нет им конца…

Оксана Брюховецкая. Дядя Толя

Компьютерная аннмация – так называется способ, посредством которого израильтянка Яэль Торен передала нам, мне свой ужас от последствий войны, где бы она ни происходила…

Турок Сечкин Айдин собрал разрозненную обувь и шнурки к ней на месте гибели мирных жителей в курдском городе Диарбакир и проложил в музейном зале маршрут их дороги к гибели.

Наши земляки Юрий Лейдерман и Никита Кадан объединили в своем проекте кинохронику времен массовых убийств в Камбодже и портреты трех исторических персонажей, разделенных веками и верованиями. Что же определил выбор персонажей? По убеждению авторов – то, что все они в своих императивах обращались к самой восприимчивой аудитории – к детям. Кровавый красный кхмер Пол Пот, герой и мученик Варшавского гетто Януш Корчак, Святой Франциск… Парадоксальное, взаимоисключающее соседство – пища для нелегких размышлений…

И это – лишь несколько примеров того, как по-разному, с использованием традиционных и самых современных средств выражения своих раздумий участники одесской биеннале откликаются на вызовы и тревоги нашего времени.

Разумеется, вод слоганом «Зона турбулентности» выступили не только те, кто трагически воспринимает нынешнюю ситуацию. Были среди авторов и те, кто привержен девизу: «Смех спасет мир!» – кто верит в силу, или, по крайней мере, возможность иронии и самоиронии, анекдота и гиньоля, язвительного сарказма и простодушной улыбки.

Таковы израильтянин Вадим Кругликов (Музей истории евреев Одессы) и, разумеется, гражданин мира незабвенный Вагрич Бахчанян, из наследства которого в МСИО представлены не только философские графические притчи, но и изложенная на двух страничках комедия «Чайка-Буревестник». В ней дейст-

Дан Пьерьйовши. И что мы сейчас будем делать?

вуют персонажи из пьесы Чехова, один из которых (второстепенный) – Медведенко – провозглашает провидческое предсказание Горького: «Буря! Скоро грянет буря!». А где как не в волнующейся атмосфере родиться и распространиться турбулентности!

Наглядным примером опасности, которой грозит нам хмурое небо, аннексированное бурными потоками воздушных масс, стал герой инсталляции Ромы Громова – сбитый летчик, чей парашют зацепился за ветки дерева. В последние осенние дни биеннале его оранжевый парашют промок и стал как бы знаком беззащитности человека перед стихией…

…За день до закрытия всех площадок я вышел из выставочного павильона, еще слыша голоса неведомых мне людей, нашептавших на пленку диктофона свои смутные слова, которые автор видеоарта прочувствовал как свои и попытался передать мне, но я уже устал от шепота и крика, звучавших в пустых вечерних залах, откуда уже вышли участники кураторской экскурсии Михаила Рашковецкого, от которых я отстал…

Вышел в двор за зданием музея и словно впервые увидел огромное старое дерево с табличкою, которую впервые же прочитал сегодня и в сей час:

«Срібляста тополя. Охороняється законом. Реєстр 1630»

Сколько всего выпало на долю этого тополя, сохранившегося в старом одесском дворе, какие турбулентные потоки испытывали его на прочность – об этом можно только догадываться…

«Не благодаря, а вопреки», – вспомнился мне старый девиз, торжественно звучащий на языке оригинала – на латыни, которую я давным-давно учил на филфаке университета, но позабыл…

Два года пролетят быстро. Уверен, что уже сегодня Комиссар и Куратор спорят о том, какой будет в 2019-м шестая Одесская биеннале. Какой девиз определит ее суть?

Бать может, «Зона озона»?

И научно, и многозначно.

И оптимистично.

И как славно читается наоборот: «Анозо аноз».

P. S. Когда автор поставил точку в своих заметках, пришло сообщение о том, что нынешняя Лионская биеннале (Франция) пройдет под девизом «Неустойчивость».

Тенденция, однако.

Роман Бродавко

Карл Фаберже: успех и бессмертие

Изделия Фаберже давно стали музейными ценностями. Стоимость этих шедевров ювелирного искусства на аукционах мирового уровня порой исчисляется миллионами долларов. А само имя мастера – это залог художественной ценности его изделий. В 2017 году фирме Фаберже исполняется 175 лет.

Путь художника

Своим основанием фирма Фаберже обязана выходцу из Лифляндии (Эстонии) золотых дел мастеру французу-протестанту Густаву-Петеру, который в 1842 году открыл магазин в Санкт-Петербурге. Дела в его мастерской шли успешно, что позволило дать сыновьям – Карлу и Агафону – прекрасное образование. Большой вклад в обучение детей внесла и мать, дочь датского художника Шарлотта Юнгштедт. Она помогла развить у сыновей утонченное восприятие красоты, сделавшее впоследствии их произведения эталоном ювелирного искусства.

Карл сначала учился в немецкой частной школе Святой Анны, затем продолжил образование в Дрездене. Несколько лет путешествовал по Европе, изучая опыт ювелирного производства. Дольше всего он задержался в мастерской франкфуртского ювелира Джозефа Фридмана, которого впоследствии называл своим учителем.

В 1872 году 26-летний Карл возглавил мастерскую отца. Однако успех пришел только в середине 80-х годов, когда

у произведений братьев Фаберже появился свой узнаваемый стиль. В этот период Карл участвовал в проведении реставрационных работ в Эрмитаже. Это позволило досконально познакомиться с лучшими произведениями ювелирного искусства из эрмитажной коллекции. Здесь Фаберже получил свой первый крупный официальный заказ – изготовление копий скифских золотых изделий из «Керченского клада». Затем последовал заказ от императора на изготовление пасхального яйца. Последовали и другие заказы. Уже в мае 1885 года произошло знаменательное событие – Карл Фаберже получил звание «поставщика высочайшего двора». Авторитет фирмы Фаберже стремительно рос, в 1890 году Карл стал потомственным почетным гражданином и был назначен «оценщиком кабинета его императорского величества».

Относительно быстро был завоеван и международный авторитет. Фирма Фаберже начинает участвовать в международных выставках, неизменно получая призы и награды. Заказчиками фирмы становятся правящие европейские династии. Авторитету фирмы способствовало и то, что, выезжая за границу, члены российской императорской фамилии в качестве подарков предпочитали преподносить изделия Фаберже. Среди людей с достатком становится престижным иметь у себя элегантные предметы с клеймом «К. Фаберже».

В чем причина популярности этих изделий? Фаберже соединил два искусства – прикладное и ювелирное. Изготовленные его фирмой предметы обыденного пользования – сервизы, портсигары, пепельницы, рамки для фотографий, ножи для бумаги, вазочки и т. п. – становились шедеврами ювелирного искусства. Особо ценились изготовленные фирмой Фаберже пасхальные яйца, фигурки животных и небольшие композиции с цветами из драгоценных и полудрагоценных камней. Не меньшим спросом пользовались и традиционные ювелирные украшения, созданные мастерами фирмы Фаберже. Для примера, в 1894 году только за два комплекта украшений, предназначенных невесте будущего императора Николая II принцессе Алисе, Фаберже получил 416500 рублей. Сумма для тех времен баснословная.

Успех фирмы Фаберже – не случайность, а результат кропотливой работы, глубокого анализа рынка, освоения новых видов

изделий и тщательного изучения опыта лучших российских и иностранных ювелиров.

В начале XX века возникшая как небольшая мастерская, фирма Фаберже стремительно разрасталась, ее филиалы были открыты в Москве, Киеве, Одессе и Лондоне. Самостоятельные выставки изделий фирмы Фаберже и ее участие в международных выставках неизменно становились событием. Стали проводиться и закрытые выставки для дворов европейских монархов.

Карл Густавович Фаберже

После всемирной выставки 1900 года в Париже, где Карл Фаберже был членом жюри, а для изделий его фирмы выделили отдельный зал, он был удостоен ордена Почетного легиона.

После октябрьского переворота 1917 года филиалы фирмы в России были закрыты, а семейство Фаберже перебралось за границу. Карл Фаберже умер в Швейцарии 24 сентября 1920 года. Позднее прах великого ювелира сыновья перевезли во Францию и захоронили в Каннах.

Фаберже и Одесса

В 1901 году Московский торговый дом «К. Фаберже» открыл Одесское отделение. Магазин фирмы помещался в доме 31 по Дерибасовской улице. Там сейчас установлена мемориальная доска. Первоначально Фаберже предполагал открыть магазин в новом здании «Пассажа Менделевича», построенного в конце 1900 года на месте дома 33 по той же Дерибасовской. В «Южно-Русском альманахе» Сандомирского за 1900 год была преждевременно дана

реклама об открытии магазина Фаберже по адресу Дерибасовская, 33. Но в «Пассаже» магазин не состоялся. Зато в доме № 31 магазин просуществовал до 1918 года.

Одновременно фирма стала вести переговоры по открытию в Одессе собственного производства. Фабрика золотых и серебряных изделий была открыта в 1903 году по адресу Тираспольская улица, 1. На фабрике работало 35 человек. Художниками в Одессу были направлены: из Петербурга – Оскар Май, из Москвы – Константин Ласкин и Гуго Оберг. Рядом с ними трудились и другие талантливые мастера. Особая роль в работе одесского отделения принадлежит ювелиру Владимиру Николаевичу Другову, обладавшему не только дарованием художника, но и прекрасными организаторскими способностями.

Одесский филиал стал одним из самых крупных в империи Карла Фаберже. Среди украинских клиентов фирмы Фаберже были граф А.А. Бобринский, сахарозаводчики Терещенко, Харитоненко, Ханенко, киевские богачи Бродские, Рубинштейны, одесские магнаты Эфрусси, Анатра и многие другие.

Ограбление века

В 1918 году в петроградском доме Фаберже (Большая Морская, 24), где размещались магазин, мастерские и квартиры, хранилось ценностей на 7,5 миллиона золотых рублей: из них 3 миллиона рублей – уставный фонд товарищества, а в 4,5 миллиона оцени-

вались вещи, принадлежавшие семье и принятые магазином на хранение, произошло ограбление. У Фаберже был один из лучших в России сейфов – «блиндированная» (бронированная) комната-лифт. На ночь ее поднимали до уровня второго этажа и держали под током. После Февральской революции, когда в Петрограде начались налеты и грабежи, постоянные клиенты, зная безукоризненную честность Фаберже, стали приносить в магазин свои драгоценности.

Яйцо «Букет лилий»

В марте 1918 года, после принятия Совнаркомом декрета о защите собственности иностранцев, Карл Густавович сдал свой дом в аренду швейцарской миссии. В доме поселился посол Швейцарии господин Одье. Плату за аренду Фаберже не назначал, попросил только принять на хранение шесть чемоданов с вещами семьи и саквояж с драгоценностями.

В конце октября Одье стало известно о готовящемся на миссию налете, и посол приказал перенести 27 чемоданов (среди них шесть принадлежало семье Фаберже) и саквояж с драгоценностями в норвежское посольство, где их оставили под охраной двух швейцарских студентов. Но на вторую ночь налетчики увезли из посольства и чемоданы, и саквояж. В саквояже находились золотые и платиновые серьги, кольца, браслеты, броши, фермуары, цепи, колье, папиросники (портсигары с отделением для спичек), украшенные бриллиантами, сапфирами, изумрудами, рубинами, аквамаринами, жемчугом, а также сто брелоков работы мастеров Фаберже.

На драгоценности была составлена двадцатистраничная опись: указывался товарный номер изделия, его наименование, наличие драгоценных камней и цена на 1913 год. Всего в саквояже было ценностей на 1603614 золотых рублей. Нашелся свидетель, который видел, как грабители уезжали на московском поезде.

Кто были дерзкие похитители? Велись ли поиски похищенного? Ответить сегодня на эти вопросы трудно. Среди прочих есть одна неподтвержденная версия – о причастности чекистов к ограблению. На размышления об этом наводит факт, что незадолго до налета с сотрудниками миссии общался швейцарец Артур Фрауччи, который в списках сотрудников ВЧК именовался Артузовым. Может быть, именно от него узнали чекисты о саквояже Фаберже.

О том, что чекистов интересовали сокровища мастера, свидетельствует грабительское изъятие их в начале двадцатых годов из Оружейной палаты Кремля и дальнейшая продажа за границу. Директор Оружейной палаты Дмитрий Иванов бился за каждый музейный экспонат, а накануне изъятия последних десяти яиц Фаберже покончил с собой. Как ни странно, это и спасло остатки коллекции – они поныне хранятся в музеях Кремля.

За все время существования фирмы Фаберже было изготовлено более 150 тысяч ювелирных изделий. Охота за ними идет уже больше века. Самым дорогим на сегодняшний день считается «Зимнее яйцо», проданное уже в XXI веке на аукционе Кристи за 9579500 долларов. Девять яиц Фаберже из императорской коллекции купил российский нефтяник Вексельберг, уплатив за них на аукционе Сотби не то 90, не то 120 миллионов долларов.

Среди изделий Фаберже были и относительно недорогие фигурки животных из серебра. Если у вас на письменном столе или на книжной полке стоит небольшая серебряная фигурка, доставшаяся по наследству от предков, внимательно присмотритесь к ней: возможно, вам крупно повезло.

Вероника Коваль

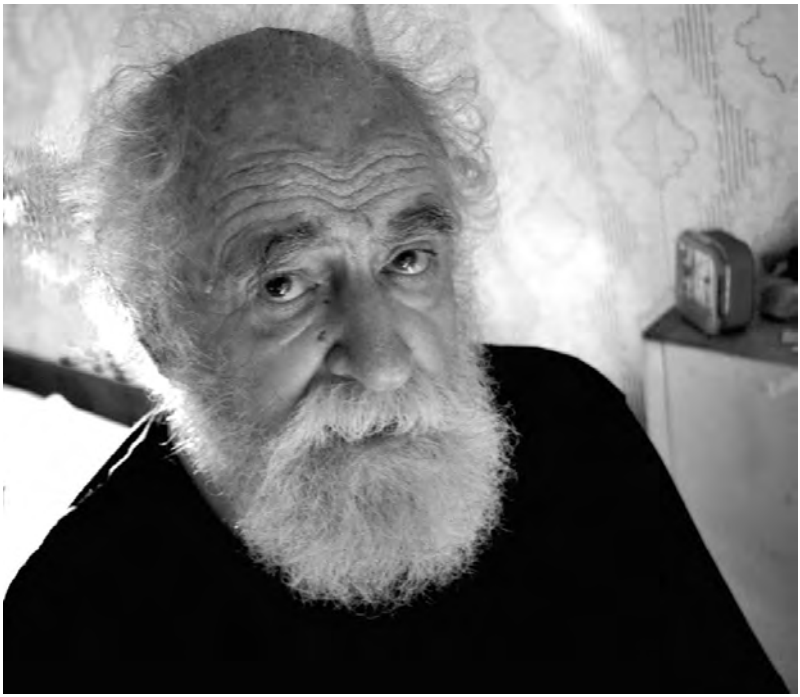
«Где же истина, что с душой едина?»

Назвать Илью Рейдермана поэтом и философом или философом-поэтом – банально. Это неоспоримо. Только он гораздо глубже самых правильных определений. В его стихах прорываются из подкорковых глубин окрашенные в разные тона «взвеси» его натуры: то смиренная, то вулканическая, то чувственная, то умозрительная. И эти «взвеси» вступают в реакцию друг с другом и с кислородно-углекислой атмосферой жизни… Такая вот сложная поэтическая материя получается.

Нужно, полагаю, в предвкушении стихов хоть коротко рассказать читателям о Рейдермане как личности (с моей точки зрения).

Это уникальный человек. Самая отличительная его особенность: он думает. Да-да, говорю так осознанно. Его мозг напоминает гриммовский горшочек, который непрерывно варит. Но не опостылевшую кашу. Он производит мысли о высоком, непреходящем, ценном, общечеловеческом.

С любым, даже знакомым по касательной человеком Илья заводит беседу такого уровня. Ведь еще одна его ипостась – проповедничество. Он использует для своих бесед-проповедей любые каналы: свои книги, газеты, ТВ, радио, Фейсбук, публичные встречи с читателями, очные и дистанционные культурологические семинары для молодежи (не случайно много лет назад в «Одесском вестнике» шли его огромные, на полосу, статьи под данной мною рубрикой «Кафедра»). Такой энтузиазм – не ради пиара, а токмо из желания засеять как можно больше душ отборным зерном красоты и добра.



Проповедничество – слагаемое социальной педагогики. Рейдерман по природе учитель. Точнее сказать, нравоучитель. Иногда даже с перехлестом. Люди не очень-то любят нравоучения.

Правда, он бывает и неким трикстером: хитренькая усмешка в седую бороду или язвительная эпиграмма могут так припечатать! А случается (редко!), играет в барда, выпевает свои тексты. И представьте, неплохо. У Ильи вообще все получается, потому что он многоталантлив.

Однако какую бы форму ни приобретали его печатные или публичные высказывания, в них всегда просвечивает сильный ум – то беспощадно-аналитический, то визионерски-провидческий.

В новой книге личность Рейдермана представлена во многих ипостасях. Стихов огромное количество, поэтому «судьба

получает объем». Несомненно, это «творческий отчет» о солидном куске жизни. В нем собраны стихи разных лет из различных сборников – «Миг», «Пространство», «Бытие», «Земная тяжесть», «Молчание Иова», «Дело духа», «Боль», «Надеяться на понимание» и других. Включены и отдельные циклы – «Музыка», «Неописуемые дни», поэма «Голоса». Не нужен контент-анализ, чтобы убедиться: уже по названиям понятна мировоззренческая основа творчества Ильи.

Как же подступиться к такому массиву материала? Как обобщить и осмыслить? Как «препарировать» его, чтобы в сухом остатке получилось на пару страниц мнение о поэтике этого автора? Признаюсь, я немало помучилась в поисках ключа к анализу материала. И нашла. Я пришла к выводу, что нужно рассматривать тексты Ильи через призму фрактальных закономерностей поэзии как одного из его главных конструкторских приемов. Представленная книга – это некая целостность. В самом деле: наивно было бы полагать, что Рейдерман составит ее из разнородных, не связанных друг с другом смыслово частей. Да, перед нами целостность с присущей ей гармонией. Которую, как известно, можно поверить алгеброй. Насчет алгебры не знаю, но геометрией – можно.

Поскольку не все знают, что такое фрактальность, – поделюсь информацией.

Фрактальность – сравнительно новое понятие. Оно вошло в научный оборот в середине 1970-х годов и быстро распространилось на самые различные отрасли знания, в том числе на музыку, архитектуру, изобразительное искусство. Фрактал – это неправильная, изломанная геометрическая форма, которая состоит из подобных же форм меньшего размера, которые в свою очередь состоят из своих уменьшенных подобий. Фрактальность есть понятие, фиксирующее свойство природы, мира, человека развиваться, находиться в постоянном движении, множить себя. Яркий пример – дерево. Единый ствол делится на ответвления, затем на ветки, каждая ветка, в свою очередь, делится на веточки – все более тонкие. Важно заметить, что фракталы не тождественны целому, а подобны ему и самоподобны, – так каждая ветка дерева индивидуальна по форме, длине и т. д.

Фрактальность построения новой книги Рейдермана обнаруживается, во-первых, в том, что если массив стихов произвольно разделить на несколько частей, то и смыслы, и стилистика, и образный строй, присущие автору, сохранятся в каждом из них. О чем это говорит? О том, что у поэта есть собственная индивидуальная поэтика (явленный в стихах сплав мировоззренических основ, миропонимания мирочувствования, своеобразного творческого воображения и способов изъяснения).

Да это и понятно – Илья в поэзии уже более полувека. Во-вторых, фрактальность проявляется в том, что основной ствол его поэзии «расходится» на несколько больших по смыслу тем – Время, Природа, Человек и мир, Поэт и мир. В каждом фрактале основная тема обрастает новыми поворотами, ходами, нюансами – подобно джазу с его импровизационной сущностью.

Время – вертикаль, уходящая из глубин веков в космос; природа – горизонталь, обнимающая все стороны света; человек – сущность, живущая в системе указанных координат, сущность одухотворенная и одушевленная. Рейдермана интересует, в каких реальных взаимоотношениях человек и, прежде всего, он, автор, находится с другими мирами. И отдельная ветвь – глубоко волнующая автора тема понимания (скорее непонимания) поэта обществом.

Время Рейдерман воспринимает как нечто живое, растущее, колышущееся, с приливами и отливами. Для него секунда так же значима, как вечность, ибо можно за секунду прожить жизнь и можно кануть в вечность, не став никем. Эту субстанцию поэт пробует на ощупь, но с годами все пристальней вглядываясь в ее волны – ведь каждая окрашена в новый цвет. Он ценит прошлое («прочнее, чем гранит, ушедшее»), его воспоминая дороги ему со всеми потерями и страданиями. Но человеку жить нужно в своем времени и соответствовать ему. Ведь все мы – современники, а не со-временщики:

От времени посланье получить –
и отстучать ответ – сердцебиеньем.

Однако у самого поэта отношения с временем не столь однолинейны. Он мечется: то чувствует себя опережающим время, то, напротив, традиционность поэтического языка как бы отбрасывает его назад («век мой умер»), то он чувствует себя вообще вне времени. Но все-таки поэт призывает людей сверять свои часы по космическому времени: стремиться вверх, ввысь, к звездам. Он и душу свою сравнивает с быстролетящей птицей со звездой в клюве. А иногда – с трепетнокрылой бабочкой.

Подпись под фото

Природа у Рейдермана всемогуща и всеобъемлюща. Стихи пронизаны своеобразным пантеизмом. Бессчетное множество раз в них варьируются темы состояния природы в отдельные мгновенья бытия. Они не просто отражают меняющееся настроение человека. Поэт сливается с природой каждой клеточкой своего тела и души. И она принимает его, вбирает в себя и сама становится одушевленной. Уже в названиях стихотворений, во многих строчках эта слитность читается как утверждение: *Я – берег моря; Я – сирень*; *Я – дерево в полдень*; *Я – туман*; *Я – дождь – осенний, мелкий, затяжной*; *Я – загнанная лошадь*; *Я – детское восторженное «ах»*; *Я как песчинка на ладони Бога…*

Дерево – любимый природный образ поэта. Сколько в нем смыслов! Поэт (точнее, его лирический герой) выходит из дерева как часть ствола, отделяется, одушевляется. Он ощущает себя частью дерева: его ветки – как кровеносные сосуды, листвой он дышит, корнями, впитывающими соки земли, питается его поэзия. Или, наоборот, герой входит в разъем ствола и прирастает к нему.

Ты ведь похож на дерево –
тоже растешь в небо,
и птица садится на ветку,
и облако над тобой.

А сколь проникновенно говорит поэт об осени! Это его время – время мудрости и горечи. Осень безжалостна. Не случайно один из псевдонимов Ильи – Борис Осенний.

Только в природе, если следовать по всей цепи образов Рейдермана, человек может найти отдохновение и вдохновение. К слову, образность Рейдермана мне кажется идущей скорее от платоновского мира абстрактных идей. Иногда мне не хватает в стихах Ильи «вкусной» осязаемости, цвета, запаха конкретной вещи, что так привлекательно у акмеистов! Но в одной из лучших его книг, «Земная тяжесть», которую я когда-то рецензировала, – душа и слово врезаны в плоть бытия до полной осязаемости, до боли. Книга эта – представленная в «Избранном», разумеется, лишь частично, поразила меня тогда своим обжигающим трагизмом, переживанием смертей сына и жены. В сегодняшней поэзии подлинный трагизм почти не встречается. Процитирую фрагменты из моей тогдашней рецензии. «Не могу припомнить исповеди, подобной той, какой является книга «Земная тяжесть». Все лабиринты души промыты словом – точным, свежим, истинно поэтическим… Читаешь такое – и словно сам погружаешься в черную бездну. Но вдруг обжигаешься о строку:

Беде спасибо! – если б не она,
как все б рыл землю до седьмого пота.

Да, такова диалектика бытия. Страдания становятся тиглем, на огне которого выпариваются суетность, зависть и прочие атрибуты обыденности. Душа воспаряет над ней, «как будто рухнула стена – и даль! И высь! И тяжкая свобода». Она воспаряет на крыльях рифм. В творчестве – спасение. Нужно упрямо идти, чтобы успеть сказать многое другим людям… Удивительно: в этой книге скорбей самое часто повторяющееся слово – «*жизнь*». Так и должно быть у настоящего поэта».

И вышедшая через несколько лет книга «Молчание Иова» – тоже трагична, только боль переплавлена в стихи на библейские темы и подражания псалмам. Боль отцовская, житейская – вставлена в оправу вечности в монологе Авраама. И снова приведу фрагмент из тогдашнего своего искреннего и непосредственного отклика:

«Поэт, не боясь суда небесного, непонимания людского, задает и задает вопросы Ему. «*Господи, слышишь скрежет зубовный и плач?*». «*Иль нас, в пустыне жаждущих, спасут земные власти и земные блага?*». «*Как снова стать живым? Как смерть избыть?*». «*Как мне вынести этот жар и этот яркий свет?*». Вопросы, вопросы… О смысле бытия. О назначении человека. О вере и неверии. В разделах «Библейские мотивы» и «Подражания псалмам» поэт отказывается от красивых слов и ярких образов. Сейчас они кажутся ему мишурой, прячущей смысл. Он – наедине с Богом. Человек, каков он есть – слабый, терзающийся сомнениями, противоречащий сам себе, безумный… но в то же время – сильный и гордый…

Автор достиг такого духовного состояния, когда, проникнув в суть земной жизни, может обратить к небесам самые больные вопросы, а потом неожиданно сказать:

Господи, все, что для нас сотворил ты, – как мед.
Небо и птицы, и губы любимой – все чудо».

Сейчас я бы добавила, что приоткрывшееся мне тогда осознание Ильи Рейдермана как религиозного поэта – и есть ключ к его творчеству, пусть и не всегда очевидный. Сам автор считает, что всякая поэзия изначально есть служение Высшему, как бы его ни называть, и поэтому обязана удерживать «высокую ноту», высокий строй души – а иначе она всего лишь искусное (порой лаже слишком) плетение словес.

«Человек, ты Царь Природы?» – вопрошает автор в одном из стихотворений. Хотя сам себе он давно ответил: «Увы!». Человек из века в век теряет в себе человеческое. В этом культурологическом фрактале Рейдерман куда как менее благостен. Его устные проповеди обретают в стихах еще большую значимость,

актуальность, критичность, остроту. Культурологическое перерастает в философское. Поэт искренне спрашивает: как можно жить в мире, где дважды два – четыре? Как можно жить, не видя божьего света, «уткнувшись в освещенные вещи»?

Мир уничтожится набегом
пустот, взбесившихся нулей?

Похоже, мы стремительно приближаемся к апокалипсису – такую картину мира рисует нам поэт. От таких пророчеств делается страшно. Неужто и вправду впереди – безысходность?

Отрицание прописных истин и скучной обыденности – его, поэта, критерий отношения к жизни, и с ним он соотносит вещество существования человека в обществе. Он призывает нас:

Так откажись, восстань, беги из плена.
Плюнь в телевизор. Не читай газет.
Истории нет больше. Тьма историй
взамен. Вконец запутанный клубок.
Все истины уже погибли в споре.
Сознанья нет, и обморок глубок.

Так неужто нет спасательного круга, который может удержать человека в мире, где все «мгновенно, ненадежно, тленно»? С каким отчаянием, с какой болью и страстью поэт вопрошает Иова:

Когда нас хладнокровно убивают –
Бог в мире пребывает? Убывает?..
Когда предсмертный слышен детский плач, –
Он может быть спокоен, счастлив, весел?

Та книга – в предельном напряжении мыслей и чувств порождает мгновенные вспышки света, освещающие наш сегодняшний запутанный лабиринт в поисках выхода… Там – квинтэссенция размышлений о поисках Высшего смысла. Это – акме поэта, верхняя точка пирамиды его размышлений. Опорой может служить близость к Богу, ощущение, что ты, человек, создан по его обра-

зу и подобию. Нужно видеть вертикаль жизни, стремиться в тот простор, что незрим очами: «открыть себя, как в мир открыть окно»; «трудись, душа, стремясь соединить все то, что жизнь дала и обещала».

…Рейдерман органически, всей сутью своей принадлежит к братству поэтов – людей странных, непредсказуемых во взглядах и высказываниях. Их можно почитать и можно иронизировать, но нельзя отказать им в особом зрении. Поэты видят мир одновременно в разных проекциях, иногда глядя вниз, будто из просвета туч, а иногда в подробностях описывая травинку. Они вглядываются в нас и видят, что мы собой представляем по сути. Они, и Илья в том числе («стихи, что земной диктовались болью»), осознают несовершенство человека и созданного им мира. Но поэты не сторонние наблюдатели. Они страдают и сострадают, потому многие из них и гибнут раньше. Горя желанием усовершенствовать бытие, они располагают единственным инструментом – Словом. Как применить его – вопрос совести и таланта. Илья не пускает свое Слово под ветра изменчивой моды или политики. Но он не молчит, когда нужно:

Такая жажда жизни у эпохи,
что не имеем права не сказать!

Автор созывает на свой круг великих поэтов прошлого; он благоговеет перед ними, соотносит себя с ними. Именно так нужно понимать его задиристые, на первый взгляд, строки: «Все стихи Мандельштама написаны мною».

Но! Огромная проблема – слышат ли поэтов современники и услышат ли потомки. «Пророки ныне устарели!» – с болью воскликнул поэт в одном из ранних стихотворений. Но все его творчество свидетельствует о том, что с этим фактом он не смирился. Хотя эта проблема оборачивается для него внутренней трагедией. Критерием творчества стал успех любой ценой. Уходит в прошлое бумага, уходит чуткость к нюансам словосочетаний, к музыке звучащей строки. Косноязычие давно превратилось в пандемию. А с оттенками слов исчезает цветовая палитра смыслов и чувств.

Кто же, если не поэт, скажет пораженному глухотой и немотой: «Как нужна живая вера в Правду Честь, Лиц и Слово!».

В почти завершающем его книгу избранного «Из глубины» стихотворении «Диалог поэта и читателя» (потому что дальше следует какой-то раздел «И еще», включающий, очевидно, стихотворения из какой-то еще не оконченной книги) читатель говорит: «Ведь если вы не знамениты, я книжку вашу не открою». Поэт отвечает:

Мы тайное живущих братство.
…Мы знаем: в адской топке века
не все сгорает без остатка…

Поэт Илья Рейдерман мечтает об одном: дождаться своего времени.

От редакции. Поздравляем нашего постоянного автора поэта Илью Рейдермана с 80-летием.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Публикации

298 Имя разлуки
Письма Инны Лиснянской
Публикация Елены Макаровой

325 **Александр Гринберг**
Рассказы

Имя разлуки

Письма Инны Лиснянской

В 1990 году мы переехали из Москвы в Иерусалим. Мане на ту пору было девять лет. Перед отъездом она устроила в квартире персональную выставку своих рисунков. Бабушка Инна Лиснянская и дедушка Григорий Корин «покупали» у Мани работы. Как-то все было грустно. Железного занавеса, за которым росло старшее поколение, уже не существовало, но призрак его вызывал страх. А вдруг нас больше не пустят друг к другу? А вдруг мы больше никогда не увидимся?

Дурные предчувствия не оправдались. Мы встречались и в Израиле, и в Москве, но все же жизнь в разных странах – иной уклад. По первому зову не бросишься, на такси не доедешь. Сейчас, когда я сама стала бабушкой, я ощутила, какая это мука – жить вдалеке от детей, не видеть, «как они растут на глазах».

Елена Макарова

Инна Лиснянская – Мане Макаровой

Сентябрь 1990

Дорогая моя, любимая внучка, лучше, которой нельзя придумать!

Поздравляю тебя с днем рождения*, желаю тебе всегда быть такой прекрасной, доброй, веселой, какая ты есть. Еще будь здоровенькой! В день твоего рождения буду молиться за тебя. Пусть Господь пошлет счастья. Я часто смотрю на твою оставшуюся на даче собаку. Она смотрит на меня своими глазищами со шкапа, и я часто с ней рассуждаю о тебе, игрушечная – а все понимает.

* Маня родилась 18 сентября 1980 г.

Поздравь от меня с твоим рождением маму, папу, Федю и даже твою кошку. Тебя поздравляет Семен и все дети Красновидова: Дима, Марина, Маша, Соня, Тата, а как зовут внучку Асадова, я забыла. Мысленно сижу с вами за столом и кричу: Да здравствует Маня! Целую. Твоя душой и телом бабушка.

Декабрь 1990**

Моя любимая внученька! Моя Манька! День и ночь твоя картина с аппликациями блескучими передо мной и перед моими гостями. Конечно, не ночью, а днем и вечером. Все видят и спрашивают: кто это так прекрасно расположил серебряный кувшин и бутылки, кто сделал такую красоту? – Моя внучка – хвастаюсь я, моя Маня! Рассказываю и про твою удивительную кошку, хотя она и кричит по ночам. Помнишь, как она влезла в коробку и ходила с ней по комнате? Очень по тебе скучаю, хотя там мало провели часов вместе. Я бы хотела всегда ездить с тобой в автомобиле и целовать твою коленку. Надеюсь, что ножка твоя забыла о боли. Напиши мне, как ты, как идет учеба, как мама, папа и Федя.

Ты у нас большая умница и большая фантазерка. Последнее свидетельствует о твоей художнической натуре. Глядя на тебя, я вспоминала себя в детстве – ну и веселая врушка я была, и обидчивая. Золотце мое, я тебе желаю так много хорошего, столько, сколько ты даже сама себе не желаешь. А то, что я была не слишком веселой, прости. Я просто плохо себя чувствовала, хотя и влюбилась в Иерусалим. Дай бог тебе здоровья, веселья, картин, которые бы тебе самой очень нравились. Целую крепко в коленку.

10.2.91

Родная моя Манечка! Сама ты чудесная кисанька! Как ты хорошо пишешь: «Живу хорошо, а как ты, бабушка?» Я тоже живу-поживаю. Все мы – молодцы, даже кошка твоя – молодец. Ты ее прекрасно нарисовала. А помнишь, как твоя кошка забралась в большую коробку и потащилась по комнате вместе с коробкой. Мне такая резвая кошка еще не встречалась, такая же шалунья, как и ее хозяйка. Так что следи, чтобы на улицу без приказа

** Письмо, написанное мамой по возвращении из Израиля, где она побывала впервые вместе со своим мужем Семеном Израилевичем Липкиным.

не убегала. Спасибо тебе за весточку-записку, отшлепай Федю*, ущипни его, чтобы и он мне черкнул пару строк. После щипка поцелуй его. Целую тебя, моя кисанька, моя умница. Привет тебе от Паши**, помнишь? Твоя бабушка.

Любимая моя Манька-встанька, станцуйка-порисуйка! Спасибо тебе за твое письмецо. Оно меня так обрадовало своей верой в победу над Хамасом*** и успокоительные слова: «Если по телевизору показывают ужасные вещи – не верь!»

Ах ты, моя добрая, моя умница. Я очень по тебе скучаю и по Феде. Но ты мне пишешь, а Федька – нет. А я не хочу ему писать, чтобы не вынуждать его отвечать на письма. А тебе отвечу на все твои вопросы. Я – ничего, иногда болею, иногда здоровею. Семен – так же, мы часто с ним о тебе вспоминаем, – то, как рисуешь, то, как ты хочешь порадовать окружающих. Помнишь, как у Овсищеров**** ты из салфеток вырезала сердечки? А твоя картина с аппликациями – блестящий натюрморт на черном бархате – всегда у меня перед глазами. Всем хвастаюсь, когда все спрашивают: «А кто это так красиво сделал»? – «Моя внучка!» – гордо отвечаю.

Еще ты спрашивала, как дедушка, Ира, Наташа***** и все Химки. Насчет всех Химок не знаю. А с дедушкой говорила по телефону, и он сказал, что у него, у Иры и Наташи все в порядке. Знаю от мамы, что вы едете в начале апреля в Германию. Желаю тебе, чтобы поездка была интересной, веселой. Чтобы ты нигде не подвернула ногу, а то кто тебе будет все время коленку целовать, как я целовала. Еще мне дедушка сказал, что твоя кошка очень потолстела. Наверное, поэтому ты в письме нарисовала себя маленькой, а кошку огромной. Целую тебя, моя внученька, в коленку, в умный лобик и в глазки.

Люблю тебя. Твоя бабушка.

---

* Федор Макаров, старший брат Мани.

** Паша Крючков.

*** В это время шла война в Персидском заливе, мама, понятно, очень за нас переживала. Характерно для мамы – она не пишет Мане о своем горе, смерти матери Раисы Сумбатовны Адамовой, это – в письме мне того же дня.

**** Лев Петрович Овсищер (1919-2007), полковник авиации, борец за выезд евреев из СССР, и его жена Татьяна были частыми гостями нашей семьи. В 1990 переехали в Израиль.

***** Вторая жена Григория Корина Ирина Гилярова, и ее дочь Наташа.

Весна 1990

Дорогая моя внучка, лучше которой нельзя придумать! Спасибо тебе за рисунок. Судя по письмам мамы – вам с Федей живется хорошо. Я очень этому рада. Прошла ли аллергия у Феди, а у тебя насморк. Не слишком ли тебе и Феде жарко? Как идут у тебя занятия. Мне очень хочется это все услышать от тебя. Федя мне не написал ничего и не нарисовал. Но девочки более откликливые, в особенности такие, как ты. Выбери часок на один листок – напиши мне письмецо. Очень по тебе и Феде тоскую.

Любящая тебя бабушка целует тебя в шейку, которая так сладко пахнет.

20.3.91

Милая моя Манечка, кисанька моя ласковая! Моя хорошая, моя умница, спасибо еще раз тебе за письмо. Я его уже выучила наизусть, и всем читаю по телефону, потому что мало кто к нам заходит, а звонят многие. И я звоню и раззваниваю всем твое письмо – такое оптимистическое, разумное. Как будто ты совсем большой и мудрый человек. Но я-то знаю, что ты еще малышка, еще любишь игрушки и игры. Впрочем, и я – старуха – тоже люблю во что-нибудь поиграть. Бывают и такие люди: до старости могут фантазировать, играть и веселиться. И я, когда хоть чуть-чуть поздоровей бываю, веселюсь как умею. Смеяться – это очень хорошее занятие, в особенности смеяться над собой. Когда сама над собой посмеешься, уже чужие насмешки ничуть не трогают, не обижают. Этому большому искусству не обижаться я уже давно научилась, и так жить куда легче и веселей. Дедушка мне говорил, что ты ему написала о своей кошке как о невероятной толстухе. Интересно бы посмотреть! Может быть, жизнь моя так счастливо обернется, что я смогу еще увидеть Федю и тебя, и маму и папу и даже твою кошку. Передай мой поцелуй папе и Феде. Всех вас поздравляю с приездом Яны! Представляю себе, как вы сейчас радуетесь. Крепко тебя целую, твоя бабушка.

Привет тебе от Семена. И от всей телефонной сети, по которой я читаю твое письмо.

20 апреля 1991

Моя милая, моя любимая Маничка! Нажми на родителей, пусть еще раз пришлют то, о чем я уже писала, и что мне не отдал дед. Он в порядке, гуляет в саду, а сейчас пишет вам письмо*. Я также в полном порядке и только очень-очень тоскую и по маме и по тебе, моя красавица. Кстати, недавно совершенно случайно узнала, что от пищи рыбкам бывает очень трудная аллергия. Посоветуйтесь с врачом. Я маме об этом не написала, а тебе пишу как взрослой.

Да ты и есть уже взрослая девочка, в твоем возрасте, увы, я жила совсем одна, без всякой опеки со стороны взрослых.

Солнышко мое, я так верю в твой талант, так тобой горжусь. Пришли рисунки! И напиши о себе все, что возможно написать. Целую тебя, твоя бабушка.

P. S. А я тебе перепишу свой стишок.

Если у меня будет кассета и оказия, вообще вам запишу свой стихотворный голос, на память.

* * *

Земля дымится, небо тлеет.
Пылают волны и руда!
– Не верьте мне! – все уцелеет –
Земля и небо и вода.

Но человек, но зверь, но птица
Уже как уголья в золе!..
– Не верьте мне! – все сохранится
На окровавленной земле.

Где мудрецы? Где Серафимы?
Стеною кровь идет на кровь!
– Не верьте мне! – Неистребимы
Надежда, вера и любовь.

Твоя бабушка

* Мама с мужем и папа с женой жили в Доме творчества Переделкино, где встречались за завтраком, обедом и ужином, а также на прогулке. Теперь у них была общая тема для разговоров – не стихи, а дети и внуки, и это их сближало.

26. 4. 91

Любимая моя Манечка! Большая моя крошечка! Неужели рыбки у тебя? Я видела твое письмо к деду. Как тебе понравилось во Франкфурте? Как поездка? Что у тебя нового? Может быть, червячки для рыбок? Как твоя подружка Лида и как кошка? Все, что тебя хоть краем касается, мне очень интересно, необходимо знать. Пиши мне иногда, моя добрая внученька! Я так радуюсь твоим письмам и рисункам! Как это чудно, что приехала к вам Яна**! Бываешь ли ты в их с Федькой компании? Золотая моя рыбочка, золотей всех золотых рыбок на свете, живи весело да учись охотно, и жизнь будет совершенно замечательной. Глажу тебя по умной головке. Целую тебя твоя бабушка.

18.5.91

Дорогая моя, сладенькая моя Манечка. Еще раз поздравляю с дебютом***! Прошлый раз я писала в шутливой форме, а сейчас всерьез. Твой дебют очень хорош, но помни слова мудрой твоей бабушки, что первую вещь всегда можно написать, потому что в нее вкладывается весь накопленный опыт. Правда, я хорошо помню и твои рассказы 7-8- летней, и даже более раннего возраста. Помню, как ты указывала, вернее, просила указать точку, где должна закончить рассказ. Казалось бы, вывернуться невозможно, но ты находила способ выражения, именно приблизившись к заданной точке. Это, помню, меня радостно удивляло. Это почти владение формой, что очень важно для пишущего человека, а остальное, что необходимо, тебе объяснит мама. Привет Федьке, папе. Целую тебя, моя радость. Твоя бабушка.

20.5.91

Моя милая Манечка! Вот до чего дело дошло – ты даже гонорар получила за свой рассказ. Ну дела, ну и молодец. Так и оглянуться не успеешь, как станешь опорой в семье. Да, на тебя можно положиться! По твоему письму к дедушке судя, даже на твою кошку можно положиться! Пусть она лизнет тебе руку и за меня. Я очень по тебе скучаю. Слышала краем уха от дедушки, что тебя

** Яна Макарова, старшая дочь моего мужа Сергея Макарова.

*** Манин рассказ с иллюстрацией был опубликован в русскоязычной газете.

допускают посещать художественную академию как вольного художника*. Как ты думаешь, это отразится в твоем творчестве? Есть ли здравый смысл? Пожалуйста, подумай и ответь мне. Что-то ты в последнее время ленишься мне писать. Правда, написанное тобой письмо во время войны вполне искупает твою лень. Но все-таки очень прошу тебя – напиши бабушке, которая очень тебя любит. Целую тебя, моя внученька, моя сладенькая, много раз. Твоя бабушка.

Июнь 1991

Милая моя, сладенькая моя Манечка! Спасибо тебе за письмо, ты меня осчастливила им, хотя мне было бы еще радостней, если бы это письмо ты мне прислала уже после болезни. Как ты себя чувствуешь сейчас? Что это было с тобой, мое солнышко? Где, как и с кем ты проводишь время? Мама написала, что ты образцовая хозяйка и очень здорово ей помогаешь. А кошка тебе помогает? Или, как рыбки, только наблюдают за тобой? Что ты читаешь? Как у тебя с ивритом? Манечка, сейчас на один день я приехала с дачи**. Тебе передали приветы Сонька, Кристина, Маша, Сандрик и Ваня. Все тебя помнят и радуются, что твои рисунки пользуются успехом. Когда до тебя дойдет это письмо, уже, наверное, начнется школьная пора. Береги себя, не бывай на сквозняках. В жару, как ни странно, легко простудиться, даже находясь рядом с вентилятором. Нежно и много целую тебя, моя золотая внученька! Бабушка.

Август 1991

Милое мое солнышко Манечка! Жаль, что мы с тобой мало поговорили по телефону, и в то же время я счастлива была услышать твой нежный, чудный голос. Пыталась слово «голос» нарисовать, да ничего не вышло. Интересно, как бы ты нарисовала это слово? Вот тебе задача от меня попробуй – нарисуй. А кошку я тоже как следует нарисовать не могу. Мама мне сообщила, что

* Художник Иегуда Бакон, мой знакомый, бывший узник Терезина и Освенцима, преподавал в ту пору в Иерусалимской академии художеств, и он разрешил мне приводить Маню к нему на занятия.

** «Дача» – это квартира в Красновидове, куда мы с детьми ездили на каникулы.

ты приступила к занятиям в школе живописи. Что за школа? Ответь мне, пожалуйста. Твой рисунок на белой материи сейчас я приколола на видное место под телевизором. И любуюсь твоей вышивкой больше, чем какой-нибудь телепередаче, кинофильму. Очень тебя люблю, моя красавица. Целую и обнимаю. Твоя бабушка.

Подпись (*рисунок*)

Это я скучаю по тебе. И потому похожа на плачущую девочку больше, чем на бабушку.

24.10.91

Моя родненькая внученька! Спасибо тебе за краткое послание с двумя нарисованными кошками. Манечка, я очень сильно тебя люблю и тоскую по тебе, и радуюсь, когда мама пишет, что ты нарисовала еще шедевры. Очень горжусь твоим умом и талантом. Скажи Федьке, что я по нему также скучаю. Пусть мне хоть записку черкнет. Я чувствую себя сейчас гораздо лучше, чем в приезд мамы. Вот такая я невезучая. К вам приехала – разболелась, мама твоя приехала, опять, как говорится, 25-пять, то есть опять же разболелась***. Крепкое рукопожатие и поцелуй от Семена. Целую тебя с ног до головы. Твоя бабушка.

1991

Дорогая моя Манюшка – острое ушко! Спасибо тебе за письмо. Рассмотрела и твою кошку и тебя, и, по-моему, маму. Миленькая моя! От мамы я узнала, что ты написала 5 стихотворений на иврите. Очень мне это интересно. Если можешь, переведи их на русский, не обязательно, чтобы была рифма. Я просто хочу знать содержание твоих стихов. Переведи – слово – за словом, а мысль я уловлю, хотя стихи – самое неподдающееся дело для перевода. Пусть мама или папа или сам Федя тебе поможет.

Не пройдет и месяца, глядишь – и дед приедет к вам. Уж он-то понаслаждается общением с внучкой. Честно говоря, я ему сильно завидую. Как бы я к вам полетела, если бы не Семен. Он тоже

*** Мама писала об этом своей знакомой: «Очень тяжело переживаю то, что не исполнилась моя мечта: ни на шаг от моей дочери во время ее пребывания в Москве, всюду за ней – хвостом». И мне – «И вот – свалилась с почечной коликой, и не могла, хоть ты меня не обделяла вниманием, быть с тобой максимально много».

очень хочет, но врачи запретили. Все-таки возраст серьезный – 80 лет, и я не могу с этим обстоятельством не считаться, не могу его бросить. И все же надеюсь, как-нибудь к вам хоть на неделю рвануть. Очень я по тебе скучаю, то рассматривая фотку, где ты и Федя на кухне, ту еще ту, где мы вместе все. Но на кухне ты уже совсем вытянувшаяся, стройная, такая красивая, что мне кажется, такой другой красивой девочки нет на Земле. Маничка! Целую тебя 1000000000000000000 раз.

Привет и поцелуй от Семена.

(1991, без даты)

Моя дорогая, моя красавица – внучка!

Ну до чего ж ты хороша собой. До меня дошли слухи, что ты сама себя фотографируешь. Так что, пожалуйста, не поскупись и пришли мне твои фотографии. У меня есть та, где ты сушишь феном свои роскошные волосы и еще та, где ты сидишь в белом, летнего типа кресле, и видны хорошо твои длинные чудные ножки. Эти фотографии всегда передо мной, со мной и во мне.

Деточка, мне даже кто-то сказал, что не только пишешь и рисуешь, но и стихи сочиняешь. А на каком языке, хотела бы я знать? Если по-русски, то пришли мне что-нибудь, я в этом деле неплохой специалист. Я не имею в виду, что я хорошие стихи пишу, чего нет – того нет. Но вот есть у меня очень чуткое ухо на стихи. Так что помни это, и если захочешь кому-нибудь показать помимо мамы и папы, то лучше всего покажи мне. Так в жизни бывает, сам пишешь неважно, а вот понять хорошее в другом человеке можешь. Отсюда, наверное, и критики недурные выходят.

Мама пишет, что пойдешь скоро в специальную художественную школу. Это когда? С будущей осени ли раньше? Говорят, что у тебя много друзей. Видишь, я все пишу «говорят», то есть узнаю о тебе не от тебя. А мне бы так хотелось получить от тебя весточку, письмо. По-моему, ты вполне уже взрослый человек для того, чтобы твоя бабушка могла узнавать, с кем дружишь, чем особенно интересуешься и все остальное от тебя самой.

Я понимаю, письма писать очень неохота. И у меня так было до вашего отъезда, а вот теперь я так жалею, что не писала писем своей бабушке. Правда, моя бабушка была гораздо луч-

ше меня. Она была особенная (мамина мама), у нее всегда был очень грустный рот и смеющиеся глаза. Ты представляешь себе такого человека? Если бы мне рассказали про грустный, даже скорбный рот и смеющиеся глаза, не знаю, смогла бы я зрительно воссоздать этот образ. Но ты ведь художница! Опять же понаслышке знаю, что кошка твоя занимает в твоей жизни большое место. Напиши хотя бы о кошке, ты ведь раньше мне все писала: «Бабушка, здравствуй, как ты и Семен поживаете? Моя кошка»… и так далее. У меня были сведения о кошке и только. Правда, однажды ты мне написала, а все, что ты мне писала, я знаю наизусть, – так вот, ты мне писала однажды «Бабушка, не переживай, Саддама мы скоро победим, не бойся. Издали всегда все кажется страшней».

Подумай только: такая малышка и такая мудрая! Теперь-то ты совсем не малышка, судя по снимкам. Сейчас ты должна быть главной опорой для родителей и Феди. Не знаю, как родители, но Федя явно нуждается в опоре. Так что, если он хмурится или отмахивается от тебя, не придавай этому никакого значения, ему сейчас и самим собой нелегко. Возраст такой, ты же все понимаешь, моя умница. Именно поэтому я тебе пишу как взрослому человеку и не сюсюкаю в письме.

А если говорю, что ты красавица и умница, так это так и есть. Доказательства: твои фотографии или хотя бы одна твоя фраза: «Издалека страшнее». Это так и есть. Это позволяет мне просить тебя далеко от дома не уходить, ну сама знаешь, тебе большой поклон от Семена. А еще от Паши, помнишь дачу Чуковского. Вы с Пашей переписывались в Москве. Он тоже удивляется, как ты внешне переменилась, стала красивой длинноногой девочкой. Крепко тебя целую. Пиши мне. Твоя бабушка – зануда.

(1991, без даты)

Милая моя Маничка! Почему ты не даешь в письмах никакой информации о себе?

Неужели твоя жизнь вся сплошь тайна? Ты только написала о начале учебы и – это все. А мне бы хотелось узнать о тебе побольше. Например, с кем дружишь? Я не пишу – «почему дружишь с тем или другим, с той или другой».

Выйдя из юности, я поняла, что никакой логики в юношеских дружбах искать не надо. Так у меня была ближайшая подруга Люся, мы были с ней неразлучны. Но когда наступила взрослая жизнь, оказалось, что у нас такие противоположные вкусы, мысли, ощущения, способы жить, что просто удивительно, как мы так неразлучничали. Это не значит, что кто-то из нас хуже. Нет! Просто полные несовпадения ни в чем. Раз в году хорошо повидать друг друга, а больше – невозможно. У нее в голове только бизнес. У меня в голове только стихи. То есть все остальное и для нее, и для меня – пустяк. Возможно, в этом виновато общество, делившееся у нас на тайных добытчиков и тайных поэтов. Было бы нормальное общество, возможно, мы бы расцветали гармонично.

Вот я и желаю тебе гармонии. Это самое бесценное, что может быть в душе. Как бы не сомневаешься в себе, в момент творчества все в тебе гармонично, никакого хаоса и раздрызга, невзирая на окружающий хаос. А какая ты красавица на фото! Смотрю – не насмотрюсь. Целую тебя, мое солнышко. Мы – в порядке. Привет от Семена. Твоя бабушка.

2.1.1992

Милая моя Манечка! Красавица моя на всех фотографиях! Спасибо тебе за письмо. Судя по тому, что ты диктовала его Феде, делаю вывод: «Федя уже тебя обижает куда меньше». Ах моя маленькая хитрюшка! Моя сестра была младше меня на 4 года. Но она была прехитрющая. Бывало, стукнет меня мишкой игрушечным, да и давай плакать, что я ее бью. Тут прибегают взрослые, и мне достается добавочно. Вот так не всегда хорошо быть старшей сестрой.

А по Фединому письму я понимаю, что Федя тебя очень любит. Остальное – от повзросления у него. Ты правильно написала дедушке: «Такой возраст». Почему-то ты мне пишешь только о кошке, о рыбках и о Честертоне. Последнее – гигантский шаг вперед. А каково твое окружение? С кем дружишь, что из предметов, кроме рисования, тебя интересует? Я очень по тебе тоскую, очень тебя люблю за твою умную и нежную душу. Мама пишет, что ты уже вовсю говоришь на иврите и даже на иврите ведешь

дневник. Какой дневник ведешь, мама не говорит, и правильно. Дневник – это очень личное дело. Когда-нибудь, когда ты будешь взрослая, а я до этого обязательно доживу, ты мне что-нибудь весело прочтешь из дневника. Привет от меня и кошке, и рыбкам. Не забывай русский язык – пригодится. Всю тебя обцеловываю. Твоя бабушка.

14.4.1992

Милая моя Маничка! Голубка моя! Спасибо тебе огромное за письмо, за информацию о рыбках и кошке. В письме к деду ты очень хорошо описала твой первоапрельский триумф. Здорово же ты всех обманула, моя маленькая хитруля. Очень рада была узнать от тебя, что вы живете хорошо. Это меня очень взбодрило и прибавило мне сил.

Я март, вернее, половину марта, писала стихи. Да и в начале апреля что-то в рифму начирикала. Как только у меня будет кто-нибудь, попрошу напечатать стихи и пришлю вам. А пока посылаю мою «научную» книжку. Когда ты еще и еще подрастешь, она тебе, надеюсь, будет интересна. Чтобы она была тебе интересной, ты должна любить поэзию русскую и знать многих русских поэтов прошлого и начала этого столетия.

Сегодня уже солнечный день и довольно теплый – 10°. Немного днем посидела на скамейке и все вспоминала твои картины. «Ай да Пушкин, ай да сукин сын», – так однажды записал в свой дневник Пушкин, выражая радость за им написанное, а за что – увы, не помню. Наверное, ты, когда сделаешь какой-нибудь удачный рисунок, бываешь на подъеме. Так или не так? Напиши мне. Продолжаешь ли вести дневник?

И вообще, что нового в тебе и вокруг, мое солнышко? Не успеваю дописать страницу. Надо срочно передать письма. Целую бесконечное число раз. Твоя бабушка.

(*Рисунок*)

Вот так не смешно я смеюсь, один только рот растягивается, а ведь должны и глаза смеяться. Но что взять с бабки-неумехи?! Целую, бабушка.

Апрель. Пасха 1992

Дорогая моя, любимая моя внученька! Я в таком восторге от твоих сюжетных рисунков. И Семен в восторге. Какие чудные линии, какое простое решение сложных вещей, какой изумительный ритм! Маничка! Ты – талантливая молодчина! Я так живо и больно для себя вспоминала ваш отъезд. У тебя на затылке нет глаз, а то бы ты изобразила плачущую вам вослед бабушку. А уж как я плакала! Но теперь радуюсь, что вы далеко от жизни в Москве. А то бы у тебя не то что красок, карандаша бы не было. Но я преувеличиваю несколько. Уж для такой художницы я бы наизнанку вывернулась и достала фломастеры за любые деньги. Напиши мне письмо, и пусть и для меня пришлют ксерокс твоих картин. А то мне дедушка не отдает. Он поживает вполне хорошо. Конечно, тоскует по вас, как и я, очень сильно. Но дед и пишет и гуляет в Переделкине, а там, глядишь, и к вам приедет. Я же и Семен из-за его почтенного возраста никуда не можем двинуться. Но даст Бог – и я увижусь еще и с мамой, и с Сережей, и с Федей, и с тобой, моя прелесть.

Так бы сейчас тебя бы расцеловала в коленку. Помнишь, когда у тебя болела нога, я ее целованьем подлечивала.

Мама мне говорила по телефону, что ты и зимой бронхитила. Напиши мне, как ты себя чувствуешь, какие у тебя планы, с кем дружишь, а не только про кошку. Хотя мне и твоя кошка интересна. Передавай от меня привет папе и всем родным и друзьям. Сейчас, наверное, еще пасха, и я тебя с ней поздравляю и желаю тебе, моя внученька, хорошего лета, вдохновенья и верных друзей. Целую тебя, мое солнышко-Маничка, одну единицу с бесчисленным количеством нулей. В конце ставлю знак: ∞ – бесконечность.

Твоя бабушка.

3 мая 1992

Маничка, родная моя, мое солнышко! Прости меня за короткую записку. Не все делается так, как задумываешь. А вот случилась оказия – передать вам письма, и я спешу как сумасшедшая. Маме-то я каждый день писала, а вот получается, что своих любимых внуков всеми своими вопросами не охватила. Но ты мои вопросы знаешь. Как тебе живется, как учеба, кончилась ли?

Как тебе работается? Ведь ты у меня талант! Напиши не только о кошке и рыбке, но и о своих друзьях. Как поживает твой дневник? Не забрасывай, я до сих пор жалею, что в твои годы бросила писать дневник. А как бы сейчас было бы мне интересно, да и полезно, вспомнить все детские, юношеские мысли.

Очень тебя люблю. Целую, твоя бабушка.

17.5.1992

Манечка, золотое мое сердце! Раньше говорили «золотое сердце», имея в виду доброту. Теперь у нас должно быть «железное сердце», то есть – терпеливое. По-моему, я железным обладаю. Набираюсь терпения, чтобы бесстрашно жить и дожить до встречи с тобой – с «золотым сердцем». Путано я тебе пишу, но если вдумаешься – понятно.

Семен тебе посылает привет, часто говорим о тебе и Феде. Надеюсь, что он преодолел «трудный» возраст, и вы с ним живете в дружбе.

Манечка, напиши мне, какие у тебя друзья, чем занят твой день? Просто возьми и опиши один конкретный день твоей жизни. Так, как будто ты дневник пишешь. А может быть, ты уже разучилась писать по-русски?

Не знаю как ты, а я почти разучилась писать стихи. Это от старости. Но твоя старая бабка еще и помолодеет, еще и наберется сил, чтобы приехать к вам. Так хотелось бы с тобой поиграть в дурака и поговорить обо всех жизненных проблемах. Ты такая уже большая, что у тебя и совета можно попросить. А пока посоветуй мне, что надо делать, чтобы не превратиться в шар на двух палочках. Это я так толстею. Очень люблю тебя и скучаю по тебе. Целую 10000000000000 раз. Твоя бабушка. И. Л.

6 сентября 1992 г.

Маничка, мое веселое солнышко! Спасибо тебе за сюжет, рассказ в картинах, я просто наслаждалась, когда дедушка дал мне все рассмотреть. Какая ты умелица и умница!

Моя маленькая! Так я по тебе тоскую. Были бы рядом, я бы тоже танцевала. Мама пишет, что ты любишь и умеешь танцевать, и этим похожа на меня. Мне это очень лестно слышать. Неужели

я когда-нибудь была такой плясуньей и таким талантом, как ты? Даже не верится. Мне и сейчас, когда от вас приходят письма, танцуется мысленно.

Я так рада твоим картинам. В следующую оказию и мне с Семеном пришли, что нарисуется.

А что это у тебя за мольба, о которой я узнала от деда: ты молишь, чтобы у тебя были друзья. Неужели ты ни с кем не дружишь? Тут какая-то ошибка или неувязка. Не могу себе представить, что у такой открытой души как ты не было бы друзей. Правда, ты и – хитрунья. Поэтому, наверное, у тебя такая мольба, чтобы появились друзья получше и чтобы не спугнуть тех, кто есть.

О кошке спрашивать не буду, ты и сама о ней расскажешь. А вот, что тебя наиболее сильно интересует в искусстве и в жизни, я имею в виду – предметы, напиши мне.

Я тебе пишу как взрослой, хотя мама твоя, Федя и ты – для меня всегда – маленькие дети. Вот когда ты сама будешь мамой, ты поймешь, что дети даже взрослые для матери всегда маленькие. Это не значит, что мать, а тем более – бабушка должна с ними сюсюкать. В душе дети – маленькие, а в жизни хорошие матери обращаются с ними на равных. Это вызывает и чувство независимости и чувство благодарности понятливой маме. Поэтому-то вы так с мамой друг друга любите. Я счастлива, что у меня такие прекрасные внуки, с которыми мама (а для меня – дочка) может разговаривать всерьез, а не играть в детский сад.

Маничка, кисанька моя, дай Бог тебе здоровья! Ты, я слышала, и зимой болела бронхитом. Умоляю тебя, береги себя, слушайся родителей. Ведь родители тоже прислушиваются к тебе. Целую тебя 10000000000000 раз. Твоя бабушка.

18.9.1992

Дорогая моя, моя любимая Маничка! С днем рождения! Сегодня я буду весь день думать о тебе и желать тебе здоровья, веселья, учебы без нудьги. Здесь у нас уже лет 60 не учеба, а нудьга. Вот и бабушка твоя все время отлынивала от школы. Сейчас и вовсе стало хуже, можно обо всем говорить, но не можно есть и пить. Так что я и по этой причине рада, что ты в Иерусалиме,

а не в Москве. Хотя я очень тоскую по тебе, по маме, по Феде и Сереже. Подумай только, стихотворец, даже такой незначительный, как я, наговаривает в стихах себе судьбу. Так двадцать лет назад я написала стихотворение, где были такие строки: «Под небо Иерусалима моя устремилась родня». И вот все сбылось на радость вам и мне. А как бы я была счастлива, если бы жила неподалеку от вас! Но жизнь не пускает, 19-го исполнится Семену 81 год, и никуда я не могу от него уехать.

Это мое письмецо приедет вместе с дедом и, значит, опоздает к твоему дню рождения. Но я всей душой сегодня с тобой. Может быть, и ты меня вспомнила сегодня – так упорно я о тебе думаю. Очень хочу, что многие твои мечты и надежды сбылись. Я пишу «многие», потому что все желания ни у одного не сбываются. Радуйся всему, что у тебя идет хорошо.

Моя дорогая, не поленись, ответь мне на письмо. Мне очень хочется знать о тебе самое главное и не самое главное. Все мне интересно, как живешь, о чем думаешь, какие у тебя друзья, какие развлечения, как твоя учеба? Научилась ли ивриту и в какой степени? Пишешь ли дневник? О кошке не спрашиваю, поскольку ты о ней всегда пишешь. Веселись сегодня, моя внученька, пой и танцуй. Поздравь маму и папу, и Федю.

Целую тебя, мое солнышко ∞ раз. Твоя бабушка.

Конец сентября 1992

Милое мое солнышко – Манечка! Ты такое чудное солнышко, что светишь мне даже издалека. А какие картины ты деду подарила! Я так им радовалась, что не смела даже завидовать деду. Думаю, что оказией ты и мне пришлешь один-два шедевра, чтобы могла их повесить, – радоваться, да других радовать.

Вот мама и уезжает завтра, очень мне печально, но я радуюсь, что вы будете счастливы маминому возвращению, и она будет счастлива вернуться к своим детям и к Сереже. Папу твоего поздравляю с прошедшим твоим днем рождения и предстоящим – Фединым*.

Манечка! Какой у тебя нежный голосок по телефону, так приятно мне было тебя услышать! Манечка, когда будет охота и время,

* Федя родился 3 октября.

напиши мне письмо. Твои письма всегда интересные, информативные. Как сейчас поживает твоя кошка? Что вытворяет?

Чем ты сейчас увлечена и как учишься? Мне все важно и интересно!

Много, много раз тебя целую. Твоя бабушка. Привет от Семена! Будь здоровенькой!

1992

Дорогая моя Манечка! Умница моя! Какое чудное письмо ты мне написала!

Какого израильского кота нарисовала у пальмы! У Пушкина кот ученый ходит вокруг дуба, кот на золотой цепи. А у тебя кот вольный возле пальмы: «пойдет направо – речь заводит, налево сказку говорит»*. Кажется, я процитировала правильно. Твой кот в сапогах настолько подвижный, что так и видишь, как он гуляет вокруг пальмы.

Каждая строчка твоего письма информативна и наглядна. Так и вижу тебя, как ты готовишься к празднику Ханука, как гладишь свой наряд. И ясно, раз ты так занята кружками, то Ханука для тебя – не только веселье каникул, но – дело. Это прекрасно. А как замечательно начинается письмо: «Привет бабушка! Я живу хорошо»! Всякую бабушку, даже самую никудышную, обрадует, что внучка не зануда, весела и с юмором.

Вот ты пишешь: «мама учит уроки по ивриту, путая все на свете!» Как много сказано тобой одной этой фразой! Тут и – нежная ирония, и сочувствие мудрое маме, – ведь легче всего всему учиться в детстве. А как выразительно и точно ты шутишь: «Федя выкладывает свои самые «глубокомысленные» шутки»! Так и вижу Федю с его юмором взрослого человека. Да он, и впрямь, уже очень взрослый. Передай ему привет от меня и Семена.

Ходила ли ты в парк по грибы, что это за грибы – нарисуй! Мне приятно ответить тебе, что и у нас у всех веселое настроение, и все смеются. Это тем более точно, чем нелепее жизнь. Как тут не смеяться!

Я здорова, и в глубине души очень грущу, что отказалась к вам поехать. Все боюсь обеспокоить вас собой. Солнышко мое! Я очень

* Идет направо – песнь заводит, / Налево – сказку говорит.

довольна тем, что тебе пришелся по сердцу Михаил Натанович**. Он человек – великолепный. Передавай ему привет от меня и Семена. С его женой я, к сожалению, не знакома. Обнимаю тебя и целую. Привет от Семена. Очень тебя люблю. Твоя бабушка.

Декабрь 1992

Милая моя Маничка, красотка! Хоть ты меня и не удостоила ответом на мое предыдущее письмо, я тебе все равно пишу. Помнится, в прошлом письме к тебе я умилялась нашими с тобой общими чертами характера. А сейчас сильно призадумалась. Если бы именно в твоем и даже более нежном возрасте, я много бы читала, занималась, из меня бы вышел действительно хороший поэт. Теперь, когда я вспоминаю свое тяжелое детство и отрочество, где было много и свободного времени, я ужасаюсь тому, как я мало хотела узнать. Несмотря на голод, я хотела только веселиться. Это мне вышло боком. Я – стихотворец с очень узким кругом знаний, только с большим жизненным опытом. А это очень мало для человека творческого. Сужен круг ассоциаций, а нам, поэтам и художникам, надо прекрасно знать не только библию, а всю историю человечества и искусства.

Я тебе об этом пишу, только потому, что очень тебя люблю. Я понимаю, что никакие примеры из моей жизни, никакие мои просчеты в моем творчестве не убедят тебя и не подвигнут на серьезное к себе отношение в смысле познания мира. И все-таки призадумайся. В твоем возрасте трудно призадуматься о будущих результатах и точных, просто даже невозможно это сделать. Или есть с детства страсть познавать историю и окружающий мир, или – нет, и все тут. Но я твоя бабушка и хочу, чтобы ты хотя бы внимательно прочла это мое письмо, ведь в детстве я была такой врушкой и перебежчицей из школы в школу, что тебе меня в этом смысле не переплюнуть. Но ведь я и росла одна, и не было у меня никого, кто мог меня бы урезонить. Да и вряд ли вышло бы, даже если бы были родители. Но теперь я так жалею, так жалею, что упустила драгоценное время.

** Врач-анестезиолог, который присутствовал при операции С. Липкина. Он и его жена Люся переехали в Израиль.

Ты можешь, пожалуйста, рассердиться на мою лекцию-учительство в письме. Но ответь мне, даже и рассерженно, на то, о чем я тебе пишу. Одного таланта и ума, – а этого у тебя достаточно, – мало, нужны позарез и знания. Я так и вижу, как ты читаешь мое письмо и смеешься: «Ну и бабушка – зануда!» Я сама его пишу и смеюсь над тем же.

Маничка, наступает Новый год. Я тебе желаю в нем здоровья, не болей, старайся не простужаться. А еще желаю много-много счастливых дней и веселья, и прошу прощения, учебы себе даже во благо. Целую тебя, моя красавица, умница и глупница, твоя бабушка! Будь счастлива!

18.3.93

Маничка, моя хорошая, моя милая! Как я счастлива была слышать твой голос по телефону, – какой чудный колокольчик, – он до сих пор звучит у меня в ушах. Такой звон очень многих колокольчиков я слышала только однажды в жизни, когда в Бурятии подъезжала к буддистскому храму. Вокруг него, на его стенах, – очень много маленьких колокольчиков и они звенят от колебанья воздуха, а не то что – от большого ветра. И звон – нежно-волшебный.

Вот и голос твой такой же нежно-волшебный. Деточка моя, как только у тебя будет свободное время, напиши мне письмо. О чем хочешь, и обо всем. Чем живешь. Прости меня, я совсем забыла о своем плохом почерке и пошла строчить тебе письмо мелкими буквами. Как будто ты Леночка, и давно разбираешься в моих каракулях. Да еще – с наклоном. Солнышко мое! Только сейчас прошли морозы, и месяц март начинает течь всем многоснежьем нынешнего года. Снег был такой обильный, что ноги утопали, а машины – тем более. Сейчас бессолнечно, и только одно солнышко чудом мне светит – это ты! Нарисуй мне еще что-нибудь. И если не лень, опиши мне эту зиму в Иерусалиме. Какая она была? Очень надеюсь на встречу в будущем году. Как мне хочется всех вас обнять! А сейчас в письме обнимаю тебя и целую. Твоя любящая бабушка.

18.9.1993

Дорогая моя Манечка, Солнышко мое! Поздравляю тебя с днем рождения! Как хорошо, что твой день рождения почти всегда сов-

падает с Новым годом: Рошошона. Правильно ли я написала? Желаю тебе здоровья, будь умницей и красавицей, слушай маму с папой. В твоем возрасте моя мама жила далеко, папа был на войне, и я была одна-одинешенька. Война началась, когда мне было 13 лет. Как, оставшись одна, я жалела, что годом раньше не хотела слушаться родителей, очень была упряма и своенравна. Я думала: вот были бы мама и папа рядом, я бы ничего не делала такого, что им бы не нравилось, не огорчала бы их, не сидела бы на 300 г хлеба в день, а жила бы как мои подруги. Но сожалеть мне было поздно. Просто я пишу тебе о своем тринадцатилетии. Слава богу, ты, наверное, все-таки на меня не похожа, я была очень непослушная, своенравная и упрямая. До сих пор жалею, что была такой. Маничка, и что это мне взбрело в голову, что ты можешь быть такой же, как была я? Думаю и надеюсь, что это не так. Спала ли с новым годом у вас жара? Что ты делала в такую жару? Наверное, рисовала в доме, или я ошибаюсь? Жить так далеко и не ошибаться, видимо, невозможно. Вот я и думаю о тебе всякие глупости. Не сердись, просто бабкино воображение разыгралось, вспомнила себя в твоем возрасте, испугалась, что ты можешь быть похожа на меня. Маничка, родная, поддерживай сейчас маму, ей должно писаться, а разве мужчины это понимают, как следует? Обычно это понимают дочери. Так что ты помоги ей, пожалуйста, поддержи морально, да и по дому помогай. Вот вместо веселого письма написала тебе целое послание, какой надо быть, а какой не быть. Главное, будь здоровенькой, а твоей маме в 13 лет совсем было нелегко, пусть тебе расскажет. Я хочу, чтобы тебе жилось легко, гармонично с окружающими тебя, чтобы у тебя были хорошие умные друзья. Еще раз поздравляю и желаю тебе всего, чего ты хочешь для себя. Бабушка. Целую 1000000 раз.

1993

Дорогая моя Манечка! Мне Яна по телефону рассказала, какое чудное письмо в рисунках ты мне послала. Большое тебе спасибо. Жду не дождусь Яниного приезда. Очень хочу прочесть рисунки. Ох! Ты меня и балуешь, моя красавица. Так все о тебе говорят: «красавица», а не только мама с папой. А уж мне так хочется тобой полюбоваться, хочу тебя, как кошка, пооблизать, потереться о тебя головой.

Я по тебе как-то по особенному тоскую, если бы говорила не о себе, то сказала бы: «Манькина бабушка как-то очень трогательно тоскует по своей внучке». Жаль, что я тебе отвечаю, не просмотрев твоего письма. Не получается. Яночка приедет, чтоб привезти ваши письма и тут же уехать. Но я тебе следующем письме все напишу, а сейчас заранее радуюсь.

Маничка, ты в этом году особенно душевно поддержи Федю и родителей, ведь им в связи с Фединым решением ехать учиться в другую страну трудно. Да и тебе нелегко знать, что через год Федя поедет, например, во Францию. Но ты мне кажешься человеком очень добрым, сильным и целеустремленным, несмотря на то, что и хнычешь время от времени. На то ты и девочка-красавица. Сфотографируй себя и пришли мне – во весь рост. Я все же не теряю надежды, судьба может по-всякому повернуться, хоть на неделю прилететь, интенсивно наглядеться на тебя, маму, Федю и Сережу.

Напиши про каждую комнату и кто в какой живет. Сделала ли ты для себя тот уют, который тебе нравится? Есть люди, находящие уют в разбросанности. Такая ли ты? Я в детстве и в молодости была такой, а теперь не могу ни строчки написать, если все вещи не на месте. Я себя чувствую сейчас вполне хорошо, Семен – похуже. Он тебе передает огромный привет и очень часто говорит со мной о твоем таланте художника. Целую тебя бесконечное число раз. Твоя бабушка.

1993?

Манечка, милая моя, моя хорошая! В следующий раз не забудь мне послать письмо. Очень тебя прошу. Но я все-таки давно, пусть полминутки, да слышала твой колокольчик – у тебя точно такой голос, как был у твоей мамы в твоем возрасте. Несколько переместился акцент – от среднерусского к ближневосточному. И это очень приятно слышать, моя израильтяночка. Напиши мне, чем более всего любишь заниматься. Вопрос мой не совсем глуп. Я знаю, что твоя страсть – живопись, но я знала, что у Феди интерес к языкам и даже к биологии. И надо же – все изменилось – Федя больше всего любит кино. А что изменилось в твоей жизни, в твоих вкусах? Мне знать это очень важно. Важность этого мне

тебе очень трудно объяснить. Ведь ты мне можешь очень справедливо ответить: «Если тебе так важно не только моя жизнь, а еще и мои вкусы и пристрастия, тогда переезжай в Израиль и живи близко от нас»!

Но, моя внученька, моя любимая, я уже перешла ту грань возраста, за которым можно что-либо изменить. Разве могу я изменить время? Нет, конечно. Вот также мне трудно изменить точку пространства в этом времени. Особенно из-за Семена, который тебе посылает привет. С кем дружишь? Как поживают Миля и Ида*? Как Овсищеры? Передай им привет. А еще привет Лене Кешман**, и Биллу***, и Толе****. И всем своим друзьям передавай привет. Даже кошке, если она понимает иврит. Крепко целую и много раз.

Твоя бабушка.

Конец 1993

Дорогая моя Маничка, кисанька моя! Что же ты мне с Юлей***** и словечка не написала? Я очень огорчилась. Я так всегда радуюсь твоим, пусть самым коротким письмам и рисункам, приложенным к ним! Я огорчилась, но не обиделась, потому что очень тебя люблю. А кто любит, тот и пишет чаще и только надеется на взаимность, но не обижается. Так должно быть во всякой любви. Ну, как например, тебе обижаться на мальчика, если он тебя не любит, а ты его любишь? Даже если когда-то клялся в любви, да вдруг разлюбил, тут делать нечего. Если есть гордость – пережить молчком, поплакав в подушку. А у бабушки не может быть гордости, тем более что ты в любви мне не клялась.

Солнышко мое, ты мне очень смешно нарисовала в том еще письме наш переворот. По-моему, рисунок не только смешной, но и провидческий. Мы так и продолжаем находиться в перевернутом

---

* Брат моего папы с женой, переехавшие в Израиль из Баку в 1991 г.

** Моя близкая подруга еще по Москве.

*** Вильям (Билл) Гросс, знаток и коллекционер иудаики, наш друг в Израиле с первых дней. Он и его жена Лисса встречали нас в Хайфском порту. Семья Гросс опекала нас и наших друзей, прибывших в Израиль. В ноябре 1990-го мама и Семен Израилевич были гостями их дома.

**** Друг нашей семьи инженер Анатолий Гершенович Комиссар.

***** Юля Макарова, дочь моего мужа Сергея.

состоянии. Коммунисты все равно входят в силу пробьются на выборы в парламент.

Красавица моя! Получила от твоего папы или Юли твою фотографию во весь рост. Стоит красиво длинноногая девушка с котенком на руках. Ну как же ты хороша собой, моя внученька. Интересно, что творится с мальчишками, когда они на тебя смотрят? Не падают ли по обе стороны от тебя замертво. Как же мне хочется с тобой хоть один вечерочек провести, налюбоваться. Сейчас фото поставлю под стекло моих полок книжных прямо перед собой. И всегда буду восхищаться твоей красотой. Если твоя душа так же прекрасна (а я на это очень надеюсь), то какое ты у меня чудо. Малышка моя любимая, как же ты стройна, высока и красива!

Мне Галина Бови*, ты с мамой у нее была в Швейцарии, говорит, что твои жесты – чистая Инна Львовна в манере говорить и жестикулировать. Но, думаю, и носом ты в меня и длинноногостью. Я невысокого роста, чуть выше мамы, но ноги у меня для моего роста очень длинные. Однако и у Яны ноги длинные, а Юлю я видела только маленькой девочкой.

Я так потрясена твоей фотографией, что ничего не помню уже из того, что собиралась тебе написать. Письмо я начала писать до прихода Яны. Потом мы с ней прекрасно съездили за маминым гонораром. Яна меня проводила домой, мы попили кофе с пряниками, покурили, поговорили о тебе. Она мне твою фотку передала в метро, вагоне. Я так вслух ахнула восхищенно, что на меня уставились сидящие напротив. Вообще день удался на славу, после почти четырехлетнего сидения в одном помещении я с Яной очень даже спокойно ехала в метро и спокойно переходила дорогу, чему не могу нарадоваться. Помнишь, как мне было все это трудно даже у вас – только машиной мне нужно было. А тут я оказалась молодцом. Солнышко мое, при такой красоте ты должна быть внимательной дочкой, помогай родителям. Они у тебя такие прекрасные. Целую тебя 100000000000000 раз. Твоя бабушка.

* Галина Бови-Кизилова, сочинительница и исполнительница песен на стихи любимых ею поэтов, мамины стихи занимают в ее репертуаре центральное место.

17.2.1994

Манечка, красавица моя! Поздравляю тебя как главного художника школьной газеты. Спасибо за рисунок. Я, Семен, Яна и дед тебя крепко целуем. Я еще раз дополнительно. Спешу. Вот уже позвонили по домофону, бегу открывать дверь. Скоро напишу подробное письмо. Будь здоровенькая моя хорошая, добрая Манечка! Твоя бабушка.

17.9.1994

Дорогая Маничка! Красавица! Поздравляю тебя с днем рождения. Желаю здоровья, счастья, успехов – на всех фронтах, в особенности – на учебных. На остальных фронтах ты вполне преуспеваешь. Прости, нет никакого подарочка у меня для тебя. А пишу я накануне твоего дня рождения. Очень стыдно мне, что нечего тебе послать. Жаль, что мы так с тобой и не поговорили в Москве или Переделкине. Я не привыкла навязываться, даже собственной внучке. Жаль мне сейчас, что у нас не вышло контакта. А потом, спустя время, и тебе будет жаль того же самого.

А пока будь счастлива. Надеюсь, что – твой праздник удастся на славу. Поцелуй папу и Федю и поздравь их от моего имени с твоим днем. Целую тебя. Твоя бабушка.

1995

Маничка, милая моя! Хоть ты мне ни гу-гу, я не писать тебе не могу! Я-то знаю, чувствую, что ты добрая девочка! Напиши мне. Только не ври. Врать я и сама умею прекрасно. Для меня всякие врушки – детские игрушки. Так было, так и осталось с детства моего. Я себе пытаюсь представить, как это ты грациозно несешь поднос, но вот как ты, например, учишься, трудно себе представляю. То, что ты модница – это я видела. Видела и то, что ты, если задумаешься, всегда принимаешь правильные решения, но не без придури. Это уж точно. Не вызывает ли твоя дурь семейных бурь? Почему-то, когда я тебе начала писать, мне захотелось рифмовать. Может быть, ты сегодня написала в свой дневник какое-нибудь стихотворение? В твоем уже солидном возрасте люди очень быстро растут. Не успеешь оглянуться, а вчерашнее дитя вырастает не шутя. Вот и опять рифма, хоть и слабая. Не знаю, как у тебя,

но у меня в твои годы уже образовался образ идеального человека. Может быть – супермена. Но я до такого человека не только не доросла, а даже не достарела. А пора бы хоть достареть. Если у тебя есть идеал человека, то попробуй мне описать такового. Мне очень интересно сравнить, совпадает ли этот образ с тем, что я себе нарисовала 50-52 года тому назад. Это чисто психологический тест на два поколения вперед. Точно знаю, чего у меня не было, и быть тогда не могло в мыслях: это – богатства. Я никогда в своих юношеских мыслях не рисовала «богатый» идеал. Но не буду морочить тебе голову. Если можешь и хочешь, ответь на мой вопрос. А тебе в ответ честно без завирания напишу, каким мне представлялся «идеальный» человек, если ты принимаешь мою игру.

Маничка, я знаю, как ты не любишь слышать что-нибудь невеселое, поэтому не пишу, как я болела с 20-х чисел октября. Мне с тобой хорошо бы наладить письменный контакт, поскольку очень хочется знать о тебе именно от тебя. Будь здоровенькая и счастливая в Новом году, моя брыкливая внученька. Желаю тебе и красоты, но, по-моему, дальше некуда, так ты красива. Целую тебя. Твоя не молодящаяся, но веселящаяся бабушка.

Храни тебя Бог!

(1995, без даты)

Дорогая моя Маничка! Спасибо тебе за коротенькое, но очень душевное письмецо. Ты просишь писать тебе, что я делаю с радостью. Думаю, что при встрече у нас будет теперь о чем поговорить. Ты, я чувствую, стала взрослым человеком, независимым, но сердечным. Видимо, у тебя появились сердечные дела. Если это так, то напиши, кто твой френд. Как проводишь время. Мама о тебе пишет мне с большой любовью. Описывала, как вы с ней кутили в кафе. И о том, как вы хорошо понимаете друг друга. Пора! Сейчас вы без Феди и папы. Наверное, ты очень помогаешь маме справляться с ее проблемами – ведь столько работы у нее! Да и ты – не бездельница! В чем состоит твоя работа в гостинице. Там бар?

Я очень нецивилизованная, отсталая и глупая старуха. Но хочется совать нос в ваши с мамой дела. Опиши мне, где и чем ты занята. Как закончился учебный год, я тебя не спрашиваю, помня себя в твоем возрасте. У меня бывало по-всякому: и хорошо и плохо. Не была

дисциплинированной твоя бабушка. Да и откуда было мне быть аккуратной отличницей? Ведь уже с 13 лет я сама себе зарабатывала на хлеб, жила, в сущности, без семьи. А шла война. И я так рада, что у моей внучки, слава богу, есть и мама и папа. И какая-никакая – голова на плечах. Не знаю, что внутри, но с виду голова – красивая.

Семен тебе шлет привет и поцелуй. Может быть, весной мы с Семеном приедем в Иерусалим, если будем живы-здоровы. Не хотим жить у вас – и без нас хватает, снимем комнату где-нибудь на месяцок неподалеку от вас, чтобы чаще видеться. Возможно, Семена кто-нибудь пригласит, об этом надо подумать – он у нас как-никак еврей полный, да еще лауреат Пушкинской международной премии. Израиль им может гордиться – это я не всерьез, а для смеху. Израилю сейчас не до поэтов, арабов хватает. Короче, если к весне хоть что-нибудь останется от премии, мы задумали поехать в Иерусалим. Очень без вас тоскливо. Но веселость сохраняем, иначе нельзя. Где, интересно знать, сейчас путешествует Федя? Я и радуюсь за него и беспокоюсь. Так же – за тебя и за маму. Папа твой, как я понимаю, уже во Франции*. Как он там? Пиши мне, моя кисанька, о себе и обо всем, что тебя интересует. Целую тебя, моя красавица. Твоя бабушка – нескладушка.

15.3.1996

Милая моя Маничка! Что это у тебя с железками? Деточка моя, следи за собой. Очень тебя прошу. Может быть, ты их перенапрягла (железы), занимаясь усовершенствованием мышц? Я всегда о тебе думаю, очень тебя, особенно за последнюю с тобой встречу, полюбила. Жалко только, что в тебя из меня переселилась строптивость и сверхнезависимость. Чертова летающая свинья, надо было бы передавать внучке в наследство только красоту рук, а не некоторые черты характера.

Если у тебя найдется время и охота, черкни мне несколько слов о себе. Если Федя, и в самом деле, дома, то передай ему от меня привет и чмокни его за меня. Но чмокать, я заметила, ты не любишь. Ты иначе, по-своему, выражаешь сестринскую любовь. Так что, как сможешь, так и за меня вырази. Я знаю, что

* Сережа работал переводчиком во французской фирме, два раза в год по нескольку месяцев пребывал в Антибе, неподалеку от Ниццы.

ты очень помогала маме и папе в последний месяц. Ты вообще – молодец. Целую тебя, нюхаю шею, железочку, пусть скорее выздоравливает. Твоя летающая свинья – бабушка.

7.4.1999

Привет тебе, моя внученька! Манька, ты зря на меня обиделась*! Это не тебе не оказалось места в зале, а мне молодой. Ведь если вспомнить себя в детстве и в ранней молодости, то я абсолютная копия тебя. И каково бы мне было бы, помимо того, что действительно, списки уже были посланы в типографию, стоять на трибуне и знать, что в зале – моя непредсказуемая копия юных лет. Жаль, что, когда я была у вас в гостях, ты не могла мне уделять время, – занята бывала. Может быть, я бы легче освоилась. Но что прошло, то прошло. А я радуюсь, что тебе неплохо живется, что ты по уши влюблена и много рисуешь. Хорошо бы познакомиться с твоими рисунками и предметом твоей любви. Маничка, спасибо, что ты меня поздравила. Я хоть в молодости и твоя копия, но с гораздо худшими дополнительными чертами. Я бы жутко обиделась и уж никакого письма такой бабушке не послала бы. А ты очень хорошая Манюня. Мама должна тебе от меня кое-какой подарок передать по своему усмотрению. Поскольку она не спешит, я думаю, что слишком гоняешь на мотоцикле. Или еще что-нибудь в этом роде откалываешь. Может, все-таки ты не чересчур моя копия и маму свою не огорчаешь, как это делала я? Леночка прислала мне гениальное начало новой своей вещи, я горжусь своей дочерью и тебе советую гордиться своей мамой. А если что не так, – простим ей за ее дар Божий. Привет кошке. Я мечтаю осенью до вас долететь и получше узнать собственную внучку, чтобы не путать ее с собой, давно прошедшей. Привет тебе от Семена, целую, твоя пугливая бабушка.

Публикация Елены Макаровой

Тексты писем публикуются в авторской орфографии

* Мама получала Государственную премию, но именно в этот день я не могла быть в Москве, предложила вместо себя Маню. Но мама не согласилась.

Александр Гринберг

Рассказы

В этом году вышла в Одессе книга Александра Гринберга «Жизненные истории Александра Розеншнауцера». Наш альманах писал об этой книге в прошлом номере. И тогда же я выразил сожаление, что при жизни мы не встретились, что не публиковали его смешные, нелепые, трагические истории.

Оказалось, что в книгу вошли далеко не все рассказы автора. И один из составителей книги Майя Димерли прислала нам еще пять очень коротких жизненных историй Александра Гринберга.

Е. Г.

Ванькино счастье

Ванька проснулся за рулем Кормилицы с рассветом. Он любил рассветы в поле, запахи поля и острый сивушный запах Кормилицы. Если в бак ей добавлять еще по пару капель сладенького, того, что в бакалее после работы продают, то Кормилица пашет как зверь!

Больше десяти лет как Ванька счастливо устроился в монополию.

Кормилицу немцы к нам еще осенью заслали, не знали, дурные, что осенью-то у нас уже снег, так Ванька ее в заснеженном поле под сугробами по запаху нашел! Он ее и в стойло домой уводил, и сена с соломкой подбрасывал, чтоб все положенное Кормилица ему дома выдавала, а она, дурра, каждый раз отвязывалась и в поле убегала – косить ей, видите ли, не терпелось! А какая же косовица-то зимой?!

Вот приезжий немец удивлялся, как это Ванька так быстро освоился с норовистой Кормилицей, и как может он так хорошо работать, будучи всегда смертельно пьяным?

Ваньку тоже много чего удивляет! Например, почему он убирает здесь у себя на поле, а пшеница прямиком в Германии появляется? И куда солома девается, и на чем это Кормилица работает, если он половину сивухи лично из бака выдувает!

Домой Ванька и не ходит. Всю страду здесь проводит, возле Кормилицы. Смешно как-то смотреть на сельчан, приезжающих каждое утро с тяпками из новых городских квартир и жопами вперед слезающих с грузовика. Чего мотаться, спрашивается, чего надо было землю продавать? И в город чего было переезжать, где работы нету?!

Вот ведь где самое счастье – здесь оно!

Вова Дурак

Вова Дурак, несмотря на свое погоняло, дураком, конечно же, не был. Был он «законным», правильным бандитом и, как сам говорил, «сидел дольше, чем жил»!

Стоило только взглянуть на его лицо с изувеченными базедовой болезнью глазами и вставленными на зоне стальными фиксами.

При этом Вова был очень добрым и справедливым человеком и полным бессребреником.

Рано утром в воскресенье я выскальзывал из дому с сэкономленной из семейного бюджета пятеркой. Вова уже шел ко мне навстречу, жутко улыбаясь своими зубами, пританцовывая и напевая: «Поделись улыбкою своей!..».

Заныканная пятерка делилась на два пластмассовых стаканчика водки и одну конфету «Ромашка», которую Вова железным ногтем честно разрезал пополам. С этого стаканчика он буквально улетал, и тут стоило его послушать.

«Учти, – говорил он, – ты мой лучший друг, делишься последним и никому ничего не должен, да и нет у тебя нихера!»

Усвоив эту аксиому, я и по ночам чувствовал себя в нашем районе совершенно спокойно. Отработав в молочке вечернее молоко, я ранним утром уходил через центр домой.

Напротив ресторана «Киев» меня встречала огромная черная птица, вроде как ворон, но уж чересчур большая! Птица громоподобно лаяла на меня, аж гудел весь сквер, а когда я уходил, еще и громко мяукала вслед.

И никогда не каркала!

Как-то птицы на месте не было, и в кармане у меня была сумасшедшая недельная зарплата в 150 рублей, а навстречу мне вышли трое – два больших и третий маленький, толстый.

– Надо бы поделиться! – сказал маленький.

– Ребята, но я уже и так делюсь с Вовой Дураком!

Маленький аж подпрыгнул от злости:

– Ну зачем, – простонал он, – зачем ты выбрал этого идиота? Мог бы иметь дело с приличными людьми! А сколько даешь?

– Ровно столько, сколько просит! – честно, как на духу, сказал я.

– По понятиям, – резюмировал маленький. – И все пропиваете, конечно, – с укором сказал он. – Ну да ладно, свободен! Иди, пей дальше!

В воскресенье утром я, конечно же, наябедничал Вове.

– Пончик, – сказал Вова, – старших не очень уважает, но понятия блюдет! Слушай, я тебя не сильно напрягу, если мы трахнем еще и ту пятерку, которая у тебя на хлеб?

Девона Багрицкий

Девона Багрицкий!

Девона – вообще-то, это значит «одержимый демонами», но в суфизме это очень добродушный, любящий людей шейх, помогающий молодым парам заводить красивых и умных детей!

Я, вообще-то, профессиональный Дед Мороз! Благодаря моим размерам и толщине я с детского сада был неизменным Дедом Морозом во всех группах, а потом уже в школе на всех утренниках, включая и старшеклассников.

Работать с большой аудиторией легко – надо выбрать самую маленькую и самую красивую девочку, а уж в чем в чем, а в женской красоте я понимал с детских лет, и работал только для нее! Вот если она довольна – то все получается!

Но вот к концу десятого класса занесло меня в школе на литературный вечер. И поскольку все там что-то нудно и заунывно читали, то я им дал! Для начала нашел маленькую, конечно же, самую красивую и самую большеглазую девочку! Вышел на сцену нашего актового зала (сейчас суки там уже магазин построили!). Присел почему-то, сжал руки в кулаки и как размахался:

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»
Чтоб звезды обрызгали
Груду наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы…
Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

Чего только руками махал? Может, метель изображал, как у Деда Мороза, но вижу, ей понравилось!

Но каков Багрицкий! Кто ж знал, что это суфийская мантра, и ровно через три года и три месяца держал я уже на руках очаровательный конвертик со своей горячо любимой, самой умной и самой красивой дочерью!

Камамбер

Первый камамбер я сделал – и испугался, такой у него был острый запах и необычный вкус. Наварив два килограмма (!), я вынес все потихоньку на мусорник. Около контейнеров стоял бомж.

– Брат, – говорю я ему, – я тут какую-то херню наварил, попробуй, может, тебе это будет съедобно.

Он поддел мое варево грязным пальцем, облизал его, а потом, довольно хмыкнув, сказал:

– Знаю, такая штука называется камамбером. Я такое ел в Марселе, – потом посмотрел на меня внимательно и добавил: – это во Франции!

Он задержался на полгода из-за ремонта судна в Марселе. Еле-еле вернулся домой без зарплаты. Жена за это время вышла замуж и выселила его. Он потерял визу и за мгновение стал бомжом.

Я периодически выношу ему скисшее в магазине молоко. Камамбер, правда, с его легкой руки уходит полностью.

Третий продотряд

Урожай у нас в этом году был хороший. Областные сразу все прокикали, как мы их ни пытались дурить! Понятно нам было, что продотряд пришлют. В городах-то голодно, особенно в центре, – война! Но и нам свое отдавать не шибко охота!

Продотряды у них сейчас, по военному времени, слабенькие. Двоих таких мы уже приняли! И к сегодняшнему подготовились! Над правлением прошлогодний кумач натянули. В прошлом-то году все сдали, еле-еле семенной фонд себе выцарапали, чуть с голоду не повыздыхали! Ну, теперь вроде как поумнели!

Договорились с Петровичем – ему передние подводы, мне задняя. А у меня на задней, как назло, комсомолочка сидит! Хорошенькая такая! Кожанка, косыночка красная, ножками беленькими болтает – хучь себе на ночь оставляй! Но дело есть дело! Как заговорил у Петровича трофейный максим, так я и шлепнул свою комсомолочку – неудавшуюся свою любовь!

А дальше дело простое! Лошадей разогнали по дворам, телеги туда же. А продотрядников закопали глубоко и известью присыпали!

Область спрашивала потом: «Чо это к вам уже третий продотряд не доходит? Хоть не посылай больше!».

Вот и не посылайте!

Сокровища из сокровищницы

332 Татьяна Щурова
«Минет ли прошлое, сбудутся ль чаянья…»

Татьяна Щурова

«Минет ли прошлое, сбудутся ль чаянья…»

Многие годы в отделе искусств Одесской национальной научной библиотеки собирается досье по истории Одесской киностудии – газетные вырезки, буклеты, пригласительные билеты и т. д. Все теплится надежда, что у исследователей дойдут руки до фундаментального труда по этой теме. Мы сможем предложить также немало книг, изданных несколько десятилетий назад и сравнительно недавно, которые могут составить своеобразную мозаику, дающую представление о разных периодах существования в Одессе этого удивительного вида искусства, которое ведет свою историю с 1907 года (110 лет нынче!), когда фотограф Мирон Гроссман создал частное киноателье «Мирограф».

Следует заметить, что постепенно возвращается интерес к личности и судьбе выдающегося механика Императорского Новороссийского университета Иосифа Тимченко, автора множества уникальных прибо-

ров и механизмов, изобретшего первый в мире прототип кинематографа. Вместе с изобретателем Михаилом Фрейденбергом они сконструировали летом 1893 г. «скачковый червячный механизм для прерывистого передвижения изображений на экран». Аппарат этот Тимченко продемонстрировал в январе 1894 г. в Москве на IX съезде российских естествоиспытателей и врачей. То есть он, оказывается, опередил Эдисона и Люмьеров. Об этом упоминал в своей «Истории киноискусства» польский киновед Ежи Теплиц в 60-е годы; есть аналогичные сведения в книге очерков Георгия Островского «Одесса, море, кино» (О., 1989). Однако имя Иосифа Андреевича Тимченко потом было прочно забыто, его кинетоскоп, увы, не сохранился.

Но, видимо, справедливость все-таки существует. В 1997 году во Львове вышла повесть журналиста и киносценариста Юрия Чернявского «Стук выходящего». Автор в начале 1960-х гг. работал на Одесской студии телевидения редактором молодежных передач (вел цикл «Музей знаменитых одесситов»). Чернявскому удалось в то время узнать много интересного из жизни Тимченко и Фрейденберга, познакомиться с Натальей Иосифовной Тимченко (дочерью изобретателя). К сожалению, написанный сценарий фильмом не стал, и лишь спустя годы появилась повесть… Настоящим подарком для исследователей можно считать книгу Владимира Миславского «Механик-изобретатель Иосиф Тимченко в документах и воспоминаниях» (Х., 2012), в которой помимо тщательного изложения фактов – прекрасный иллюстративный материал. В 2014 году одесское издательство «Optimum» выпустило книгу Алекса Рапопорта «Всем известно, что кино в Одессе было рождено». Все эти книги дополняют одна другую, и перед нами предстает непростая судьба талантливого

крестьянского сына, не получившего должного образования (лишь три года церковно-приходского училища). Но он добился штатской должности университетского механика. За сорок лет сконструировал десятки уникальных приборов и механизмов, стал обладателем восьми золотых и серебряных медалей, полученных на отечественных и международных выставках, в том числе и в Париже. Изобретение кино стало просто эпизодом в жизни Тимченко. Запастись патентом не позволило отсутствие средств, да и в России открытие не сочли перспективным…

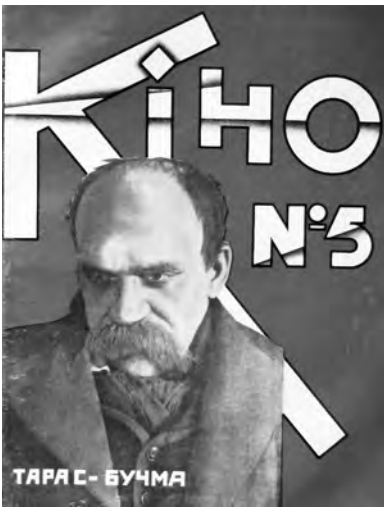
Весной 2017 года исполнилось 95 лет со дня образования ВУФКУ – Всеукраинского фотокиноуправления. Эта государственная кинема-

тографическая организация просуществовала недолго, с 1922 по 1930 годы, но сумела объединить всю отрасль – киностудии, кинопрокат, кинопромышленность, кинообразование. Причем Одесская кинофабрика почти шесть лет была единственной в советской Украине. На западный манер здесь возводился киногородок, высаживались деревья, закупалось зарубежное оборудование. Таким образом, Одесская кинофабрика получила возможность обеспечить экраны внутри страны и за ее пределами фильмами отечественного производства. Для тех, кто захочет серьезно заняться историей этого периода кино, можно посоветовать книгу харьковского киноведа, историка кино Владимира Миславского «Становлення кіногалузі в Україні 1922-1930 років: протиріччя часу і розмаїтність тенденцій» (Х., 2016). Автору удалось на материале прессы 1920-х – начала 1930-х гг. дать анализ важнейших задач ВУФКУ, например формирование нормативно-правовой базы, кадровой политики, экспортно-импортной деятельности. Государство в то время четко понимало, что кино становится мощным орудием воздействия на массы, объединяет в себе «театр, школу и газету».

Режиссер П. Чардынин. Шарж

А этим летом во время книжного фестиваля «Зеленая волна» повезло пополнить фонды ОННБ отличным фотоальбомом «Український кіноплакат 1920-х років. ВУФКУ» (К., 2015), подготовленный Национальным центром Александра Довженко. В нем использованы коллекции Книжной палаты Украины имени Ивана Федорова, архивы Украины и России, Австрийского музея кино, личных коллекций и др.

Знакомясь с историей кино в Одессе, не обойтись без справочных изданий. Это книга Светланы Зинич и Нонны Капельгородской «Знято в Одесі» (О., 1969) и «Анотований каталог фільмів… 1917-2004 рр.», составленный Вадимом Костроменко и Евгенией Рудых. По этим источникам понятно, насколько насыщенной была творческая жизнь Одесской кинофабрики в 20-е годы. Здесь начинали работать режиссеры Лесь Курбас, Иван Кавалеридзе, Александр Довженко, Марко Терещенко, снимались фильмы по сценариям Исаака Бабеля, Владимира Маяковского, Мыколы Бажана, работали замечательные актеры – чего стоят только роли Амвросия Бучмы! В те годы закладывались прочные традиции, появились фильмы, которые не только украсили летопись кино, но и стали мировой классикой.

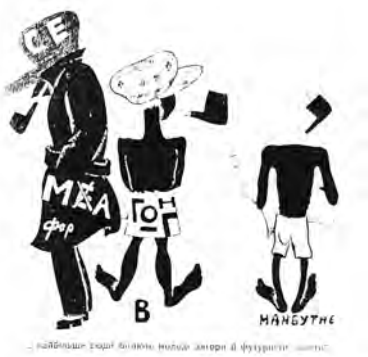


Одесса оставила заметный след в истории немого кино. На страницах альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» мы не раз отмечали, в частности, фильмы Петра Чардынина, режиссера, умевшего «подать» актера. В его лентах Вера Холодная, Осип Рунич, Владимир Максимов становились кумирами публики. Снова вспомним имя Владимира Наумовича Миславского, который не так давно издал книгу «Одесса… Немое кино, 1897-1930» (Х., 2015). Это фильмо-биографический справочник (тираж всего 50 экземпляров). По сути, он представляет собой энциклопедию одесского немого кино. Дается подробная информация об игровых фильмах, кинохронике, анимациях. Даты, факты, биографические справки, сведения о кинотеатрах и кинопрокатных организациях, дана также библиография.

Напоследок хочется угостить вас редкой публикацией из журнала «Кіно» (Х., 1926, № 6-7). Это очерк Юрия Яновского «Hollywood в Одесі». Он во времена ВУФКУ работал редактором на Одесской кинофабрике, имел возможность наблюдать за кинопроцессом и сумел занимательно, с доброй иронией рассказать своим современникам о «кинокухне». Оказалось, что нам это тоже очень интересно.

Hollywood в Одесі

У столовці кіно-фабрики завжди б'ються істерично двері, а за столовкою обривається червона земля – і на це місце стають, коли хочуть понюхати морської меланхолії. Найбільше сюди бігають молоді автори і футуристи-поети, стають і, задумливо попихуючи люлькою, спостерігають далекі і таємні кораблі, що мають вивезти їх на тропіки. Далеко внизу шавкає об пісок,



налітаючи, море і утворює свист і морський шум на березі та в повітрі. Під знаком цих романтичних шумів проходить і робота в Одеськім «Голлівуді».

Одесити – народ гарячий і симпатичний. Найбільш за все вони кохають Одесу і найбільш за все – чекають дня, коли вона стане «вільним гòродом». Всі славетні люди з історії й географії, як відомо, були одесітами – це першого-ж дня скаже Одеса, запевняючи вас, що Чарлі Чаплін народився на одеській Молдаванці – від веселого «грузчика Каплан». Той-же Чарлі – «в дні своєї юности» бігав босоніж на березі під кіно-фабрикою і, кидаючи в Чорне море камінці, згорав на одеському сонці. Ніхто навіть не подумав накрутити з нього кількох паршивих метрів фільму – цього босого, й замурзаного хлопця, в якому текла талановита кров грузчика Каплана.

Коли ви довірливо слухатимете, не перериваючи ні разу промовця, – ще й не те почуєте. Вам доводитимуть, що Дуглас Фербенкс є незаконний син «тітки Рухлі» з пристані. Вона ще була тоді молодою і вродливою юнкою з очима «як море», зтомилася після довгого робочого дня, таскаючи цукор на широкій спині, – і лягла спати на теплому камені одеської ночи.

Цим скористався молодий мрійник з американського корабля «White House» і засліпив соромливу дівчину золотом та подарунками. До самого ранку умовляв він її сотнею різних мов серед пор-

тових запахів. Камінь кришився, розпадаючись на порох, від жаркої промови моряка.

А на ранок молода Рухля крізь сльози дивилась на «White House», – як увозив він частину її серця і папу її майбутнього синка – Дугласа.

Багато ще де-чого почуєте ви від одесита, коли він заб'є вашу молодість феєрверком сенсацій. А коли ви людина бувала і обіллєте його вогонь водою вашого скепсису та скажете, що Одеса «так собі» – він огляне вас призирливо і викине свого останнього козиря:

– Так собі! А море? Країна веселого народа – це Одеса. На широких вулицях її росте ніби трава, бо кожний одесит не ходить ніколи просто, а все наче обминає якусь травинку. П'яні там – перші лицарі «Веселого Ордену». Вони ходять на тротуарах сотнями – витончені, чемні й граціозні, і своєю вдачею можуть звести з розуму навіть не одесіта.

Там тридцять три адміністратори тридцяти трьох кіноекспедицій що-літа кінофікують місто. Ви можете тепер серед білого дня підійти до кожного одесита – хай на ньому буде каракуль і котік – і запропонувати йому участь у фільмові. Вас не пошлють до чорта і не покличуть міліціонера, а, ввічливо усміхнувшися, питатимуть за ціну. Там, кажуть, одного прекрасного літнього дня після-обіда, коли агенти різних компаній вийшли приймати з пароплавів банани й корицю, – не знайшлося в гавані й одного грузчика – вони грали десь для фільма красиво й шумно.

Але це все – як фон. Він віситиме над нами весь час – цей незвичайний килим одеських звичаїв. Темна

південна ніч покриє нас своєю яткою, на чорному небі стоятимуть завжди кілька ясних зорь, наче кинув хтось у небо якор – одеський герб. Тихий свист, шум, гуркотіння трамваїв – це все стихатиме в місті, залишатиметься позаду і не перейде паркана кіно-фабрики.

Ніч. Два павільони стоять і світяться з середини, наче це хтось поставив вершки маяків на землю. Десятки прожекторів повертаються в павільонах, і ворушиться там клубок великого світла.

Знимають «Франкфурт на Майні». (На фабриці кожну назву перекручують по своєму: там є ще – «Синій кампот», «Підозріле барахло», «В пазурах операторів», «Той, хто одержуй ляпаси», «К.П.П.» – «Коли пити перестануть?» і инше).

Кафе німецького портового міста виграє вогнями й огниками. Гример пудрить підряд носи всім присутнім. Оператор свариться з освітлювачем, вимагаючи додаткових «павуків» і наказує «Мар'ю Іванівну» повернути ще більше. Адміністратор сидить на кріслі і до нього бігають, і від нього тікають помрежі й реквізитори.

Адміністратор заряжає принесений револьвер і намагається вистрілити: п'ять осічок підряд. Лайка з реквізітором, а в цей час револьвер стріляє випадково і забирає на себе добру половину лайки. Актори і статисти соромливо топчуться вкупі коло дверей – вони з жахом і завмиранням серця дивляться на страшні очі «юпітерів» та «вайнертів».

Режисер – цей маг ставлення фільмів – замислився вище міри. У нього саме родяться геніяльні ідеї. Він сидить на самому версі драбини посередині павільону і, затуливши рукою рота, мрійливо кудись дивиться. Може він відшукує крізь шкляний дах павільона синє небо і ту нещасливу зірку, під якою він родився. Через це режисер не звертає ні на що уваги, і лише похитується разом з драбиною, коли хтось, пробігаючи, зачепить її плечем.

Але все ось готове. Режисера заганяють наниз реквізитною пляшкою і повертають до сучасности. Акторів поставлено на місця. Гремить режисерський тенор і кліпають очима «павуки», шиплять, белькочуть щось невідоме і риплять – наче хтось пальцем по шклу. Репетиція!

Оператор висловлює початок свого обурення. Режисер одривається від репетиції і щось хоче пояснити операторові. Останній

не слухає: «крупних планів» з цієї точки не вийде, його художній смак та довга практика протестують, він підвищує голос.

В цей час загорається все світло. Режисер і оператор стрепенулися, як коні від бойового сигналу. Оператор викидає рештки аргументації:

– Що я вам – крутильщик?! Я художник!

Але це все для очистки совісти. Оператор і сам не вірить тому, що сказав. Крутить.

Тепер перейдімо двір – не впадіть, глядіть, через дроти електричної проводки – підемо до другого павільона, де знимають «Підозріле барахло». Ніч темна після прожекторів, як смола. Вітер. На обличчя вам сяде дві крихти соли з моря. Заходимо.

Неймовірне світло засліпить очі. Коли ви станете в темний куток і насунете на очі кашкета, вам пощастить роздивитися павільон. Віл порожній, як душа скептика. Велика кімната – казарма – всю стелю вкрито сонцями «павуків», великих і малих, на середині кімнати одинокий стіл і за столом одинока істота – машиністка. Вона нагадує мученицю на пекельній сковороді, і сльози закривають їй очі.

Режисер нервово бігає з кутка в куток. Помреж із рупором – за ним слідом. Адміністратор умовляє освітлювача не хвилюватися з того, що кінчаються вуглі в лампах. Найнапружене чекання. Де-ж, однак, оператор?

Цей спокійний чолов'яга нахилив свій апарат над головою машиністки і ось уже п'ятнадцять хвилин розглядає її крізь апарат, наче ботанік якусь мікроскопичну рослину.

Режисер не витримує – він посилає помрежа до оператора. Помреж, зрадівши, що знайдеться діло для його рупора, підходить на два кроки до оператора і в рупор передає останньому волю хазяїна з'йомки.

З-за купи дерев'яних колон приходить німець-архитект. На цього режисер сипле своє незадоволення з декорацій. Флегматичний німець одразу не розуміє, чого від нього хотять. А потім, загорівшися, викрикує:

– Що я вам – халтурщик?! Ich bin Künstler! (Я – художник).

Вийдімо знову на свіже повітря. Вони зараз помиряться – це їхня розвага, бо так впливає одеське повітря. Робота йтиме далі, аж до глибокої ночи.

Ось ми вийшли. Вам не здається, що море гладить вашу щоку лайковою рукавичкою? Одеська ніч висить, і на небі якор – одеський герб. Море внизу плеще. Найбільше сюди бігають молоді автори та футуристи-поети, і спостерігають далекі кораблі, що мають повезти їх на тропіки.

Юр. Юрченко

Путешествие

343 **Феликс Кохрихт**
Греческие календы на Олимпийской Ривьере

Феликс Кохрихт

Греческие календы на Олимпийской Ривьере

У древних – эллинов и римлян – под календами подразумевалось неопределенное время, когда, образно говоря, «все сбудется». И отпуск – тоже.

В минувшем июле мы наконец убедились, что он все же состоится. Местом его проведения стала Олимпийская Ривьера – регион Пиерия, расположенный в Греческой Македонии. Если стать спиной к Салоникам, то не справа, а слева – полуостров Халкидики. Наш выбор объяснялся тем, что отсюда ближе всего к Метеорам, а Олимп – в поле видимости.

Зевс, восседающий на Олимпе

Олимп подо мною!

Разумеется, мы не воспарили над обителью богов подобно летунам Дедалу и Икару, не взяли высоту одним скоком крылатого коня, которого оседлал Персей… Тем не менее легендарная гора была под нами, но вот какая из гряды, понять было трудно. Однако путеводитель твердил, что Олимп – внизу, в просветах туч, а чуть позднее это на английском и греческом

подтвердил командир воздушного корабля, совершающего рейс Одесса – Салоники.

Перефразированные слова Лермонтова, вынесенные в заголовок этой главки, не только свидетельствуют об эрудиции автора, но и в какой-то мере передают силу и глубину нахлынувших на него чувств. Мог ли подумать я, простой одесский мальчик, что сюжет из любимой книги детства – «Мифы Эллады» – предстанет передо мной не как поэтический образ, а как геофизический объект, имеющий точные координаты, высоту и другие характеристики при обмере и, вероятно, взвешивании.

Олимп – самая высокая гора Греции (2817 метров) – расположен в 20 километрах от побережья Эгейского моря на границе Греческой Македонии и Фессалии в номе (области) Пиерия, куда мы и направлялись.

У стен крепости, сооруженной крестоносцами

Мои размышления прервала яркая вспышка над горной грядой, из которой образовался зигзаг молнии: Зевс-Громовержец свидетельствовал свое присутствие и дурное настроение. В иллюминаторы (снаружи!) хлынули потоки воды, сполохи заметались по небу… Редкая для лета в этих местах гроза стала то ли салютом, то ли предостережением владыки Олимпа…

Буря с ливнем бушевала все время, которое ушло на трансфер из аэропорта в отель, стоящий на берегу моря, что роднило его с кораблем, попавшим в шторм, – волны разбивались о невысокий забор, и шум их был слышен в нашей комнате…

Так продолжалось два дня, во время которых мы вовсе не печалились о потерянных пляжных удовольствиях, а с восхищением и трепетом наслаждались грандиозной картиной бушующего древнего Эгейского моря, в котором куролесил бог Посейдон, и слушали голоса сменявших друг друга ветров с моря и гор – подданных бога Эола.

Не иначе как сам Зевс послал их, дабы показать, кто здесь хозяин.

А наутро третьего дня я, не спавший всю ночь, вышел рано на берег с фотоаппаратом и стал невольным свидетелем таинства пробуждения в успокоившемся море прелестной сестры грозных и амбициозных братьев.

«Розовоперстая Эос»

Такой воспел ее бессмертный слепец Гомер в своих эпосах, «Илиаде» и «Одиссее». И добавил: «прекраснокудрая». Она освещала утренний путь Ахиллу и Одиссею, Тесею и Ясону. И вот явилась мне…

Разумеется, я не раз наблюдал восход Солнца в Одессе, над нашим Черным морем, но, полагаю, многие земляки, побывавшие в этих краях, подтвердят, что над Эгейским Заря занимается особенно – торжественно и нежно. Рискнул поместить на цветной вкладке снимки, сделанные моей любительской камерой.

Недавно, в день рождения Одессы, у Воронцовского дворца установили памятник в честь древнегреческих колонистов (автор – Михаил Рева), которые в своих странствиях достигли наших берегов… Мой друг – историк, профессор Андрей Добролюбский,

проводивший здесь в конце минувшего века в компании с Олегом Губарем и Андреем Красножоном археологические изыскания, считает, что эллины поселились на территории нынешней Одессы примерно 2600 лет назад…

Двухметровая мраморная колонна украшена изображениями античных монет, найденных при раскопках, увенчана керамической чашей сродни той, что предки нынешних греков пускали по кругу на пирах. И под ней – назидание современникам и потомкам:

«Eknines taxo» – «Пей быстрее»

О том, придерживаются ли сегодня в Греции заветов древних мореплавателей, мы еще поговорим.

Пора оглянуться и убедиться, какое чудесное место выбрали мы для отдыха. Вернее, не мы, а хозяин отеля «Kymata» Янис,

Во дворе нашего отеля парковались и богини…

приветствовавший нас за обедом графином местного терпкого красного вина, созревшего в соседней деревне. Среди персонала гостиницы и водителей экскурсионных автобусов есть бывшие соотечественники – понтийские греки, чьи родители, да и они сами, родились на берегах Азовского и Черного морей. В том числе и наши земляки.

На древнем ахейском наречье отельные наши сверчки
Спросили гостей из Одессы: «Ну, как там у вас, старички?»

Отель, расположенный в уединенном и комфортном уголке Олимпийской Ривьеры, стоит на самом берегу, во всех номерах днем и ночью слышен шум моря и ощущается аромат, источаемый деревьями, кустами, травами, которыми усеяны территория отеля и склоны высокого холма над ним. На его вершине – крепость, видная с моря и берега.

«Крепкостенная Троя Приама…»

Легендарная крепость в Малой Азии, слывшая в античные времена символом неприступности, увы, была разрушена во время Троянской войны. Ее облик весьма скупо приводит Гомер в поэме «Илиада» – несколькими строчками в обширном тексте, одну из которых я процитировал выше. Да и спустя тысячелетия Генрих Шлиман лишь установил место, где она находилась.

К сожалению. до наших дней на территории Греции не сохранилось ни одной древнеэллинской цитадели, а вот относящаяся к XI веку уже нашей эры есть – одна на всю страну. И расположена она на холме, примыкающем к нашей гостинице, и имя ей – Платаном. В античные времена здесь находился город Геркуланум, где, согласно мифам, родился Геракл, совершивший немало подвигов, обессмертивших его имя.

Мы шли к цитадели в гору и в жару, довольно долго, но были вознаграждены грозными стенами, бастионами и дивным видом на округу. Бирюзовое, впрочем, меняющее цвет каждую

минуту море, лагуна, помнящая корабли если не благородных соратников Одиссея – аргонавтов, то эгейских пиратов. А по другую сторону – горная гряда и пики, на которых угадывается то ли снег, то сверкающие на солнце ручьи. И одна из этих вершин – Олимп!. Какая?

Тут вспоминается любимый старый фильм нашего земляка Николая Губенко «Из жизни отдыхающих», где в сцене репетиции в клубе крымского дома отдыха участник самодеятельности поет на фоне декораций, изображающих горы: «А надо мной – гора Ай-Петри!..». Его возмущенно прерывает массовик-затейник – незабвенный Ролан Быков: «Стоп! Куда ты показываешь своей рукой? Где гора Ай-Петри?!».

Похоже, Олимп и в этих античных местах – повсюду. Куда ни укажешь рукой. Из окон одного из номеров нашего отеля действительно виден Олимп, но он (номер) всегда занят – его заказывают загодя… Так утверждает Янис, и я ему верю. Горничная несколько раз водила меня в люкс на третьем этаже и, увы, всегда на дверях висела табличка, призывающая не тревожить постояльцев…

«Александр Македонский был великий полководец…»

Так полагал один из персонажей гоголевского «Ревизора», и мы с ним согласились. Разумеется, на Олимпийской Ривьере есть несколько экскурсионных маршрутов, составленных так, чтобы туристы увидели самые значительные памятные места Греческой Македонии и Фессалии. Здесь происходили многие важные события в античной истории, а также упомянутые в мифах Эллады. Можно отправиться на автобусе к гряде Олимпийского нагорья, а затем подобраться на тысячу метров к обители богов, побывать в древних городах, среди которых и Вергина с могилой царя Филиппа – отца Александра Македонского. Великий государственный деятель и полководец древности, перекроивший не только карту обжитого на то время мира, но и создавший новую – многоязычную и мультикультурную –

В городке Платонамосе Таня подружилась с красавцем сенбернаром

цивилизацию, запечатлен не только в сердцах и умах его земляков, но и на бесчисленных сувенирах: монетах, магнитах, платках, футболках, в скульптурных композициях, в названиях улиц, таверн, ресторанов.

«Громокипящий кубок с неба…»

Традиция застолий здесь стара, как мир, – в полном смысле этого выражения. Ее заложили обитатели Олимпа – и не только боги, но и богини, пировавшие всласть и поглядывающие вниз, на сотворенных ими людей. Поэт Игорь Северянин вослед за Федором Тютчевым вошел в литературу стихотворением о ветреной супруге Зевса, которая неловко уронила на Землю «громокипящий кубок», содержавший напиток богов.

Вино – красное, белое, розовое – пенилось в кубках и чашах небожителей, и в первую очередь – бога веселья Диониса и его свиты: наяд, сатиров и прочих причудливых продуктов генной инженерии, которой увлекались Зевс и члены его семьи. В мифах упоминаются и Минотавр, и Медуза Горгона, и кентавры, и бесчисленные русалки и тритоны…

Бог морей Посейдон ныне – на колонке для питьевой воды

Нынешние вина здесь строго проверяют на наличие генно-модифицированных продуктов, и пить их не только большое, но и безопасное удовольствие. Но в отличие от древних эллинов, в том числе и колонистов, побывавших в наших краях две с половиной тысячи лет назад, в нынешней Греции концепция и методология застолий разительно отличается от античной. Эта тема неисчерпаема: мы побывали в разных регионах Греции – в Афинах, на Крите, Родосе, Санторине, на родственном Кипре, и повсюду свои традиции, своя кухня и винотека. Общее кроме схожих принципов приготовления мясных, рыбных, овощных блюд – и то, что к еде здесь относятся не как приему пищи, а как к ритуалу, способствующему и здоровью, и удовольствию.

И еще греки свято соблюдают ритуал сиесты: между 13 и 19 часами в летнее время здесь работают лишь сетевые супермаркеты и универмаги, кафе в аэропортах и на вокзалах.

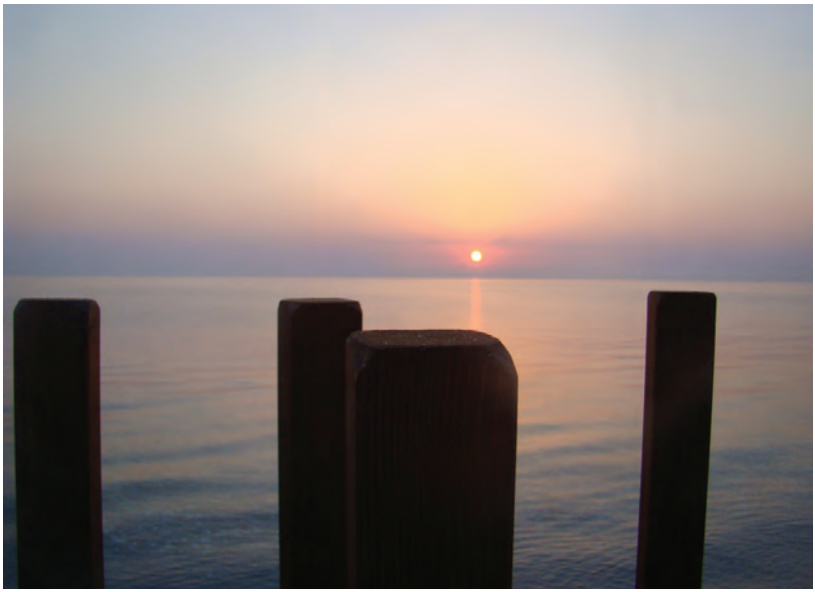
Важно и то, что изменился не только, если так можно выразиться, режим застолий, но и их ритм. И в пафосных ресторанах, и в деловых кафе, и в тавернах «для своих» не принято торопиться, и тем более суетиться. С этим надо считаться и туристам –

иначе возникают неловкие ситуации. Вот почему девиз, о котором мы упоминали в начале этих заметок: «Ekпines taxo!» – «Пей быстрее!» – был хорош для древних эллинов-мореходов, купцов, воинов. Им на роду было написано успеть не только открыть новые территории Ойкумены – пространства, населенного разумными людьми (к ним относились и предки нынешних одесситов), но обжить их, построить храмы, агоры и причалы, и уж потом, на коротком досуге, пустить по кругу чашу вина, созревшего далеко от этих мест – на виноградниках Фессалии, Македонии, Аттики, Коринфа…

Нынче на родине аргонавтов иные ритмы, иные обычаи, иные ритуалы: «Ekпine …» – «Пей медленнее!» – если не звучало, то носилось в воздухе таверны «Дельфин» на самой кромке Эгейского моря. Мы неторопливо шли с официантом Никосом на кухню и выбирали из сегодняшнего раннего улова, покоящегося на льду, несколько барабулек, сардин и две дорады… Затем мы с Таней неторопливо ждали, когда же нам принесут графин с белым крестьянским вином, лед и цсадзики – огурцы, натертые в неповторимый местный йогурт, приправленный оливковым маслом, в который принято макать только что испеченный хлеб. В это время друг Никоса Коста задумчиво поджаривал на гриле рыбу, креветки и сервировал тарелки лимонами – более ничем…

К тому времени уже темнело, и легкое волнение Эгейского моря привлекло ветерок с вершины Олимпа. В таверну потянулись местные жители, освободившиеся с работы, и их домочадцы – от дедушек-бабушек до новорожденных младенцев. Мы тайком поглядывали, что же они заказали на ужин, и с гордостью убеждались, что в местном мейнстриме и тренде.

Трапеза и сегодня строится здесь по законам древнегреческой драматургии. Пролог – выбор закусок и вина. Основное действо – само пиршество. Эпилог – кофе по-гречески, приготовленный из свежесмолотых зерен с добавкой неведомых специй на раскаленном песке хозяином таверны Димитросом, неторопливо переставлявшем медную джезву в только ему известном порядке и ритме. Подобный напиток пил молодой Пушкин в греческих и турецких кофейнях Одессы: «Как мусульман в своем раю, с вос-



точной гущей кофе пью…». Но если кофе он вкушал, как говорится, «и там и здесь», то влюблялся – в красавиц гречанок, которых тогда немало было в городе. Впрочем, есть они и сейчас.

И все же чаще всего в нашем спектакле на берегу Эгейского моря было два финала. Мы завершали вечер глотком оузу – местной водки, где среди компонентов преобладает анис. И тогда наступал катарсис… И Эврипид, и Аристофан полагали это состояние души вершиной чувств, на которые способны и актер, и зритель.

Перечитал эту главку и понял, что картина греческого застолья – благостного и неторопливого – иногда взрывается и становится похожей на эпизоды из культового фильма прошлых лет «Грек Зорба». Происходит это внезапно и непреодолимо и в пафосных дорогих ресторанах, и в прибрежных тавернах, и даже в кафе на трассах, куда экскурсоводы привозят туристов на комплексный перекус. Подобное случилось и с нами.

Только-только принялись за сувлаки, мусаки и салаты по-гречески, как откуда ни возьмись материализовалось трио: дудка, скрипка, барабан и…

Первыми не выдержали дальнобойщики, уныло пившие безалкогольное пиво. За ними – молода пара, ждущая ребенка, дед с бабкой почтенного возраста, лихой американец в ковбойской шляпе. За ними рванули наши соседи по автобусу…

Ну, местные сразу же, выделывая ногами коленца при неподвижном торсе, повели хоровод, но и земляки не сробели: положили руки на плечи соседям – и понеслось! Круг за кругом плясуны обходили зал, и вот уже стынет на столах похлебка Геркулеса (дорогая и особо рекламируемая персоналом кафе), тает мороженое, вянут помидоры…

Сиртаки вырвал из-за стоек даже суровых дам, стоявших на раздаче. Легконогие официанты и прехорошенькие официантки внезапно (то ли переоделись, то ли ждали своего часа за кулисами действа) предстали в национальных костюмах и стали на флангах. И тут уже я попытался вскочить из-за стола, но Таня, как всегда, удержала меня. Ее кредо: уж если танцевать рок-н-ролл, то не хуже Элвиса Пресли, а если уж выпало сиртаки – то Энтони Квина…

Как воин Эллады на перса ходил в лихой и веселой атаке,
Так нынче потомок героя – шофер – в таверне танцует сиртаки…

Из Македонии – в Фессалию

Итак – Олимп мы повидали. Насладились красотой и негой Эгейского моря. Насупило время осуществить еще один пункт нашего путешествия: направиться в Фессалию и побывать в Метеорах – уникальном духовном центре, сооруженном много веков назад на неприступных скалах Фессалии.

Об этом – в следующем номере.

Фото автора и Татьяны Вербицкой

Ах, Одесса

356 Валентин Максименко
«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…»

360 Елена Андрейчикова
Тренинг

361 Сергей Осташко
Одесские байки

368 Евгений Перемышлев
Периферия тяжести

Валентин Максименко

«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь...»*

*

Одесская женская тюрьма. После концерта артистов областной филармонии местный организатор трогательно благодарит выступавших и кончает свою речь так: «Помните, что мы вас ждем здесь...»

*

На гастроли в Одессу приехали «народники». Их руководитель встречающему администратору Дмитрию Козаку не без некоторого заискивания: «Прибыли». И слышит в ответ вместо приветствия: «Какие прибыли? Одни убыли».

*

Кто-то интересуется, где солистка филармонии Шурочка Ф. Легендарная уборщица тетя Маня: «Где-то здесь. Лазарь (концертмейстер Лазарь Яковлевич Саксонский) только что имел ее на рояле». Не подумайте плохого: у них была репетиция.

*

Из услышанного со сцены филармонии.

Однажды Ростропович был объявлен Роспоповичем. Хабанера Кармен – Кабанерой.

---

* Окончание. Начало в кн. 70.

Попробуйте определить, что стоит за анонсированным к исполнению сочинением «Семь богатырей» Бетховена? Речь должна была идти о Багателях («безделушках»).

Вела концерты парторг филармонии, которой, наверное, не смогли найти другую работу…

*

Областное одесское радио отмечало очередной юбилей. «От имени и по поручению филармонии» радио приветствовал писатель-сатирик Георгий Голубенко. Свою короткую и остроумную речь он завершил так: «Желаю вам и далее нести то, что вы несете».

*

Случилось так, что в дни, когда отмечалось 70-летие МХАТ, я был в командировке в Москве. Мой друг, редактор «Театра у микрофона» Б.В. Рудзеевский, предложил мне войти в состав делегации, которая от имени Всесоюзного радио приветствовала юбиляров. Вся «делегация» состояла из трех человек – Рудзеевский, диктор Герцик, красивым голосом зачитавший приветствия, и… я, сыгравший роль миманса. И Рудзеевский рассказал мне, как он сыграл мимическую роль, когда приезжал в Москву театр «Комеди франсез». Это был первый зарубежный коллектив, гастролировавший в СССР. В первых рядах сидело высокой начальство. За ним «обслуга», а в конце партера самые выдающиеся артисты Союза, среди которых Борис Ливанов. Это он попросил Рудзеевского сыграть мимическую роль. Ливанов в антракте вывел Рудзеевского на середину партера и зычным басом прочел свой экспромт:

Друг любезный, посмотри:
Все начальство впереди,
Все актеры сзади,
Посредине бл…ди.

Надеюсь на чувство юмора читателя. Надеюсь, что читатель простит мне и то, что дело было не в Одессе.

*

И снова Одесса.

В поликлинике старушка без очереди входит в кабинет: «Мне только спросить». И спрашивает доктора, который что-то пишет в «историю болезни». «Доктор, как моя моча? Слава Богу?». Доктор, не переставая писать: «Слава Богу». Старушка: «Ну слава Богу». И удовлетворенно уходит.

*

Врач открывает дверь своего кабинета и спрашивает пациентов: «Вы ко мне сидите?».

*

Пациент врачу доверительно: «Я к вам от Марины Игнатьевны». Врач: «Мне за вас никто не говорил».

*

На Приморском бульваре субтильный юноша проходящим девушкам: «Мужчина нужен?». Одна: «Не вижу (мужчину)». И девушки продолжают путь как ни в чем не бывало.

*

Две девушки в маршрутке. Одна: «Где этот оперный театр?». Другая: «Ресторан «Моцарт» знаешь? Ну так это по диагонали».

*

В новогодние дни спектакль для детей решили дополнить сценкой Деда Мороза и Снегурочки. Она выходит, приветствует зрителей и начинает вызывать Деда. А его все нет и нет. Много раз вопрошает: «Дедушка, где ты?». Пока сердобольный зритель не закричал: «В буфете!». Зал грохнул.

*

И тут мне вспомнился гастрольный спектакль слабого столичного тенора в «Фаусте». Наш Мефистофель в ответ на вопрос героя «Что дать ты можешь мне?» ответил по либретто:

– Всё, всё!

И тут прозвучала реплика с галерки:

– Кроме голоса.

Описать реакцию зала не могу.

*

Обращаясь к оперному театру, хочу вспомнить несколько эпизодов. В дореволюционные годы здесь гастролировал известный бас Сабелико, человек высокого роста. Его одесский почитатель Влас Дорошевич пошутил так: «Сабелико приехал в первом классе, а его ноги в третьем». Сам Сабелико пошутил по адресу коллеги баритона Саммарко, человека невысокого, так: «Я стою выше Саммарко».

*

Гостеприимная хозяйка: «Кушайте, дорогие гости. Кушайте».

Гости: «Спасибо».

Хозяйка: «Спасибо ДА или спасибо НЕТ?»

*

Моя коллекция не исчерпана, но надо знать меру: «Если у тебя есть фонтан…»

Елена Андрейчикова

Тренинг

Ежик мечтал изменить мир. С самого раннего детства.

А потом вырос и создал тренинг: «Как изменить мир».

Он же столько времени об этом думал! Сколько информации собрал, стратегий, инструкций, руководств. Есть чем с друзьями в лесу поделиться.

Выбрал самые уютные кусты, мусор прибрал, по периметру цветочки высадил. Красиво, светло, уютно, недорого. Всего по яблоку с носа.

Животных пришло видимо-невидимо. Слушали, затаив дыхание, раскрыв от восхищения пасти.

И только одна наглая мышь в конце вдохновляющего спича имела наглость спросить:

– Ежи Ежифович, скажите, а вы-то сами изменили мир?

– Конечно, глупая!

– И каким же образом? В «Википедии» об этом нет ни слова.

– Ну ты серая! Анализируй! Главная перемена в нашем лесу произошла благодаря мне! Вот вы все раньше ходили просто пописать в кусты, а теперь – на тренинг!

Сергей Осташко

Одесские байки

Слышно, как видно

Одесситы, живущие в старых домах центра, знают такое понятие, как «фонарь». В нашем городе так называли специально спроектированный промежуток между стоящими вплотную домами, предназначенный для вентиляции и освещения кухонь, обычно лишенных окон. Эта широченная труба, простиравшаяся на всю высоту дома, служила, кроме всего прочего, для экстренной коммуникации между этажами в случае, например, затопления верхними этажами нижних:

– Эй, на третьем этаже. Вы шо там, с ума сошли, у нас весь потолок уже стек в борщ!

Или более мирный вариант, используемый обычно сверху вниз:

– Симочка, закройте, пожалуйста, у себя кран и дайте мне воду домыть ребенка.

Но случались и более экзотические виды общения. Представьте себе: утром соседка сверху встречает соседку снизу:

– Верочка, у вас что, вчера были гости?

– С чего вы взяли?

– Ну как же? У вас вчера отбило 24 битка!

Кремлевский диетчик

Муж пытается похудеть, сидя на кремлевской диете. Для тех, кто не знает, – уточняю: это когда нельзя хлеба, сахара, соли и спичек. Не, перепутал, соли и спичек как раз можно, а нельзя каш, картошки и, что самое обидное, – пива. А вот мясо, сало,

масло, водку и коньяк – можно сколько угодно. Ну, понятно, для кремлевских старцев диета разрабатывалась.

Так вот, муж сидит на кремлевской диете, а жена приносит ужин – жаркое. Муж уныло, но с голодными глазами ковыряет в тарелке и жалостливо изрекает:

– Но ведь мне картошки нельзя…

На что жена резонно отвечает:

– Там мяса совсем мало…

И муж с еще большей грустью в глазах вздыхает:

– А совсем мало мяса – мне еще больше нельзя!

Борина квартира

Многие помнят, что в Одессе был когда-то такой знаменитый скрипач Буся (Борис) Гольдштейн – ученик Столярского. В 1934 году этому мальчику было 12 лет, и его в Колонном зале Дома Союзов в Москве сам «всесоюзный староста» Михаил Калинин награждал орденом за победу на каком-то международном музыкальном конкурсе. Его мама перед самым началом церемонии отзывает и говорит: «Буся, когда Калинин пришпилит тебе орден, ты громко скажи: «Дедушка Калинин, приезжайте к нам в гости».

Буся отвечает: «Мама, это неудобно».

Мама настаивает: «Буся, ты скажешь!».

Начинается церемония, Калинин пришпиливает Бусе орден, и мальчик послушно говорит: «Дедушка Калинин, приезжайте к нам в гости!». И тут же из зала дикий крик Бусиной мамы: «Буся, что ты говоришь? Мы же живем в коммунальной квартире!».

Вы думаете, они получили квартиру через неделю? Ничего подобного – квартиру им дали уже на следующий день!..

«Землетрус» 40-летней давности

Пятничное землетрясение 24 сентября 2016 года я проспал. Зато оно мне напомнило знаменитое одесское (а точнее – бухарестское) землетрясение 4 марта 1977 года.

Оно пришлось на день рождения Ирки – моего хорошего и доброго друга. Нашему с Диночкой сыну Сашке исполнился год и десять месяцев. Наша бабушка (моя мама) впервые отпустила нас вдвоем из дома – не любила она оставаться одна с ребенком.

И вот сидим мы у Ирки на третьем этаже теплой, но большой компанией. Уже наелись. Потанцевали и опять уселись за стол. И тут задрожало. Пошутили о том, что ребята этажом выше хорошо отплясывают. И вдруг кто-то так тихонько говорит: «Братцы, а ведь над нами только чердак». Еще кто-то догадался: «Значит… это землетрясение!». И тут, как говорят в украинской Одессе, «за столом запала тыша».

Первой подхватилась Динка и как была, без пальто, кинулась домой спасать ребенка. Если бы я догадался взять на день рождения секундомер, то мог бы зафиксировать рекорд в беге по сильно пересеченной местности.

Позже я узнал, что землетрясение продолжалось 55 секунд. За это время мы успели пробежать два здоровенных квартала, и когда поднялись на наш второй этаж, еще трясло. Правда, на этот раз – мою маму, которая с ребенком в руках стояла в дверном проеме. А потом еще год она нас никуда вдвоем не отпускала.

Верный признак

Я хочу рассказать историю, которую впору рассказывать Валерию Хаиту, потому что он был непосредственным ее участником, а я узнал о ней из газеты «Неделя».

Представьте себе, 1960-е годы. Гремит слава первой одесской команды КВН, капитаном которой был Валерий Хаит, и газета «Неделя» устраивает новогодний конкурс среди лучших капитанов КВН – Слава Харечко (Московский институт нефти и газа), Мотя Левинтон (1-й Московский медицинский институт), Фима Аглицкий (Московский физико-технический институт), наш Валера Хаит и еще там кто-то. Им задают вопросы, они отвечают… Я запомнил один вопрос и два ответа: «Вот представьте себе, что в новогоднюю ночь вы остались дома. И у вас нет ни часов, ни телевизора, ни радио. Как вы узнаете, что наступил Новый

год?» Кто-то – то ли Слава, то ли Фима – говорит: «Очень просто: если я в новогоднюю сижу дома, значит, у меня есть елка. Я переворачиваю елку, и ровно в 12:00 ночи на ее стволе появляется новое годовое кольцо!». А Валера ответил так: «Для одессита очень просто узнать, когда наступит Новый год. В Одессе всегда в 12:00 отключают воду».

Байка от Александра Отдельнова

Вечерний движ в одесской аптеке. На помощь двум молоденьким девушкам, мечущимся за стойкой, из фармацевтических недр выплывает их начальница, этакая Ханума. Ее контральто с кавказским акцентом уверенно ускоряет движение очереди. И тут из-под среднего роста капюшона дрожащий голос:

– А у этих презервативов какой срок годности?

В глазах Ханумы блеснула мудрость Востока.

– Адын раз, дорогой!

Когда не было мобильных

Поздний вечер. Полупустой трамвай. На одном из сидений сидит в меру пьяненький мужичок. На коленях у него стационарный телефон, провод от которого тянется в проход. Периодически чудак снимает трубку, долго вслушивается в ее молчание, потом в сердцах бросает трубку на рычаг и восклицает: «Вот сука, где же она ходит?».

На пути в турпоход

Переполненный 28-й трамвай на Пантелеймоновской. На Преображенской входит парень с объемистым рюкзаком за плечами. Видно, что ехать ему две остановки – до вокзала, – поэтому рюкзака он не снимает. Дама за его правым плечом начинает возмущаться. Конкретный текст возмущения здесь неважен, а смысл: «молодежь

совсем обнаглела, с рюкзаком в трамвай вперся, шел бы пешком». Трамвай полный. Жарко. А тут еще противный дискант.

Парень явно слышит, но не реагирует. Чего реагировать? Всего две остановки-то.

Народ безмолвствует. А чего говорить? Пацан явно в поход собрался, ему всего две остановки ехать. Дама повышает голос.

Остановка «Екатерининская». Давка возрастает. Дамские децибелы тоже. Парень не реагирует. Толпа с интересом наблюдает.

Уже при подъезде к остановке, видя, что на ее уже визги – ноль снимания, дама переходит от слов «Ты что, оглох?» к делу – довольно ощутимо хлопает парня по плечу. И тут парень не выдерживает и с вопросом: «Что?» – резко поворачивается, но не направо, к даме, на 90 градусов, что логично, а налево на все 270. При этом объемный рюкзак буквально впечатывает даму в дверь трамвая. Дверь открывается. Дама выпадает. Рюкзак выходит. В трамвае воцаряется вожделенная тишина.

Очень обстоятельный пенсионер

В прохладу социальной аптеки с августовской жары просачивается явно заслуженный пенсионер: парусиновые брюки, шляпа с дырочками «а-ля Никита Сергеевич», шлепанцы на подагрических ступнях. Палочка в его руках служит скорее для того, чтобы дедушке уступали место в транспорте, а не для опоры. Во всяком случае, размахивает он ею достаточно бодро.

Даже не переведя дух под ветерком кондиционера, он бросается прямо к окошку:

– Доченька, вот тут мне выписали рецепт. У вас это есть?

Чувствуется, что дед пользует эту аптеку лет двадцать, еще с тех пор как она еще не была социальной.

«Доченька» лет 56-ти с гаком смотрит на рецепт и озвучивает абсолютно неподъемную для рядового пенсионера сумму. Но у нас, как было сказано выше, не рядовой пенсионер, а заслуженный. Переспросив «сколько-сколько», он тяжело вздыхает

и достает абсолютно нетипичную для рядового пенсионера купюру 500 гривен.

Получив два тюбика и тщательно пересчитав сдачу – чувствуется, что видит он гораздо лучше, чем слышит, – дедушка снова обращается к «девушке»:

– Милая, они тут не написали мне, как это все принимать. Расскажи мне, пожалуйста.

Продавщица смотрит в рецепт и объясняет:

– Здесь принимать ничего не нужно. Это нужно закапывать в уши три раза в день, а этим – смазывать в ухе квачиком два раза в день.

– Да это я все прочел, – досадливо возражает дед, – ты мне объясни, что делать до еды, а что после.

Сильно рассеянный склероз

По городу от аптеки к аптеке передвигается заслуженный пенсионер. В каждую следующую он входит со словами: «По-моему, я у вас сегодня еще не был». Вот такой сильно рассеянный склероз.

Чудесное пробуждение

Раннее одесское утро. Солнце уже встало, но машины по улице еще не ездят, тишина… И вдруг в этой звенящей тишине какая-то пичуга усаживается на ветку, которая утыкается прямо в мое окно, требовательно спрашивает тонюсеньким голоском: «Ты кто?» – и улетает. И пока я обдумывал ответ на этот вопрос, я проснулся.

Оно вам надо?

Всего два мэра назад весь город был утыкан лайтбоксами с социальной рекламой. На прохожих таращился заплаканный ребенок, рядом светился слоган: «Плохо быть маленьким и никому не нужным». А внизу была подпись: «Одесский горисполком».

Всемерный потоп

Междугородний звонок от друга после очередного одесского наводнения, которое транслировали все телеканалы.

– Ну что, у вас там потоп закончился?

– Потоп закончился, но Ной пока не вернулся.

Курьезы украинского меню

В одном из пунктов меню дорогого ресторана написано: «Водка «Хортица»: 50 гр. – 17 гр.».

И невольно задумываешься: это 50 грамм водки стоит 17 гривен, или 17 грамм водки – 50 гривен?

Евгений Перемышлев

Периферия тяжести

Древо дознания.

Время не лечит, оно ставит диагноз.

Гора, удочерившая мышь.

Змея смеется только тогда, когда ее подмышками щекочут.

Собирать камни. Время пошло.

У страха штаны велики.

Как муза на душу положит.

Междуцарствие небесное.

Научный диспут попугаев.

Мир стоит на трех ежах.

Воздушный поцелуй Иуды.

Лаокоон в примерочной.

Пытки слова.

Издано...

370 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

376 **Наталья Бржестовская**
Настоящая одесская литература

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Ростислав Александров
(Александр Розенбойм)
Беседы об Одессе
Одесса, Optimum, 2017

Мы писали уже о том, что издательство «Optimum», где выходили книги Р. Александрова, осуществляет проект по выпуску его шеститомного собрания сочинений. На моей полке уже стоят четыре тома. А издательство как приложение к собранию сочинений выпустило книгу «Беседы об Одессе».

Это беседы Александра Розенбойма, а был он блестящим рассказчиком, с журналистами Натальей Бржестовской и Александром Федоренко. Первая была сделана для печатного издания, вторая – для телевидения, и состояла из множества фрагментов.

Очень существенное дополнение к основным томам. В этих беседах обаяние живой речи, интонация, мелкие детали, которые могли не попасть в книги из собрания сочинений. И это приложе-

ние еще раз убедило меня в том, что библиография публикаций Р. Александрова в печати, которую сейчас готовит Научная библиотека, выявит множество его статей, из которых следует сделать дополнительный том в этом благородном проекте.

Сергей Рядченко
Безумцы
Одесса,
Издательство Бондаренко, 2017

«Сергей Рядченко родился в Одессе в 1952 году. Здесь и обитает» – написано на задней обложке книги. Тем, кто освоил арифметику, нетрудно сосчитать, что автору исполнилось 65 лет, уточню – в сентябре, и выпуск этой книги рассказов был приурочен к дню его рождения.

Мне представляется, что это очень значительная книга и для автора, и для литературы нашего города. Когда вышли «Суббота для человека» и «УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ», от Сергея Рядченко ждешь новых литературных подвигов.

И автор не обманывает наших ожиданий. Я писал предисловие к этой книге и могу повторить, что в литературных институтах пора изучать азы постмодернизма по Сергею Рядченко.

Уильям Эрнст Хенли
Непобедимый
Составление и перевод с английского Игоря Лосинского
Одесса, Удача, 2017

Рассказывать биографию шотландского поэта Уильяма Эрнста Хенли (1849-1903) не буду. Его стихи впервые зазвучали

на русском языке. И планомерно осуществляет этот проект, «Опыты современного перевода», Игорь Лосинский.

Напомню, что в 2006 году вышла книга его переводов Уильяма Батлера Йетса, в 2010 – Уильям Блейк, в 2012 году в сборник «Три гения Альбиона» вошли переводы не только Йетса и Блейка, но и Р.Л. Стивенсона. И вот еще через пять лет – четвертая книга в этом проекте – У.Э. Хенли.

Игорь Лосинский знакомит читателя как с оригинальным текстом, так и со своим переводом, позволяя тем, кто знает английский язык, оценить качество стихов и их переложения. Для меня знакомство с новым для меня поэтом состоялось. Лирик и философ, он прекрасно дополняет наше представление о романтической поэзии. Р. Стивенсон назвал У. Хенли волшебником. Думаю, что в этом нет преувеличения.

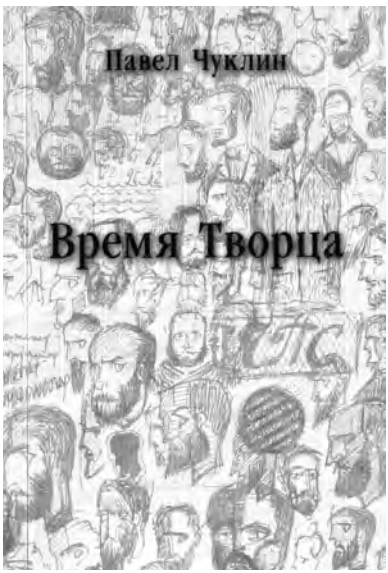
Владислав Китик
Внутренний голос
Одесса, Астропринт, 2017

Первый сборник стихов Владислава Китика вышел в 1991 году, так что Владислав старожил в стране поэзии. Но он молод, и молоды его стихи. Хоть за плечами долгий трудовой путь – моряк, слесарь, кочегар, журналист. Но его поэзия не о рабочих буднях, а о родном городе – Одессе, о человеческих чувствах, размышления о добре и зле.

Название «Внутренний голос» очень точно передает настроение и мелодику стихов. Это негромкая поэзия, это человек, размышляющий вслух, погружающий нас в мир своих лирических открытий.

Наш альманах недавно публиковал стихи Владислава Китика, и в ближайшее время познакомит с его новыми стихами.

Павел Чуклин
Время Творца
Одесса, Издательство Бондаренко, 2015



Павел Сергеевич Чуклин – замечательный музыкант, доцент Одесской консерватории, завершил свой земной путь. Но его стихи продолжают выходить благодаря заботам его жены, музыканта Людмилы Зимы.

Павел Чуклин – поэт настоящий, я бы сказал, вневременной. Корни его поэзии в XVIII-XIX веках, за его спиной были Державин и Тютчев, а не Серебряный век, не поэзия шестидесятников. Глубоко религиозный человек, он ощущал мир как борьбу стихий, а свою поэзию как исповедь.

Трудно сказать, пришло ли время его поэзии уже сейчас. Но оно придет. Ведь перед каждым человеком рано или поздно возникает вопрос о смысле жизни.

Поскольку стихи Павла Чуклина знают много меньше, чем они того заслуживают, приведу одну строфу из стихотворения «Я гляжу на морскую равнину...»:

...Море вдаль расстилает дорогу
Шевелящейся лентой стальной,
И живое присутствие Бога
Различаешь над синей волной.

Издано в Киеве

Елена Андрейчикова
Акулы тоже занимаются любовью
Киев, Форс Украина, 2017

Новая волна молодой одесской прозы – это Елена Андрейчикова, Анна Михалевская, Яна Желток, Майя Димерли, Виктория Корытнянская. Надеюсь, что у всех у них появятся в ближайшее время книги и в Одессе, и в Киеве.

А у Елены Андрейчиковой это уже вторая книга, вышедшая в издательстве «Форс Украина» в этом году.

Андрейчикова привлекла внимание читателей и издателей короткими иронически-ми рассказами. Но постепенно ей стала тесной эта форма. Захотелось писать большие психологические рассказы, повести. В новую книгу вошла одна повесть

и четыре рассказа. Это вновь о переживаниях женщины, о ее чувствах, страстях, положении в обществе. На пределе откровенности. Но одновременно с ироническим отношением к себе и окружающим.

Именно эти качества делают книги Е. Андрейчиковой бестселлером нашего книгоиздания. Их уже переводят на украинский язык.

Наталья Бржестовская

Настоящая одесская литература

За что мы любим этот удивительный город?

Его всезнающих ироничных, неистощимых на выдумки обитателей? В чем их неизбывная сила и непобеждаемый дух? Ответ – в этом сборнике: «Пока Бог улыбается».

Десять дней я была погружена в его чтение. Прекрасную прозу. Настоящую одесскую литературу. Я обитала во дворце Агны и мерзла под лодкой Кристоса, погружаясь в нереальный мир Елены Боришполец.

Меня подташнивало от ядовитых грибов, которые я ела вилкой прямо со сковородки с двумя одесскими художниками в доме на улице Ромашковой (Игорь Божко, «Акварель»).

Я шила каракулевую шубу из шапок вместе с Галиной Маркеловой («Сколько полковников»).

Меня остро тронула история детства юной героини в Эстонии («Больше никогда» Майи Димерли). Я сравнивала с ней себя, вспоминая, как в 4-5 классе носила литовскую школьную форму, которую мы с мамой привезли из Шяуляя. В своем темно-синем сарафане, синей полосатой рубашке (на каждый день) и белой сорочке с жабо (по праздникам) я выделялась из общего фона

коричневой формы для девочек и, чувствуя себя белой вороной, испытывала смущение и неловкость.

Я впитывала одесские словечки и обороты речи, слушая беседы одесских коллекционеров в «Последнем приюте» Алексея Гладкова.

Я поселилась на время в колоритном старом одесском дворе на Слободке с котами и шумными соседями (рассказ Анны Стреминской «Мои соседи»).

А двор, в который меня перенесла Анна Костенко («Цуркигілки»), где живут тетка Феца, Фира, пани Гуля, показался мне до боли знакомым. Точно в таком же дворе в Старобазарном переулке я прожила пять первых одесских лет. И там мне пришлось познавать этот одесский говор и крутой нрав обитательниц старых одесских дворов.

Я помогала накрывать на стол вместе с говорящими героями Александра Хинта «Принцип Гейзенберга» – веселиться сообща в старых дворах тоже умели.

Я замечательно провела время у кромки воды в теплой одесской компании в яхт-клубе на Большом Фонтане (рассказ Елены Андрейчиковой «Как-то вечером у воды»).

И даже если действие географически происходило далеко от Одессы, скажем, в Индии (Евгений Деменок, «Tabula Rasa»), то все равно это особый, пытливый взгляд одессита на мироздание, на ситуации.

И да, теперь я знаю все, что ожидает нас по ту сторону жизни, и благодарна своему ангелу-хранителю за то, что мне было отпущено так много и за каждый последующий дарованный мне день (повесть Виктории Корытнянской «У смерти за пазухой»).

Но мне этого оказалось мало. Мне хотелось заглянуть дальше. Чтобы узнать больше – о событиях, героях, познакомиться ближе. Попытать авторов, поднявших такие пласты, глыбы в своих небольших по объему произведениях. Это о рассказах Анны Михалевской «История Луизы» и Наиля Муратова «Долгая счастливая жизнь». Ведь эти истории тянут на повести и даже романы.

Словом, мне ясно одно. Улыбка Бога не случайна. Он благосклонен и щедр к этой небольшой географической координате на карте Земли на зависть другим, может быть, более это заслужившим, благополучным и обеспеченным. А вот поди ж ты…

Содержание

От редакции 3

Внимание: конкурс!
Всего – 192 слова 6

Михаил Жванецкий
И о политиках... 8

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 16

Олег Сивирин
Кисёлова гора и Лузановка 42

Елена Букреева
«Седьмой уже год живем изгнанниками в Женеве» 75

Валерия Кухаренко
О том, что было 87

Одесский календарь

Владимир Ханелис
Одесситы в кнессете 94

Проза

Михаил Жванецкий
Рита 102

Конкурс «192»
Алексей Гладков
192. 107

Яков Шехтер
История одесского раввина. 108

Галина Соколова
Первые открытия. 131

Сергей Четверухин
Квартирка 145

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 159

Поэзия

Наталья Королева
Не бывает людей чужих. 170

Жанна Жарова
Зябкая веток дрожь 177

Феликс Гойхман
Но если музыка жива. 183

Рита Бальмина
Приговори меня к себе. 187

Наталья Резник
«Что исправлять! Меня уже родили…». 194

Евгений Петров
На фестивале как-то раз. 199

Первые шаги

Одесское «Море талантов» 206
Подготовила Инна Ищук

Искусство – жизнь – искусство

Феликс Кохрихт
«Тьма, пришедшая со Средиземного моря...» 216

Феликс Кохрихт
«Я изучаю мир» 223

Михаил Сеславинский
В отблеске таланта 227

Евгений Голубовский, Олег Губарь
Вечное обновление 236

Евгений Деменок
Давид Видгоф и Альфонс Муха. История одной дружбы 241

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 254

Феликс Кохрихт
Из зоны отдыха – в «Зону турбулентности» 273

Роман Бродавко
Карл Фаберже: успех и бессмертие 281

Вероника Коваль
«Где же истина, что с душой едина?» 287

Публикации

Имя разлуки. 298
Письма Инны Лиснянской
Публикация Елены Макаровой

Александр Гринберг
Рассказы. 325

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Минет ли прошлое, сбудутся ль чаянья…» 332

Путешествие

Феликс Кохрихт
Греческие календы на Олимпийской Ривьере. 344

Ах, Одесса

Валентин Максименко
«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь…» 356

Елена Андрейчикова
Тренинг 360

Сергей Осташко
Одесские байки 361

Евгений Перемышлев
Периферия тяжести 368

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал 370

Наталья Бржестовская
Настоящая одесская литература 376

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 71

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 71

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 15.11.2017
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil®A.C.
FCS-AOC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)